Тихомиров.

Демократия
либеральная и
социальная

М 1/584

2875

14/VIII 1918

Л. Тихомировъ.

М I
584

ДЕМОКРАТІЯ

ЛИБЕРАЛЬНАЯ И СОЦІАЛЬНАЯ.

МОСКВА.
—
1896.

М 1/584

801-94/8890-6

Л. Тихомировъ.

ДЕМОКРАТІЯ

ЛИБЕРАЛЬНАЯ И СОЦІАЛЬНАЯ.

МОСКВА.
Университ. типографія, на Страст. бульв.
1896.

СССР
Библиотека
имени
В. И. Ленина
4461-34

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 1

Соціальные миражи современности 9

Панама и парламентаризмъ..... 102

Коммунизмъ и партикуляризмъ..... 155

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящей книжкѣ, подъ общимъ названіемъ «Демократія либеральная и соціальная» я соединяю три статьи, опубликованныя въ разное время, но взаимно одна другую дополняющія. Первая, «Соціальные миражи», напечатана въ *Русскомъ Обозрѣніи* въ 1891 г., № 7; она обрисовываетъ эволюцію демократической идеи, уже создавшей современныя парламентарныя государства, и выдвинувшей еще неосуществленные идеалы соціалистическаго характера. Вторая статья, «Панама и парламентаризмъ», ранѣе печатавшаяся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (1892 г. №№ 351, 354 и 359 и 1893 г. №№ 9 и 12), даетъ небольшой образчикъ самой практики либеральнаго демократизма. Третья статья, «Коммунизмъ и партикуляризмъ», дополняетъ разсужденія первой о соціальномъ демократизмѣ. Она печаталась въ *Русскомъ Обозрѣніи* (1892 г., іюль),

Выпуская теперь этотъ сборникъ, должно сказать нѣсколько словъ о томъ противорѣчіи,

въ которомъ иногда находятся высказываемыя мною мысли съ воззрѣніями юристовъ-государственниковъ.

Я обрисовываю, какъ *соціальные миражи* то, что въ курсахъ государственнаго права, считается верхомъ современнаго государственнаго прогресса. То самое явленіе, которое большинству практическихъ наблюдателей ясно представляется какъ *демократическій парламентаризмъ*, какъ правленіе *представительной демократіи*, разсматривается юристами какъ *конституціонная монархія или конституціонная республика*. Это не одна разница въ названіяхъ, а разница въ пониманіи самого смысла и содержанія современной политической эволюціи. Въ классическомъ трудѣ Блюнчли (*Общее Государственное Право*) выражается увѣренность, что «теперь снова получаетъ всеобщее признаніе античная государственная идея... Государство снова становится народнымъ, но въ болѣе благородныхъ формахъ, нежели въ древности. Средневѣковое сословное устройство служитъ преддверіемъ *новаго представительнаго государства*, въ которомъ весь народъ представляетъ себя въ *лицѣ лучшихъ и благороднѣйшихъ своихъ членовъ*».

Достаточно этихъ послѣднихъ словъ, чтобы, при всемъ уваженіи къ уму и учености столпа

современнаго государственнаго права,—видѣть, что онъ разсуждаетъ чисто кабинетнымъ способомъ. Даже и политиканы ему кажутся «лучшими и благороднѣйшими членами» народа. Это для всякаго практическаго наблюдателя звучитъ просто оскорбительной насмѣшкой надъ несчастными народами. Только чистой теоретичностью объяснимы также опредѣленія Блюнчли, будто бы «конституціонная монархія заключаетъ въ себѣ всѣ другія государственныя формы», т.-е. соединяетъ лучшія стороны монархіи, аристократіи и демократіи, въ гармоническомъ единеніи. Таковы, однако, господствующія нынѣ ученія государственнаго права. Нашъ Чичеринъ точно также повторяетъ, будто бы «ограниченная монархія представляетъ сочетаніе монархическаго начала съ аристократическимъ и демократическимъ. Въ этой политической формѣ выражается полнота развитія всѣхъ элементовъ государства и гармоническое ихъ сочетаніе» (*Основы Госуд. Науки*). «Идея государства здѣсь (будто бы) достигаетъ высшаго развитія» (id). Понятіе о *сложной* Верховной Власти, о томъ что, субъектомъ Верховной Власти можетъ быть цѣлая *система* учрежденій,—путаетъ взгляды умнѣйшихъ современныхъ государственниковъ. Къ сожалѣнію такое воззрѣніе на парламентаризмъ

становится уже прямо школьнымъ. «Въ государствѣ *стараго* порядка, учатъ насъ нынѣ даже монархисты, типомъ котораго можетъ служить французская монархія XVIII вѣка, вся полнота верховной власти сосредоточивалась въ одномъ лицѣ, и эта власть была потому личной и *надзаконной*. *Современное* же государство такой власти не знаетъ и распредѣляетъ основныя функціи государственной власти между *нѣсколькими* органами, изъ которыхъ поэтому ни одинъ не обладаетъ неограниченной властью» (*Госуд. Право* проф. Алексѣева). Этотъ эпитетъ «*современное*» eo ipso дѣлается для юристовъ синонимомъ «наиболѣе совершеннаго», «высшей ступенью развитія» и т. п. Совершенно понятно далѣе, что достиженіе этой «высшей ступени» дѣлается со стороны учениковъ предметомъ практическихъ стремленій, которымъ академическая наука даетъ свою санкцію и поддержку.

Безъ сомнѣнія такія практическія стремленія были бы вполнѣ основательны, если бы академическая наука была права въ своемъ пониманіи современной политической эволюціи. Къ сожалѣнію,—ея анализъ, какъ и ея обобщенія, а потому и цѣли, указываемыя ею,—несомнѣнно совершенно ошибочны. Я осмѣливаюсь утверждать, что смыслъ современной политической

эволюціи состоитъ не въ выработкѣ *смѣшанной* формы верховной власти (задача, полагаю, и по существу абсурдная), а въ замѣнѣ монархическаго принципа демократическимъ, самодержавія единоличнаго *самодержавіемъ народа.* Осмѣливаюсь думать, что представители государственной науки очень плохо оцѣниваютъ геніальную проницательность Ж. Ж. Руссо, которому всѣ его парадоксы и софизмы не мѣшаютъ быть истиннымъ представителемъ политическихъ стремленій XVIII и XIX вѣковъ. То что представителямъ государственнаго права XIX вѣка кажется стремленіемъ къ *сочетанію* монархическаго принципа съ аристократическимъ и демократическимъ, есть въ дѣйствительности постепенное уничтоженіе первыхъ двухъ въ пользу послѣдняго. Только *книжность* изученія позволяетъ ученымъ не видѣть, что столь восхваляемыя ими «гармоническія сочетанія» суть не болѣе какъ минутные компромиссы между постепенно слабѣющими, но еще живыми «старыми» принципами и торжествующимъ «новымъ». Не думаю, чтобы хотя одинъ *практическій* политикъ нашего времени сомнѣвался, что Европа идетъ именно къ полному торжеству *демократіи.* Кое-гдѣ эти «гармоническія сочетанія» уже кончились упраздненіемъ мо-

нархіи и аристократіи, кое-гдѣ (какъ въ Англіи) еще только клонятся къ этому. Но общая тенденція эволюціи совершенно ясна и нынѣ для всякаго, кто наблюдаетъ *факты*, а не сочиняетъ кабинетныя теоріи.

Эти факты, къ сожалѣнію, гораздо менѣе утѣшительны, нежели кабинетныя теоріи «гармоническихъ сочетаній». Далеко не возрожденіе античныхъ государственныхъ идей имѣемъ мы въ томъ, что̀ наука указываетъ намъ въ «современныхъ» идеалахъ. Дѣйствительность современной эволюціи представляетъ *больную мечту*, стремленіе къ *химерѣ*, погоню за *соціальными миражами*. Не къ созданію «высшихъ» формъ государственности идетъ она, а къ истощенію государственной идеи, къ постепенному разложенію всякаго разумно организованнаго государства, съ окончаніемъ его либо въ анархіи, либо въ деспотическомъ соціализмѣ. Настоящая *идея* современной эволюціи именно въ *этомъ*.

Я обрисовываю ее кратко, безъ сомнѣнія, даже слишкомъ кратко... Но то, что̀ я обрисовываю, во всякомъ случаѣ есть плодъ наблюденія самой эволюціи, какова она есть, а не натягиваніе на факты какихъ-либо собственныхъ желаній.

Что касается этихъ послѣднихъ, т.-е. жела-

ній, они у меня, быть можетъ, не далеки отъ тѣхъ, которыя подсказываютъ «государственникамъ» ихъ иллюзіи. Правильное и гармоническое сочетаніе въ государствѣ основныхъ элементовъ власти безъ сомнѣнія составляетъ залогъ полноты жизни государства. Но дѣло въ томъ, что наше время именно менѣе всего думаетъ о такомъ сочетаніи. Сверхъ того, позволю себѣ остаться при убѣжденіи, что сочетаніе монархическаго, аристократическаго и демократическаго элементовъ никакъ не можетъ быть производимо собственно въ *Верховной Власти*, которая по существу можетъ быть только едина и нераздѣльна. Это сочетаніе возможно лишь въ организаціи *управленія*, а потому наиболѣе достижимо, полагаю, именно при *неограниченной* монархіи, какъ такой формѣ верховной власти, которая допускаетъ наиболѣе спокойное исканіе *общественнаго* блага, при наибольшей свободѣ отъ эгоистическихъ стремленій тѣхъ или иныхъ классовъ народа.

Л. Тихомировъ.

Соціальные миражи современности.

I.

„Новая эра". Мечтательное единеніе разума и прогресса въ XVIII в.—Разрушеніе мечты въ XIX в.—Демократизмъ либеральный. Демократизмъ соціальный. Анархизмъ.

Въ концѣ XVIII вѣка передовые представители соціальной мысли сознавали себя предъ нѣкоторою «новою эрой», которая хоронила всѣ старые «предразсудки» и впервые ставила человѣчество на настоящую дорогу, «разумную» и вмѣстѣ также «естественную». Эти два понятія сливались въ чемъ-то несказанно сильномъ и великомъ. Горделивое чувство радости наполняло тогда сердца людей передъ тѣмъ, что́ казалось великимъ, еще небывалымъ откровеніемъ разума. «Мой милый, милый, батюшка, пишетъ тогда Камиллъ Дюмуленъ отцу, вы не можете составить себѣ даже представленія о той радости, которою наполняетъ меня наше возрожденіе».—«Какъ я благодарю

небо, восклицаетъ онъ,—за то, что родился въ концѣ этого вѣка!» * Таково было общее чувство. «Все говоритъ намъ», пишетъ Кондорсе, «что мы вступаемъ въ эпоху одной изъ величайшихъ революцій рода человѣческаго... Современное состояніе просвѣщенія гарантируетъ намъ ея счастливый исходъ» **. Да и какъ было думать иначе? Люди увѣрились не только въ томъ, что «совершенствованіе человѣка безконечно (indefinie)», но что «движеніе этого совершенствованія отнынѣ не зависитъ уже ни отъ какой силы, которая вздумала бы его остановить, и не имѣетъ другаго конца, кромѣ конца существованія земнаго шара». «Природа, говоритъ философъ революціи, неразрывно соединила прогрессъ просвѣщенія съ прогрессомъ свободы, добродѣтели, уваженія къ *естественнымъ правамъ* человѣка»; эти «единственно реальныя блага», въ прошломъ разъединяемыя «предразсудками», становятся неразрывно связанными съ момента, какъ просвѣщеніе достигло извѣстной степени развитія. Блаженный моментъ наступилъ и кладетъ начало новой эрѣ. «Это объединеніе уже совершилось въ цѣломъ клас-

---

* *La France libre.*

** *Progrès de l'esprit humain.* Вступленіе.

сѣ просвѣщенныхъ людей», который ускоритъ совершенствованіе и счастье человѣчества *. Свѣтлою картиной развертывалось будущее передъ мысленнымъ взоромъ реформаторовъ.

Съ этой поры горделивыхъ мечтаній прошло сто лѣтъ. Два вѣка, не жалѣя ни крови, ни нервовъ, работали надъ осуществленіемъ царства свободы и равенства. Либеральный демократизмъ, олицетворившій новые принципы, сдѣлался господствующимъ на всемъ пространствѣ европейской культуры. Политическая и соціальная жизнь народовъ передѣлана сверху до низу. Но тяжко было бы пробужденіе кого-нибудь изъ пророковъ XVIII вѣка, еслибъ онъ могъ, возставъ изъ гроба, посмотрѣть на дѣйствительность осуществленныхъ мечтаній его!

Не будемъ уже говорить о счастіи, о довольствѣ. Оставимъ въ сторонѣ субъективные взгляды, но какъ не похоже осуществленіе на мечты даже съ чисто объективной точки зрѣнія! А вѣдь для XVIII вѣка это были не *мечты*, это казалось тогда реальнѣйшею изо всѣхъ реальностей! Не фантазія «предразсудковъ», а разумъ тогда пророчествовалъ. Что же долж-

---

* *Progrés de l'esprit humain.*

но думать, когда его пророчества ни на одномъ пунктѣ не оказываются вѣрными? Ни одно предвидѣніе не осуществилось, и развитіе жизни идетъ въ противорѣчіи съ ними, несмотря на то, что старается именно ихъ осуществлять, и даже думаетъ, будто ихъ осуществляетъ. Проницательный умъ пророковъ и софистовъ XVIII вѣка былъ бы пораженъ можетъ-быть болѣе всего именно этимъ «неразумнымъ» состояніемъ умовъ ихъ же собственныхъ учениковъ и послѣдователей.

Объединеніе разума и просвѣщенія, со стремленіемъ къ реализаціи «естественныхъ» правъ, которое XVIII вѣкъ объявилъ уже готовымъ фундаментомъ безконечнаго прогресса, прежде всего оказывается мнѳомъ. Продолжатели дѣла XVIII вѣка, современные демократы и революціонеры, конечно, по старой памяти, продолжаютъ воображать себя «интеллигенціей» и воспѣваютъ себѣ гимны—подъ видомъ.

Armée de la pensée,
Armée toujours sacrée,
Qui fait par le progré
Marcher l'humanité!

Но въ дѣйствительности, настоящая armée de la pensée XIX вѣка, представители его точныхъ знаній и развивающейся мысли, люди

науки, все столѣтіе только и дѣлаютъ, что подрываютъ основы, на которыхъ строились политическіе и соціальные идеалы XVIII вѣка и либеральнаго демократизма нашего времени. Эти идеалы и наука разъединились въ полную противоположность XVIII вѣку. Требуя свободы, равенства и демократіи, Руссо или Кондорсе, казалось имъ, основывались на точномъ анализѣ природы человѣка и природы общества. Они могли математически ясно показать, какъ, напримѣръ, *естественная свобода* личности, проходя сквозь *общественный договоръ*, сказывается затѣмъ въ извѣстныхъ формахъ *политическихъ вольностей*, подобно тому, какъ лучъ свѣта, проходя сквозь призматическую среду стекла, проявляется на экранѣ въ видѣ того или иного спектра. Требованіе демократическаго строя являлось не произвольнымъ дѣломъ личнаго вкуса, а простымъ указаніемъ объективнаго закона соціальной природы. Ничего подобнаго не существуетъ нынѣ. *Выводы* о необходимости политическихъ вольностей затвержены наизусть, но *посылки*, изъ которыхъ они только и вытекаютъ, совершенно разрушены наукой. Выводы—стали предметомъ общаго вѣрованія, но висятъ на воздухѣ со всѣми признаками ненавистныхъ XVIII вѣку «предразсудковъ».

Говорятъ и нынче о естественныхъ правахъ, но въ качествѣ совершенно безсмысленнаго выраженія, которое еще годится для оратора, но никакъ не для человѣка науки. Говорятъ о народномъ представительствѣ, о томъ, что правленіе безъ представительства есть узурпація, о томъ, каковы наилучшія формы выборовъ, о томъ даже, что и меньшинство не должно оставаться безъ представительства. Но почему вообще нужно представительство, и даже—что собственно оно «представляетъ»—ни одинъ человѣкъ не съумѣетъ объяснить. Говорятъ нынче о свободѣ, но откуда она взялась и что̀ означаетъ—никому неизвѣстно, и менѣе всего спеціалистамъ-психологамъ, которые гораздо охотнѣе и толковѣе разскажутъ намъ о роковыхъ вліяніяхъ, принудительно опредѣляющихъ дѣйствія человѣка. Въ этомъ отношеніи контрастъ двухъ вѣковъ разителенъ. Тогда разумъ и политическое дѣйствіе, какъ формулировалъ Кондорсе, сливались неразрывно. Теперь—между ними не улавливается никакой ясной связи.

Единеніе оказалось нѣсколько менѣе продолжительнымъ, нежели жизнь земнаго шара! Оно длилось одинъ моментъ и смѣнилось все болѣе рѣзкимъ расхожденіемъ. Пути движенія матеріалистическаго разума и духовныхъ

«естественныхъ правъ» пересѣклись на мгновеніе въ одной точкѣ, блеснувъ въ ней иллюзіей «объединенія», и столь же быстро снова расходятся на все болѣе расширяющееся разстояніе. Одновременно съ этимъ быстро распатывается, истрепывается *либеральный демократизмъ*, который въ XVIII в. представлялся чѣмъ-то вѣчнымъ. Ему на смѣну выступаетъ болѣе «разумный» *соціальный демократизмъ*, уже и нынѣ оспариваемый отрѣшившимся ото всякаго «разума» *анархизмомъ*.

II.

Христіанское общество, отрекшееся отъ Христа.—Неудовлетворимость его стремленій.

Никогда въ жизни покойный И. С. Аксаковъ не находилъ болѣе счастливаго выраженія, какъ назвавъ современное общество «обществомъ христіанскимъ, но отрекшимся отъ Христа». Въ этомъ вся суть, вся оригинальность, всѣ судьбы общества, вводимаго въ исторію «новой эрой». По многому множеству обстоятельствъ, развитіе мысли въ странахъ европейской культуры пошло по линіи матеріализма. Реальное существованіе духовнаго

міра, мистическаго элемента міровой жизни, стало для людей сказкой и фантазіей. XVIII вѣкъ вполнѣ усвоилъ это теченіе мысли. И однако-же, переставъ вѣрить въ Бога христіанскаго, люди все-таки оставались его созданіемъ. Ихъ душа, со своимъ нравственнымъ содержаніемъ—оставалась душой христіанина, хотя бы искаженною. Отрѣшиться отъ того нравственнаго содержанія, которое дала душѣ человѣческой христіанская выработка или по крайней мѣрѣ—воздѣйствіе, люди не могли и до сихъ поръ не могутъ. Стремленія, создаваемыя этимъ содержаніемъ, требуютъ себѣ мѣста, и удовлетворенія. Восемнадцатому вѣку принадлежитъ первая попытка гармонически слить эти стремленія съ чисто матеріалистическимъ содержаніемъ жизни. Отсюда кажущаяся оригинальность его. На самомъ дѣлѣ основныя понятія, на которыхъ XVIII вѣкъ началъ строить новое общество, всѣ составляютъ отголосокъ христіанства. Понятіе о достоинствѣ личности, ея свободѣ, общемъ равенствѣ, правахъ человѣка, предшествующихъ общественнымъ правамъ, идея о природномъ совершенствѣ и усовершаемости человѣка,—все это осталось отъ христіанства, съ тѣми необходимыми искаженіями, какія сами собой являлись при отрицаніи реальности ду-

ховнаго міра. Въ самыхъ понятіяхъ XVIII вѣка объ обществѣ явно матеріализированное воспоминаніе о *церкви*. Съ церкви скопировано представленіе объ обществѣ, какъ о нѣкоторой коллективности, опредѣляемой исключительно духовною природой человѣка. Космополитизмъ новаго общества, таинственная *народная воля*. будто бы насквозь его пропитывающая, всѣмъ непонятно управляющая и при всѣхъ частныхъ ошибкахъ остающаяся непогрѣшимою—все это отголоски христіанской церкви. Это на всѣхъ пунктахъ «Царство не отъ міра сего». втискиваемое въ невмѣщающія его рамки именно «сего міра»...

Современное общество, раздираемое этимъ основнымъ противорѣчіемъ, умомъ не сознаетъ его и даже отрицаетъ. Матеріалистическое пониманіе жизни укоренилось такъ прочно, что люди большею частью просто неспособны *серьезно* принять во вниманіе дѣйствіе духовнаго элемента. Какое же тутъ, говорятъ, противорѣчіе? Дѣйствительно цѣнный элементъ христіанства составляютъ его *нравственныя* понятія, высокая концепція *личности*. Новая эра именно и удержала ихъ. Она отбросила лишь отжившій, мистическій элементъ христіанства. Не естественно ли это? Не такъ ли совершается въ мірѣ всякій прогрессъ, удер-

живая изъ пережитаго все цѣнное и отбрасывая ненужную ветошь? На этомъ-то однако и ошибается нынѣшній вѣкъ. Онъ не понимаетъ, что изъ христіанства нельзя выбросить его мистическаго начала, не уничтожая тѣмъ самымъ соціальнаго значенія создаваемой имъ личности. Христіанскія нравственныя понятія исторически въ высшей степени благодѣтельно отразились на земной, соціальной жизни. Однакоже это происходитъ лишь въ томъ случаѣ, когда христіанинъ остается *вполнѣ* христіаниномъ, то-есть живетъ не для земной жизни, не въ ней ищетъ осуществленія своихъ идеаловъ, не въ нее вкладываетъ свою душу. Совершенно иное получается, если христіанинъ остается безъ руководства божественнымъ авторитетомъ, безъ духовной жизни на землѣ и безъ окончательныхъ загробныхъ цѣлей этой духовной дѣятельности своей. Онъ остается тогда съ безмѣрными требованіями передъ крайне ограниченнымъ міромъ, неспособнымъ ихъ удовлетворить. Онъ остается безъ дисциплины, потому что ничего въ мірѣ не знаетъ выше своей *личности*, ни передъ чѣмъ не преклонится, если нѣтъ для него Бога. Онъ неспособенъ уважать общество, какъ явленіе матеріальное, не преклонится и передъ большинствомъ такихъ же, какъ онъ, личностей,

потому что изъ ихъ суммы еще не получается *личности* болѣе высокой, чѣмъ онъ. Участь и соціальная роль такого человѣка—самая несчастная и зловредная. Онъ—или является вѣчнымъ отрицателемъ дѣйствительной соціальной жизни, или будетъ искать удовлетворенія своихъ стремленій къ безмѣрному въ безмѣрныхъ наслажденіяхъ, безмѣрномъ честолюбіи, въ стремленіи къ *грандіозному*, которое такъ характеризуетъ больной XVIII—XIX вѣкъ. Христіанинъ безъ Бога—вполнѣ напоминаетъ сатану. Не даромъ образъ неукротимой гордыни такъ прельщалъ поэтовъ XIX вѣка. Мы всѣ—вѣрующіе или невѣрующіе въ Бога,—настолько Имъ *созданы*, настолько неспособны вырвать изъ себя заложеннаго Имъ божественнаго огня, что намъ невольно нравится эта духовная, безмѣрно высокая личность. Но посмотримъ съ холоднымъ вниманіемъ разсудка. Если намъ нужно лишь хорошо устроить *земную*, соціальную жизнь—если кромѣ ея ничего не существуетъ,—тогда съ какой стати называть высокими, возвышенными тѣ качества и стремленія, которыя съ земной точки зрѣнія—только фантастичны, болѣзненны, не имѣютъ ничего общаго съ матеріальною дѣйствительностью? Это качества человѣка непормальнаго. Онъ, скажутъ, полезенъ уже своимъ

вѣчнымъ безпокойствомъ, стремленіемъ къ чему-то другому, не тому, что̀ есть. Но это стремленіе было бы полезно лишь при *реальныхъ* въ основѣ идеалахъ. Безпокойство же христіанина, лишеннаго Бога, выбиваетъ міръ изъ statu quo лишь затѣмъ, чтобы тащить его каждый разъ къ матеріально невозможному.

Ошибаются тѣ, которые видятъ въ XVIII—XIX возрожденіе античныхъ государственныхъ идей. Язычникъ былъ *практиченъ*. Его идеи не усложнялись христіанскими стремленіями къ абсолютному. Его общество могло развиваться спокойно. Участь же общества, христіанскаго по нравственному типу личности, но отрекшагося отъ Христа въ приложеніи своихъ нравственныхъ силъ, по справедливому выраженію П. С. Аксакова, сводится къ вѣчной революціи.

Къ этому привела и попытка XVIII вѣка создать новое общество. Философія успѣла поставить такой идеалъ общества, предъ которымъ личность, выработанная восемнадцатью вѣками христіанскаго воздѣйствія, согласилась преклониться. Но что̀ же это за общество? Чистый миражъ. Оно построено не на дѣйствительныхъ законахъ и основахъ соціальной жизни, а на фикціяхъ, выведенныхъ логически изъ духовной природы человѣка.

Какъ только попробовали устроить такое общество, немедленно оказалось, что предпріятіе немыслимо. Правда, успѣли разрушить старый историческій строй и создали новый. Но какимъ путемъ? Оказалось, что это новое общество живетъ и держится только потому, что не осуществляетъ своихъ иллюзорныхъ основъ, а дѣйствуетъ вопреки имъ, и въ новой формѣ воспроизводитъ лишь основы стараго общества.

III.

Идеалы Руссо.—Практика его послѣдователей.—Полная противуположность идеала и дѣйствительности.

Стóитъ дѣйствительно сравнить фактическія основы либерально-демократическаго строя съ тѣми, которыя ему предписываетъ создавшая его политическая философія. Противуположность полнѣйшая!

Руссо конечно фантазировалъ, толкуя о народной волѣ, которая будто бы едина, всегда хочетъ только добра и никогда не заблуждается. Но не нужно забывать, что онъ говорилъ вовсе *не о той* народной волѣ, о какой толкуютъ наши депутаты, избиратели и журналисты. Руссо самъ выросъ въ республикѣ и въ такія ловушки не попадался. Онъ

заботливо оговаривается, что «часто есть разница между *волею всѣхъ* (Volonté de tous) и *общею волей* (Volonté générale)» *. Волю всѣхъ, на которой воздвигнутъ нашъ либеральный демократизмъ, Руссо искренно презиралъ. Устройство и правленіе, училъ онъ, совершенны лишь тогда, когда опредѣляются *общею волей*, а не эгоистическою, устрашаемою и подкупаемою *волею всѣхъ*. Для созданія новаго, совершеннаго общества необходимо достигнуть обнаруженія и дѣйствія именно *общей воли*.

Но какъ же достигнуть этого? Тутъ Руссо становится опять въ коренное противорѣчіе съ практикой своихъ учениковъ. Онъ требуетъ прежде всего уничтоженія частныхъ кружковъ и партій. «Для правильнаго выраженія общей воли нужно, чтобы въ государствѣ не было частныхъ обществъ, и чтобы каждый гражданинъ выражалъ только свое личное мнѣніе» (n'opine que d'après lui). Только въ этомъ случаѣ изъ множества частныхъ отклоненій получается извѣстный осадокъ *общей воли*, и обсужденіе всегда окажется хорошо. Съ появленіемъ партій все путается, и гражданинъ выражаетъ уже не свою волю,

* *Contrat social*, кн. 2, гл. III.

а волю даннаго кружка. Когда начинаютъ чувствоваться такіе частные интересы и «малыя общества (кружки, партіи) начинаютъ вліять на большое (государство), общая воля уже не выражается волею всѣхъ». Руссо требуетъ поэтому уничтоженія партій или по крайней мѣрѣ численнаго обезсиленія ихъ. Какъ самое крайнее условіе, уже безусловно необходимое—нужно, чтобы не существовало такой партіи, которая была бы замѣтно сильнѣе остальныхъ. Если не достигнуто даже этого, если «одна изъ этихъ ассоціацій (партій) настолько велика, что преобладаетъ надо всѣми другими—*общей воли болѣе не существуетъ* и *осуществляемое мнѣніе есть мнѣніе частное*» *. Другими словами—демократіи, правленія народной воли уже не существуетъ.

Такъ же рѣшительно, такъ же настойчиво Руссо доказываетъ, что народная воля не выражается никакимъ *представительствомъ*. Представительство онъ, какъ искренній и логическій демократъ, просто ненавидитъ, не можетъ его достаточно заклеймить. Когда, говоритъ онъ, граждане развращаются, они учреждаютъ постоянную армію, чтобы поработить отечество, и *назначаютъ представи-*

---

* *Contrat social*, кн. 2, гл. 3.

телей, чтобъ его продать *. Онъ и разсуждаетъ о представительномъ правленіи въ отдѣлѣ о смерти политическаго организма. Ни народное самодержавіе, говоритъ онъ, ни народная воля не могутъ быть ни передаваемы, ни представляемы по самому существу вещей.

Не трудно представить, что сказалъ бы Руссо о нашихъ республикахъ и конституціонныхъ монархіяхъ, о всемъ строѣ либеральнаго демократизма, который держится исключительно тѣмъ, что проклиналъ пророкъ его. Этотъ строй цѣликомъ основанъ на *представительствѣ*, онъ безусловно немыслимъ безъ *партій*, и наконецъ правленіе страны основано непремѣнно на *преобладаніи* одной какой-либо партіи въ парламентѣ. Когда такого преобладанія нѣтъ — правленіе готово остановиться и приходится распускать парламентъ, въ надеждѣ авось не дастъ ли страна такого представительства, въ которомъ, по терминологіи Руссо, не существуетъ общей воли, а только «частное мнѣніе».

И эта политическая система, въ довершеніи логики, освящается все выносящею фикціей народной воли!

---

* Книга 3, гл. XV.

Вырожденіе чистой демократической идеи Руссо въ идею парламентарную произошло однако вовсе не по чьей-нибудь злонамѣренности, не по преднамѣренному желанію учениковъ исказить идею учителя. Если Руссо забытъ въ настоящее время, то въ эпоху первой французской революціи его сочиненія играли роль настоящаго политическаго катехизиса. Въ послѣдовательности и энергіи первыхъ организаторовъ новой эры тоже никто не усумнится. Это были люди, способные восклицать: «Perisse la France, pourvu que le principe vive». Но теорія требовала такихъ невозможностей, что на практикѣ отъ нихъ нельзя было не отступить въ первую же минуту дѣйствія. Статья 6 *Декларации правъ и обязанностей человѣка и гражданина* уже объясняетъ: «Законъ есть общая воля (La volonté générale), выражаемая большинствомъ гражданъ или ихъ представителей» *. Эта *общая воля*, выражаемая *большинствомъ представителей*, привела бы въ ужасъ автора *Contrat Social*, но какъ же было иначе формулировать? Гдѣ же было искать «настоящую» общую волю? Въ тотъ же самый моментъ

---

* Конст. 5 Фруктидора III года. *Manuel républicain.* Paris, an 7.

появляются и партіи. Именно прозелитамъ народной воли пришлось водворять свои идеи путемъ жесточайшей диктатуры *партій*. По Руссо выходило, что здѣсь «общей» воли болѣе не существуетъ, и осуществляемое мнѣніе (то-есть весь демократическій строй) есть мнѣніе частное. Но какъ было иначе поступить? «Члены конвента, какъ мѣтко формулируетъ Лавердэ,—будучи прозелитами *Contrat Social*, въ теоріи признавали верховную волю націи, потому что демократическій принципъ былъ тогда послѣднимъ словомъ науки. Но на практикѣ они не могли допустить этой воли націи, потому что обладали здравымъ смысломъ. Когда дѣло коснулось того, чтобы предать ковчегъ революціи на произволъ океана народной безсознательности, они почувствовали, что онъ бы пошелъ ко дну и не осмѣлились» *).

Этотъ строй, основанный на вопіющемъ противорѣчіи теоріи и практики, такъ и развивается до конца. Конституціонное право уже съ БенжаменаКонстана начинаетъ даже отрекаться отъ той идеи, которая однако только и даетъ новому строю историческое право на существованіе. Государственная наука уже

*) *Les assamblées parlantes.*

не скрываетъ отъ себя, что новый строй есть существенно *представительный* и что онъ составляетъ нѣкоторую *аристократію*. «Принципъ представительной демократіи, говоритъ Блюнчли, таковъ: *лучшіе* люди изъ народа должны управлять отъ его имени и по его порученію». «*Власть* въ государствѣ вручается большинству, а приложеніе ея—*меньшинству*». Народъ, значитъ, ставится откровенно въ положеніе Souverain qui regne mais ne gouverne pas. Но кто же далъ право на такое истолкованіе стремленій новой эры? Въ немъ проявляется лишь то общее обстоятельство, что научная мысль XIX вѣка не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью его практики, съ идеалами, влекущими массы къ ихъ революціоннымъ стремленіямъ. Въ настоящее время этотъ разладъ не озабочиваетъ банальныхъ демократовъ, потому что, строго говоря, они никакой теоріи не имѣютъ. Тотъ же самый Рошфоръ, который постоянно кричитъ о народной волѣ, способенъ печатно заявить, угрожая противникамъ революціей: «вѣдь мы знаемъ, какъ дѣлать народную волю!» Можно ли допустить, чтобы онъ въ глубинѣ души уважалъ ее? Флоке, во время самаго разгара буланжистскаго движенія произнесъ замѣчательную и произведъ-

шую впечатлѣніе рѣчь, которую я, къ сожалѣнію, могу цитировать лишь на память. «Мы, приблизительно сказалъ онъ,—покорные слуги демократіи, мы готовы безусловно, *слѣпо* (подлинное его выраженіе aveuglement) исполнять народную волю. Одного мы не можемъ сдѣлать: допустить уничтоженія *демократическихъ учрежденій*, потому что тогда народная воля не будетъ проявляться». Итакъ, они готовы слѣпо исполнять волю націи, но когда эта нація кричитъ о *распущеніи* палаты и *пересмотрѣ* конституціи, то демократы, правильно или ошибочно догадываясь, что пересмотръ при помощи Учредительнаго Собранія дастъ диктатуру генералу Буланже, назначаютъ Констана, а Констанъ передѣлываетъ народную волю, поставивъ своимъ префектамъ ультиматумъ: или голосованіе будетъ противъ буланжистовъ, или префектъ слетаетъ съ мѣста! Съ одной стороны, это кажется настоящимъ цинизмомъ. Съ другой стороны формула Флоке тоже совершенно вѣрно схватываетъ *внѣшность* положенія. Демократическія учрежденія дѣйствительно необходимы. Дѣло только въ томъ, что они необходимы вовсе не для *проявленія* народной воли, а какъ средство *внушенія* народу нѣкотораго подобія воли. Это обстоятельство въ высшей степени сущест-

венное, которое болѣе всего уясняетъ настоящую природу такъ-называемой народной волп.

IV.

Фикція *народной воли.* -Народный духъ.

XVIII вѣкъ видѣлъ въ народной волѣ такое же открытіе для политики, какое законъ тяготѣнія создалъ для астрономіи. Практика народной волп за цѣлое столѣтіе, въ различныхъ странахъ, представила въ народномъ самодержавіи картину такой безтолочи, что теперь иные уже спрашиваютъ себя, не есть ли народная воля чистая фикція? Лаверде, который вовсе не реакціонеръ, а, напротивъ, очень передовой человѣкъ (что-то въ родѣ анархиста), утверждаетъ, что существуетъ лишь парламентаризмъ, а не представительное правленіе, и это по той простой причинѣ, что никакой народной воли, которую бы можно было представлять, *вовсе не существуетъ.* Кто правъ въ этихъ двухъ крайностяхъ, столь противуположныхъ?

Но для рѣшенія этого нужно прежде спросить себя, что̀ такое собственно «народная воля», предъ которою преклоняются или которую отрицаютъ? Замѣчательно, что при

безчисленныхъ разсужденіяхъ о народной волѣ люди менѣе всего задумывались надъ этимъ фундаментальнымъ, казалось бы, вопросомъ.

Что такое самый *народъ?* Къ понятію о немъ можно подходить съ двухъ весьма различныхъ точекъ зрѣнія.

Всякій народъ, во-первыхъ, представляетъ нѣчто историческое цѣлое, длинный рядъ послѣдовательныхъ поколѣній, сотни или тысячи лѣтъ жившихъ наслѣдственно передаваемою общею жизнью. Въ этомъ видѣ народъ, нація, представляетъ нѣкоторое соціально-органическое явленіе, съ болѣе или менѣе ясно выраженными законами внутренняго развитія. Въ этомъ видѣ народъ, нація, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнный научный фактъ. Вся наша наука XIX вѣка знаетъ только *этотъ* народъ, говоритъ намъ только о немъ. Но политиканы и демократическое направленіе разсматриваютъ народъ не въ этомъ видѣ — историческаго, соціально-органическаго явленія, а просто въ видѣ суммы *наличныхъ обывателей страны.* Это есть вторая точка зрѣнія, которая разсматриваетъ націю, какъ простую ассоціацію людей, соединившихся въ государство, потому что они этого захотѣли, живущихъ по тѣмъ законамъ, какіе имъ нравятся, и произвольно измѣняющихъ, когда имъ вздумается, законы своей совмѣстной жизни.

Гдѣ же искать *воли народа*. Въ какой формѣ, въ какомъ пониманіи слова «нація», эта нація имѣетъ нѣкоторую общую всѣмъ членамъ ея волю? Можно ли сказать, что такой общей всѣмъ воли совершенно не существуетъ? Нѣтъ, въ этомъ отношеніи Руссо былъ вполнѣ правъ. Чутье — замѣчательное вообще, не обмануло его и тутъ. Онъ чувствовалъ, что въ націи есть какая-то *общая воля*, и совершенно правильно заключалъ, что наилучшее, наиболѣе всѣхъ удовлетворяющее и наиболѣе прочное государство будетъ то, которое функціонируетъ сообразно съ этою общею волей. Онъ совершенно правильно понималъ, что такое общество будетъ *свободно*, то-есть, что принудительныя мѣры въ немъ теряютъ тираническій, насильственный характеръ, ибо принимаются населеніемъ добровольно. Онъ былъ правъ, провидя въ этой общей волѣ нѣчто *единое, неподкупное, разумное*, то-есть, стало-быть, нѣчто весьма благодѣтельное въ смыслѣ основы управленія. Непоправимая ошибка Руссо заключалась лишь въ томъ, что онъ захотѣлъ искать *общей воли* именно тамъ, гдѣ есть лишь презираемая имъ *воля всѣхъ*. Онъ не только, подъ вліяніемъ осиротѣлаго христіанскаго чувства, идеализировалъ, безмѣрно одухотворилъ общую волю,

но, сверхъ того, въ противность всѣмъ фактамъ, упорно *хотѣлъ* видѣть эту обожествленную общую волю именно въ ассоціаціи данныхъ наличныхъ обывателей данной страны.

А между тѣмъ нѣкоторая общая воля существуетъ лишь, какъ унаслѣдованный выводъ историческихъ традиціонныхъ привычекъ, какъ результатъ долгаго коллективнаго опыта. Это то, что̀ называется гораздо лучше *духомъ* народа. Но могъ ли Руссо искать общей воли въ этой области? Вѣдь это значило бы отказаться отъ идеи новаго общества, общества идеализпрованнаго. одухотвореннаго. Въ историческомъ обществѣ есть извѣстное присутствіе общей воли, разумности, неподкупности и т. п. Но въ этомъ же обществѣ еще больше чисто матеріальной необходимости, инерціи разъ сложившагося типа, въ которомъ очень много чисто животныхъ элементовъ. Руссо не имѣлъ надобности долго размышлять, чтобы видѣть все это въ исторически разлагающейся Франціи «стараго строя». Могъ ли онъ религіозно преклониться предъ этимъ обществомъ и предъ общею волей, въ немъ жившею? Понятно, нѣтъ. Это возможно для языческаго нравственнаго типа, но никакъ не для христіански утонченнаго. Для христіанина, съ начала и до конца вѣковъ, царство

міра сего есть фактъ простой матеріальной необходимости, уважаемой, какъ всякое условіе, предписанное Божествомъ для земной жизни нашей,—но, какъ и всѣ эти условія—непригодное для духовнаго преклоненія. Высшее не склоняется предъ низшимъ. Въ историческомъ дѣйствительно существующемъ обществѣ, христіанская душа не способна создать себѣ кумира. А кумиръ ей необходимъ, когда она потеряла Бога. И кумира этого не изъ чего создать, кромѣ общественной жизни, которая одна во всей природѣ представляетъ нѣкоторые слѣды чего то духовнаго. Приходится, внутреннимъ психологическимъ кризомъ, сочинять тебѣ новое общество, и даже такой геніальный человѣкъ, какъ Руссо, готовъ обмануть себя самыми ничтожными софизмами, утопить свой разумъ въ туманѣ самыхъ безнадежныхъ фразъ, лишь бы за этимъ туманомъ получились обманчивые контуры общества, способнаго послужить суррогатомъ идеи Божества.

V.

Необходимость выдумыванія народной воли. — Представительство и партіи, какъ орудіе этого.—Разъединеніе правительства и народа въ представительной демократіи.

Собственно для *народоправства* не годится и традиціонная народная воля, которая даетъ

только общій духъ, общее направленіе, но никакъ не частныя указанія по тысячѣ вопросовъ ежедневнаго законодательства и управленія. Эти вопросы — послѣдовательное и смѣняющееся рѣшеніе которыхъ составляетъ управленіе страной, ясны только при постоянномъ спеціальномъ ихъ изученіи, другими словами—они ясны только для лицъ того слоя, который спеціализируется именно на дѣлахъ управленія, на дѣлахъ политики. Только этотъ *правящій* слой имѣетъ въ отношеніи ихъ какую-нибудь *волю*. Поэтому такой классъ и появляется неизбѣжно, несмотря на всѣ наши теоріи. Собственно же народная воля, съ характеромъ всеобщности, единства, проявляется лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ: «война на смерть», «миръ во что бы то ни стало», «долой узурпатора» и т. п. Эти случаи не только рѣдки, но, сверхъ того, въ нихъ народная воля настолько ясна, что не требуетъ никакихъ голосованій и настолько могуча, что нѣтъ власти, которая бы ей не подчинилась. Такая народная воля существовала, существуетъ и будетъ существовать во всѣхъ государствахъ міра. Не о ней шла рѣчь, не на ней начали строить новое общество. Либеральный демократизмъ обратился къ наличной суммѣ обывателей страны съ требовані-

емъ, чтобъ этотъ народъ высказывалъ свою волю по всѣмъ текущимъ вопросамъ управленія: повышать пошлину или понижать? занимать такую-то колонію или не занимать? въ одной, или въ другой формѣ вести государственное хозяйство? Абсурдъ, невозможность! Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что у массы обитателей страны физически не можетъ быть *общей* воли по всѣмъ этимъ вопросамъ, а существуетъ или безразличіе, или недоумѣніе, когда вопросъ прямо не задѣваетъ человѣка, или рядъ частныхъ, эгоистическихъ и взаимно противоположныхъ желаній. По каждому вопросу найдется нѣсколько человѣкъ дѣйствительно знакомыхъ съ нимъ, разсуждающихъ умно и безкорыстно, но, во-первыхъ, и ихъ мнѣніе только частное, а во-вторыхъ, такой цѣнный голосъ имѣетъ ровно столько же же вѣсу на баллотировкѣ, какъ голосъ человѣка глупаго и ничего въ вопросѣ не смыслящаго. Во всякомъ случаѣ— имѣется не *общая* воля, а рядъ частныхъ мнѣній. Правда надъ этимъ хаосомъ безразличія и единоличныхъ, противорѣчивыхъ желаній носится нѣкоторый *общій духъ*, наслѣдіе традицій, продуктъ прошлаго. Но сдѣлать самостоятельно выводы изъ этого духа масса можетъ только въ рѣдкихъ, особенно яркихъ слу-

чаяхъ. По случаямъ обыкновеннымъ, мелкимъ, изъ которыхъ, однако, слагается все правленіе,—масса народа даже *не сумѣетъ* сдѣлать правильнаго вывода изъ своихъ смутныхъ традиціонныхъ желаній, и ужь во всякомъ случаѣ *не устѣетъ*. Общее мнѣніе складывается очень медленно, отъ человѣка къ человѣку, съ отступленіями, съ колебаніями. Кто имѣлъ дѣло съ собраніями, тотъ знаетъ, какъ трудно сложиться общему мнѣнію даже какихъ-нибудь десятковъ человѣкъ по *новому* вопросу. А вопросы управленія *всѣ* новы, являясь каждый разъ въ новыхъ комбинаціяхъ и въ новой обстановкѣ. Если бы народъ серьезно, добросовѣстно вздумалъ отнестись къ требованію высказать свою *волю* по вопросу, положимъ, о котиковомъ промыслѣ на Командорскихъ островахъ, ему бы на обсужденіе потребовались десятки лѣтъ, и затѣмъ рѣшеніе, натурально, оказалось бы никуда не годнымъ, потому что, можетъ-быть, къ тому времени уже на островахъ не осталось бы ни одного звѣря. Не говорю уже о томъ, что рѣшеніе, въ большинствѣ случаевъ, было бы, конечно, менѣе основательно, чѣмъ рѣшеніе двухъ, трехъ спеціалистовъ. Но, сверхъ того, вопросы правленія требуютъ рѣшенія своевременнаго, то-есть быстраго. При этомъ условіи никакой

общей, никакой даже воли большинства въ отношеніи ихъ никогда не существуетъ. Отвѣты, даваемые этимъ большинствомъ, включая въ то число даже вполнѣ образованныхъ и умныхъ людей, будутъ не продуманы, случайны, и ничуть даже не выражаютъ ихъ дѣйствительной (in potentia) воли. Можетъ-быть, черезъ полчаса послѣ подачи голосовъ бо́льшая часть большинства готова голосовать за противоположное мнѣніе, и совершенно искренно, потому что ни въ томъ, ни въ другомъ рѣшеніи она ровно ничего не смыслитъ и судитъ по легковѣснымъ, случайнымъ подсказываніямъ лицъ знающихъ или заинтересованныхъ. Рѣшеніе осуществится, и завтра же милліоны голосовъ готовы закричать, что они вовсе не желали подобной глупости!

Общей воли въ огромномъ большинствѣ случаевъ нѣтъ и не можетъ быть во всякій данный моментъ. Если бы либеральный демократизмъ вздумалъ оставаться вѣрнымъ теоріи, то онъ на другой же день заморилъ бы страну голодомъ, потому что *общаго* рѣшенія не получилъ бы по самымъ элементарнымъ вопросамъ, и вся политическая машина сразу должна была бы остановиться. Это такое несообразное требованіе, которое никакими силами не осуществимо. Поэтому *общее* мнѣніе,

требуемое теоріей, замѣняется яко бы мнѣніемъ *большинства*. Что это значитъ? Значитъ ли, что большинство дѣйствительно имѣетъ одинаковое мнѣніе? Нпчуть. Лица этого большинства точно также не имѣютъ той воли, которую выражаетъ количество пхъ бюллетеней. Они даже никакой волп не имѣютъ относптельно даннаго вопроса. Но введеніе принципа большинства выводитъ страну пзъ нелѣпости чисто механически. Если заставить всѣхъ говорить «да» или «нѣтъ», то, понятно, какое-нпбудь большинство получится на бумагѣ, а стало-быть, становится возможнымъ принять какую-нпбудь мѣру. Частныя лица, находясь въ недоумѣніп, пной разъ загадываютъ: сойдутся пальцы—пойду направо, не сойдутся — налѣво. Либеральный демократизмъ совершенно такой же способъ нашелъ въ фикціп «большинства голосовъ». Это большинство ровно ничего не доказываетъ. Можетъ-быть, рѣшеніе указанное имъ неосновательно, можетъ-быть, количество дѣйствительныхъ *волъ* не имѣетъ никакого отношенія къ количеству бюллетеней. Во всякомъ случаѣ—пальцы сошлпсь, можно принять мѣру, можно дѣйствовать. Правленіе становится *возможнымъ*, а это, конечно, главное. Поэтому введеніе принципа большинства голосовъ вполнѣ практично. Но какъ заставить народъ голосовать?

Требованіе отъ народа выраженія *воли* по множеству вопросовъ, въ которыхъ онъ ничего не понимаетъ,—приводитъ массу въ такое состояніе, въ которомъ она просто не захотѣла бы оставаться. Въ самомъ дѣлѣ: есть ли смыслъ терять время сегодня, завтра, послѣ завтра на голосованіе, когда подающій голосъ прекрасно чувствуетъ, что ничего не понимаетъ въ вопросѣ, и даже имъ ни мало не интересуется? «Рѣшайте себѣ, какъ знаете, какое мнѣ дѣло!» Настаивая на своемъ требованіи, либеральный демократизмъ добился бы только того, что подавляющее большинство не стало бы заниматься «пустяками» и вовсе не давало бы голосовъ. При этомъ правленіе становится опять немыслимымъ, такъ какъ еслибъ и получалось все-таки большинство въ нѣсколько сотенъ заинтересованныхъ голосовъ, то остальная масса на подобныя рѣшенія не обращала бы ни малѣйшаго вниманія; стало-быть на исполненіе рѣшенія не хватало бы силы. Въ виду этого является необходимость дальнѣйшаго искаженія демократической идеи. Демократическія учрежденія дополняются *представительствомъ* и *партіями*. Представительство само по себѣ, конечно, есть фикція. Нельзя представлять того, чего нѣтъ. Но оно облегчаетъ для народа «неудобоносимыя бремена»

теоріи и ограничиваетъ выраженіе «народной воли», заставляя ее высказываться лишь въ отношеніи *лицъ* и *программъ*. Это уже легче. Но и лицами, и программами способно интересоваться лишь меньшинство, по страсти, выгодѣ или убѣжденію болѣе занимающееся политикой. Изъ этого-то маленькаго меньшинства возникаютъ *партіи*, однимъ концомъ коренящіяся въ правительствѣ, а другимъ разжигающія народъ и собирающія голоса. Такъ является *правящее сословіе*. Настоящая природа соціальныхъ явленій обращаетъ въ ничто всѣ фантазіи теорій и создаетъ *классъ* тамъ, гдѣ вся задача теоріи состояла въ уничтоженіи его. Появленіе партій приводитъ въ изумленіе самихъ демократовъ. Что за причина, откуда взялись? Брайсъ, большой поклонникъ демократіи, въ своемъ любопытномъ изслѣдованіи американскихъ учрежденій, очень хорошо обрисовываетъ значеніе этихъ «существующихъ *внѣ закона* группъ, которыя называются политическими партіями». «Организація партій, говоритъ онъ, служитъ для органовъ управленія почти тѣмъ же, чѣмъ служитъ *двигательная сила нервовъ для мускуловъ, жилъ и костей человѣческаго тѣла*». «Въ ихъ рукахъ находится практическое примѣненіе конституи-

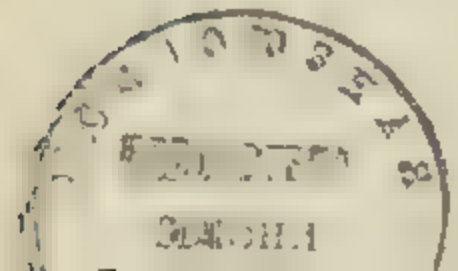
ціи и системы управленія» *. Совершенно не предусмотрѣнное конституціей, не регламентируемое ею, не имѣющее никакой отвѣтственности, ничѣмъ не ограничиваемое, возникаетъ могущественное сословіе въ 200.000 человѣкъ, занимающихся исключительно политикой и добывающихъ этимъ способомъ средства къ существованію» **.

Это учрежденіе партій составляетъ непремѣнную принадлежность демократическаго строя. Фикція народной воли остается на бумагѣ. Для существованія же страны нужна нѣкоторая *реальная* правящая воля. Она и является въ политиканствующемъ сословіи. Его задача—заставить произносить народъ различные «да» или «нѣтъ», для чего партіи агитируютъ, стараются растревожить массу, убѣдить ее въ важности и правильности предлагаемыхъ мѣръ, или же устрашить, обмануть, наконецъ, просто купить такъ или иначе голоса. Такъ или иначе народъ подаетъ голоса, которые можно подсчитывать, и ихъ числомъ импонировать самому народу. Получается возможность, вопервыхъ, править, принимать мѣры, вовторыхъ, убѣдить самую массу, будто

---

* *Американская Республика* (русскій переводъ), т. II, стр. 267.

** Тамъ же, 327 стр.



бы въ ней дѣйствительно есть такое-то большинство, желающее такой-то мѣры. Эта иллюзія придаетъ принимаемой мѣрѣ извѣстный авторитетъ. Въ общей сложности получается строй, способный существовать. Но какою цѣной онъ получается? Что осталось въ немъ отъ принципа? Гдѣ въ немъ народная воля?

Вмѣсто народоправства мы имѣемъ тутъ *парламентаризмъ* и господство *партій*. Съ формальной стороны народомъ правятъ якобы его представители, якобы осуществляющіе его волю, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ и не было бы даже въ томъ случаѣ, еслибы народъ былъ предоставленъ, въ рѣшеніи вопросовъ, свободному внутреннему самоуглубленію. Однако и этого невозможно предоставить народу, такъ какъ государство не академія, и ему приходится дѣло дѣлать, а не размышлять по нѣсколько лѣтъ о всякой мелочи. Выдвигаются поэтому партіи, правдами и неправдами *внушая* народу волю. Тутъ народъ теряетъ уже всякую возможность самоуглубленія. Онъ въ лучшемъ случаѣ обсуждаетъ лишь тѣ аргументы, которые ему подставляются партіями, и ставитъ рѣшенія, ими подсказанныя. Въ частной жизни ни одинъ человѣкъ не позволилъ бы съ собой такъ обращаться и не призналъ бы для себя нравственно обяза-

тельными такимъ образомъ вырванныя у него мнѣнія. «Помилуйте, скажетъ онъ, вы меня затормошили, наговорили чего-то, я ничего не обдумалъ. Это значитъ просто ловить человѣка на словѣ». Но именно поэтому въ политической агитаціи стараются не допустить и такого жалкаго обсужденія. Если начинается обсужденіе—являются сомнѣнія, дѣло затягивается до безнадежности. Многіе начинаютъ желать получить понятіе о предметѣ, вдуматься и въ концѣ концовъ можетъ-быть рѣшать совсѣмъ не такъ, какъ желательно партіи. Поэтому политиканы стараются не убѣдить, а получить голоса. Самое же вѣрное средство получить голоса—это ослѣпить народъ, загипнотизировать его шумомъ, трескомъ, внезапными ложными сообщеніями, вообще *сорвать* рѣшеніе. Это тактика такъ-называемаго *surprise*, одинаково царствующая по всѣмъ парламентскимъ демократіямъ. Народъ ловится на словѣ. Внушеніе традиціоннаго историческаго опыта заглушается тутъ до послѣдней степени, а обсужденія наличнаго тоже нѣтъ. И вотъ депутаты выбраны, бумажныя программы утверждены. «Народная воля» сказала свое слово и ея «представители» собрались въ парламентъ. Организуется и правительство. Какое же отношеніе этого правительства къ народу, его волѣ, его духу?

Тутъ уже ровно никакого. На выборахъ нужно было хоть считаться съ народомъ, по крайней мѣрѣ обѣщать, ослѣплять, обманывать, увлекать. Въ правленіи—народъ совершенно исчезаетъ. Правительство зависитъ не отъ него, а отъ той партіи, которую представляетъ. Его обязанность, подъ страхомъ немедленнаго низверженія, служить партіи, дѣлать то, чего требуетъ она, не дѣлать того, чего она не желаетъ. Пусть попробуетъ министерство, посаженное монархистами, дѣйствовать въ республиканскомъ духѣ, на томъ основаніи, что народъ хочетъ республики? Оно будетъ не только низвергнуто, но заклеймено названіемъ безчестныхъ измѣнниковъ и обманщиковъ. Долгъ, честь, нравственная связь правительства,—все это понимается лишь въ отношеніи партіи, а не въ отношеніи народа. Правительство отъ народа безусловно отрѣзывается, оно не только не обязано, но и не смѣетъ соображаться съ народными желаніями или потребностями. Оно обязано слѣпо, безпрекословно служить своей партіи. Такова не только практика, но самый принципъ. Только партія имѣетъ отношеніе къ народу, но не правительство. Нѣтъ ни одной формы правленія, въ которой воздѣйствіе народныхъ желаній на текущія дѣла было бы такъ безна-

дежно пресѣчено, какъ въ этомъ созданіи теоріи, пытавшейся все построить на народной волѣ.

VI.

Возрожденіе *правящаго сословія* „политикановъ".—Его недостатки.—Невозможность его упроченія.—Дискредитированіе либеральнаго демократизма.

Эта эволюція демократической идеи съ соціологической точки зрѣнія представляется чрезвычайно любопытною. Въ исторіи мы до сихъ поръ знали только общества, состоящія изъ различныхъ слоевъ, специализированныхъ на различныхъ отправленіяхъ. Эти слои—классы, сословія, корпораціи—не отрицались въ принципѣ, а потому регламентировались, получали различныя сообразныя со своими отправленіями права и обязанности, помимо тѣхъ общихъ правъ и обязанностей, которыя принадлежатъ всѣмъ членамъ общества. Разслоеніе естественно сопровождалось ограниченіемъ свободы, созданіемъ разнообразнаго неравенства. Авторитетъ и іерархія въ разнообразныхъ сочетаніяхъ не только были, но и признавались необходимымъ условіемъ общественной жизни. Присутствіе *органическаго* элемента въ обществѣ сознается и признается

даже тѣми, кто считаетъ себя обдѣленнымъ привилегіями другихъ. Сказка Менені Агриппы дѣйствуетъ на взбунтовавшихся плебеевъ, какъ неотразимый аргументъ.

Но вотъ является идея *новаго* общества, основаннаго на свободѣ и равенствѣ. Выраженная въ рѣзкомъ видѣ, это идея всеобщей одинаковости. Общество представляется уже не въ видѣ разслоеннаго организма, гдѣ все спеціализировано и расположено въ іерархическомъ порядкѣ, а въ видѣ нѣкоторой протоплазмы, гдѣ всѣ части одинаковы, всѣ заняты всѣми дѣлами, всѣ законодатели, всѣ правители, всѣ мыслители, всѣ рабочіе, всѣ даже священники въ своей свободной совѣсти. Всеобщее освобожденіе ото всякаго рода узъ признается орудіемъ разложенія стараго органическаго общества и единственно мыслимымъ средствомъ существованія новаго. Мы имѣемъ три великія области жизни, въ которыхъ эта новая идея примѣняется съ величайшими усиліями, и во всѣхъ трехъ съ одинаковыми результатами. Въ области умственной такая свобода создала подчиненіе авторитетамъ крайне посредственнымъ. Въ области экономической свобода создаетъ неслыханное господство капитализма и подчиненіе пролетарія. Въ области политической, вмѣсто

ожидаемаго народоправленія — порождается лишь новое правящее сословіе съ учрежденіями, необходимыми для его существованія. Во всѣхъ трехъ областяхъ, вмѣсто всеобщей одинаковости и слитности, получается разслоеніе быть-можетъ болѣе рѣзкое, чѣмъ прежде. Эта яркая историческая демонстрація настоящей природы соціальныхъ явленій, казалось, должна была бы произвести полное крушеніе соціальныхъ концепцій XVIII вѣка. Но нѣтъ. Новое общество уже составило извѣстный *соціальный типъ*, которые отрицаетъ теоретически, оно уже охвачено законами своего *внутренняго развитія* и фатально идетъ по ихъ линіи, не образумливаясь никакими внѣшними толчками. Они только слегка измѣняютъ направленіе, но не сбиваютъ съ линіи основнаго пути, намѣченной внутренними условіями типа. Никакія неудачи либеральнаго демократизма не уничтожаютъ характеризованнаго выше психологическаго состоянія современнаго человѣка. Либеральный демократизмъ для него скомпрометтированъ. Онъ попщетъ другихъ путей, столь же иллюзорныхъ, но иллюзорность которыхъ еще не показана практикой, пойдетъ въ ту сторону, гдѣ еще можно себя обмануть.

Но чѣмъ собственно скомпрометтированъ

новый строй демократіи? Его недостатки очень велики, и нѣтъ ни одного пункта его учрежденій, который не былъ бы распатанъ критикой. Я не стану касаться большей части обвиненій противъ него, такъ какъ они хотя и весьма существенны, но еще не обусловливаютъ непремѣнной гибели строя. Дѣла идутъ скверно, рѣшенія и медленны, и необдуманны, мѣры сообразуются не съ интересами страны, а съ избирательными потребностями партіи, страшные подкупы, хищенія, деморализація народа, доступность власти только безличностямъ и т. д., и т. д. Все это очень худо, однако же злоупотребленія, безтолковость и прочія принадлежности парламентаризма свойственны вообще человѣческимъ дѣламъ. Народы все это могли бы претерпѣть. Но въ учрежденіяхъ, практикѣ и въ самомъ положеніи либеральнаго демократизма есть три пункта въ высшей степени опасные, при которыхъ долговременное существованіе этого строя совершенно невѣроятно.

Этотъ строй, вопервыхъ,—создастъ чрезвычайно плохое и, что̀ еще важнѣе—не авторитетное правящее сословіе. Патриціевъ, дворянъ, служилыхъ—массы иногда ненавидѣли, но уважали и боялись. Современныхъ политиковъ—просто презираютъ повсюду, гдѣ

домократическій строй сколько-нибудь укрѣпился. Это презрѣніе отчасти происходитъ отъ невысокаго умственнаго и нравственнаго уровня политикановъ. Дѣйствительно, политическая дѣятельность либерально демократическаго строя не требуетъ людей умныхъ, честныхъ, независимыхъ, напротивъ, эти качества скорѣе подрываютъ карьеру политикана. Для него нужна практическая ловкость дѣльца, беззастѣнчивость, безразборчивесть въ средствахъ, эластичность убѣжденій. Лучшая часть населенія, люди, достаточно способные для другихъ прибыльныхъ занятій, и въ то же время дорожащіе своими убѣжденіями—при такихъ условіяхъ относятся къ политической дѣятельности съ нѣкоторою гадливостью. Огромное большинство политиканствующаго слоя ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, выражаясь деликатно, никакъ не принадлежатъ къ цвѣту націи. Потому въ населеніи нѣтъ и тѣни уваженія къ правящему имъ слою. «Ce sont tous des canailles»—обычная, чаще всего слышимая фраза въ публикѣ по адресу каждой новой *fournée* представителей народнаго самодержавія. Сверхъ того, люди различныхъ партій, въ своей взаимной борьбѣ, сами компрометтируютъ передъ народомъ свой и безъ того не блестя-

щій персоналъ не только разоблаченіями, но и прямо клеветами, выдумками.

Въ общей сложности новый правящій классъ страдаетъ полнымъ *отсутствіемъ обаянія*, нравственнаго авторитета, необходимаго для правленія, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ способовъ стать экономически господствующимъ. Второе обстоятельство. Этотъ классъ, не пользуясь ни малѣйшимъ уваженіемъ, принужденъ однако управлять страной съ такимъ произволомъ, котораго обыкновенно не позволитъ себѣ самый даже популярный или грозный монархъ. Произволъ является оттого, что демократическій парламентаризмъ стремится (по крайней мѣрѣ на словахъ) представлять ту волю народа, которой у него нѣтъ. Ту же волю народа, которая дѣйствительно существуетъ, то-есть волю традиціонную, парламентаризмъ вовсе не имѣетъ въ виду представлять, и не можетъ. Традиціонную волю народа всегда болѣе или менѣе хорошо чуютъ тѣ классы и учрежденія, которые наслѣдственно сжились съ народомъ. При этомъ условіи иногда, особенно въ неограниченной монархіи, ощущеніе этой воли народа доходитъ до необычайной тонкости. Но это возможно лишь тогда, когда нѣтъ борьбы за власть, когда положеніе управляющаго прочно, позволяя

человѣку постоянно думать о народѣ, а не о себѣ. Положеніе новаго правящаго слоя совершенно обратное, онъ живетъ не народною, а кружковою жизнью—его традиціи—свои собственныя, а не національныя, и онъ вѣчно занятъ борьбой за власть, постоянно принужденъ думать о томъ, какъ захватить народъ, сорвать его голоса, правдами-неправдами притащить его къ себѣ, а не самому придти къ нему и слиться съ нимъ духовно. Нѣтъ класса живущаго болѣе *внѣ народа*, чѣмъ нынѣшніе политиканы. Собственно же *правительство*, имъ создаваемое, по самому принципу отрѣзано отъ народа. Потому-то въ дѣйствіяхъ его настоящая народная воля, то, что у народа есть прочнаго и общаго—отражается менѣе всего. Народъ чувствуетъ постоянно какой-то произволъ, чувствуетъ, что дѣлается совсѣмъ не то, чего хочется ему. Единственное обстоятельство, сдерживающее неудовольствіе народа,—это кучи показываемыхъ ему, будто бы имъ самимъ поданныхъ, бюллетеней. Но даже смиряясь передъ баллотировочнымъ фокусомъ, масса не можетъ помѣшать себѣ ощущать вѣчное неудовлетвореніе, вѣчное сознаніе, что дѣло идетъ какъ-то не такъ.

Оба эти обстоятельства могли бы быть устранены однимъ путемъ. Если бы классъ поли-

тикановъ могъ осѣсть въ странѣ прочно, стать болѣе или менѣе наслѣдственнымъ, то политика, переставъ быть un sale metier, конечно, привлекла бы къ себѣ болѣе уважающіе себя слои націи. Укрѣпивъ свое положеніе, новый классъ могъ бы вступить съ народомъ въ болѣе тѣсное нравственное общеніе и пріобрѣсти способность выражать духъ народа. Такая эволюція демократическаго парламентаризма привела бы къ нѣкоторому виду аристократическаго строя. Худо это или хорошо, но прежде всего—на долгое время совершенно невозможно. Тутъ именно выступаетъ третье, и самое опасное обстоятельство для либеральнаго демократизма. Положеніе политикансствующаго слоя такъ фатально, что онъ самъ принужденъ растравлять раны существующаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, существованіе этого слоя всецѣло держится на фикціяхъ XVIII вѣка. Народы только потому поддерживаютъ демократическій парламентаризмъ, что стремятся къ обществу, построенному на свободѣ, равенствѣ и правленіи народной воли. Если бы современный правящій классъ отвѣтилъ, что онъ беретъ дать странѣ сносное, умное, болѣе или менѣе честное управленіе, но лишь путемъ отказа народа отъ невозможностей и путемъ откровеннаго возвращ-

пія къ старому типу общества, расчлененнаго, сословнаго, іерархичнаго, что̀ отвѣтили бы массы? Оставимъ уже въ сторонѣ психологическое состояніе людей, недопускающее отказа отъ соціальныхъ иллюзій. Но не правъ ли бы былъ народъ, отвѣтивъ своимъ «представителямъ», что тогда смѣшно хлопотать надъ постояннымъ сооруженіемъ сложной политической машины, тратить время, нервы, трудъ, милліоны, и все изъ-за чего? Изъ-за полученія того, что̀ безо всякихъ хлопотъ и волненій даетъ разъ навсегда установленная монархія! Такой ходъ мысли народной подписывалъ бы приговоръ карьерѣ всей этой тучѣ политикановъ, и потому въ новомъ правящемъ слоѣ всегда найдется огромный контингентъ людей, готовыхъ подогрѣвать иллюзіи народа. Либеральный демократизмъ принужденъ постоянно самъ поддерживать фикцію народной воли, которой совершенно основательно не можетъ реализировать, онъ вѣчно обѣщаетъ кисельныя рѣки, вѣчно заставлятъ народъ думать, что виновата не система, а люди; каждое правительство выставляется шайкой измѣнниковъ и обманщиковъ, не желающихъ осчастливить народъ; затѣмъ — правительство летитъ въ окно, у власти садится нынѣшній агитаторъ, а завтра и онъ попа-

даетъ въ обманщики и т. д. и т. д. Этою смѣной лицъ держится система, своими собственными теоріями преграждающая себѣ возможность доразвиться до какого-либо прочнаго строя.

Тѣмъ не менѣе эта толчея не можетъ продолжаться безконечно. Во сто лѣтъ всѣ нарядныя покрывала либеральнаго демократизма окончательно истрепались. Современная демократія не отказалась отъ своихъ идеаловъ, но убѣдилась, что ихъ нечего искать избитымъ путемъ либеральнаго демократизма. Онъ уже не вмѣщаетъ иллюзій массы. Онъ живетъ и господствуетъ, но душа народовъ уже выныта изъ него.

Первая стадія пройдена.

VII.

Появленіе *соціальной демократіи*. — Идейная сторона. — Полное подчиненіе стихійнымъ силамъ.—Полный бунтъ противъ нихъ.

По мѣрѣ дискредитированія либерально-демократической идеи на смѣну ей все болѣе рѣзко и успѣшно выступаетъ идея соціалистическая. Сами соціалисты разсматриваютъ себя, какъ нѣчто противоположное либераламъ, и до извѣстныхъ предѣловъ они правы. Ля-

гушка очень отлична отъ головастика. Но, тѣмъ не менѣе, это все-таки дѣти одной матери, это различныя фазы одной и той же эволюціи. При появленіи и торжествѣ либеральнаго демократизма—соціализмъ, немного раньше или немного позже, долженъ былъ явиться на свѣтъ. Съ другой стороны—безъ предварительной фазы либеральной демократіи, соціализмъ—каковъ онъ есть — былъ совершенно немыслимъ и невозможенъ.

Дѣло въ томъ, что соціализмъ не есть ученіе и движеніе только *экономическое.* Какъ совершенно справедливо говоритъ извѣстный эмигрантъ Лавровъ *, для огромнаго большинства сторонниковъ и противниковъ соціализмъ заслоняетъ своими экономическими стремленіями другія свои стороны, для него не менѣе существенныя. Нужна извѣстная нравственная подкладка, которая, по выраженію Лаврова, *оправдывала* бы практическія стремленія соціализма. Нужно, стало-быть, нѣкоторое общее міросозерцаніе, при которомъ была бы возможна данная форма нравственнаго настроенія. Въ этомъ цѣлостномъ видѣ соціализмъ только и можно разсматривать, не впадая въ грубыя ошибки. Собственно эконо-

---

* *Задачи соціализма.*

мическій строй, подобный тому, котораго желаетъ соціализмъ, не будетъ ничуть соціалистическимъ, если будетъ основанъ на другомъ общемъ міросозерцаніи, на другихъ нравственныхъ требованіяхъ. Коммунизмъ христіанскаго монастыря и коммунизмъ Маркса или Бакунина производятъ учрежденія, различныя какъ небо и земля.

Если первые соціалисты такъ-называемаго «утопическаго» періода вспоминали христіанскія или еретическія общины, это происходило лишь отъ незрѣлости соціалистической мысли у самихъ ея сторонниковъ и отъ непониманія ея со стороны противниковъ атеистической демократіи (какими, конечно, были люди въ родѣ Ламмене). Въ настоящее время, когда неясный зародышъ соціализма развился вполнѣ, не можетъ быть уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, отъ кого онъ родился и чье дѣло продолжаетъ.

Либеральная демократія, подъ вліяніемъ сохранившагося въ ней христіанскаго самоощущенія души, не могла серьезно, на дѣлѣ, признать, чтобы человѣкъ былъ дѣйствительно лишь предметомъ матеріальной природы. Поэтому, она упорно строила свое общество на чисто психологической основѣ, видѣла въ государствѣ лишь извѣстную комбинацію человѣчес-

кой воли и свободы. Собственная практика либеральной демократіи, однако, явно обнаружила всю призрачность такого попиманія. Нельзя было не видѣть въ обществѣ присутствія *соціальнаго закона*, который существуетъ и дѣйствуетъ вовсе не потому, чтобы кто-либо желалъ его, а просто по самой природѣ вещей, внѣ всякой воли нашей.

Эти указанія опыта подѣйствовали двояко. Съ одной стороны личность приходитъ къ убѣжденію, что ея ощущеніе внутренней самостоятельности есть ощущеніе ложное, что она, личность человѣческая, должна *подчиниться* стихійному закону матеріальной природы, принизиться до роли всякаго другаго тѣла природы. Но, съ другой стороны—для души, получившей уже христіанскую выработку, такое подчиненіе невозможно, и перспектива его вызываетъ отчаянный, безумный бунтъ противъ очевиднѣйшихъ законовъ природы. Оба эти теченія и сказались въ соціализмѣ, создавъ, съ одной стороны, *соціальный демократизмъ*, съ другой—*анархизмъ*.

VIII.

Соціаль-демократы.—Анархисты.

Въ наукѣ XIX вѣка вообще чрезвычайно ярко выдѣляется стремленіе отыскать и опре-

дѣлить, чему бы такому люди могли безусловно подчиниться. Отыскать «роковые», «фатальные» законы матеріальной природы, въ которыхъ бы личность наконецъ лишилась самостоятельности и явилась безспорною, очевидною частью великаго механизма природы— надъ этимъ трудится психологія и соціологія съ чрезвычайною страстностью. Въ соціализмѣ это стремленіе увѣнчалось наибольшимъ успѣхомъ. Такъ-называемый *научный соціализмъ*, соціализмъ Карла Маркса, совершенно отрѣшается отъ внушеній внутренняго духовнаго сознанія и устанавливаетъ почти механическіе законы соціальной жизни.

Основу общественныхъ явленій эта теорія видитъ въ законѣ *обмѣна веществъ*, которымъ живетъ весь органическій міръ. На той ступени развитія, которую представляетъ человѣческое общество, обмѣнъ веществъ является въ сложной формѣ *производства*. Вся исторія человѣчества, съ его учрежденіями, классами, войнами и революціями, есть не что иное какъ исторія производства. Люди живутъ всегда въ соотвѣтствіи тому, какъ производятъ. «Исторія, говоритъ Энгельсъ *, была не что

---

* Извѣстный alter ego К. Маркса, его другъ и популяризаторъ.

иное, какъ борьба классовъ, и эти борющіеся классы *повсюду* и *всегда* были продуктомъ способа производства и обмѣна». Въ поясненіе должно замѣтить, что самый способъ обмѣна создается способомъ производства. «Экономическая структура каждаго даннаго общества всегда составляетъ то реальное основаніе, которое мы должны изучать, чтобы понять всѣ его надстройки — учрежденія политическія и юридическія, такъ же какъ религіозныя и философскія точки зрѣнія» *.

«Эта матеріалистическая концепція исторіи», объявляетъ торжественно Ф. Энгельсъ, «изгнала идеализмъ изъ его послѣдняго убѣжища». Исторія являетя вѣчно мѣняющимся *процессомъ* вещества, въ которомъ наши понятія о справедливости не имѣютъ ничего абсолютнаго, такъ какъ мѣняются съ перемѣной условій. Никто такъ иронически не относится къ громкимъ фразамъ XVIII вѣка, какъ научный соціализмъ. Революціонерамъ XVIII вѣка представлялось, говоритъ Ф. Энгельсъ, «что міръ до тѣхъ поръ (то-есть до нихъ) позволялъ руководить собою ничтожнымъ предразсудкамъ; прошедшее заслуживало только жалости или презрѣнія. Теперь впервые показывался свѣтъ,

* *Socialisme utopique et Socialisme Scientifique*, фр. перев. П. Лафарга, стр. 21.

впервые вступали въ царство разума, въ которомъ вѣчная истина должна прогнать суевѣріе, несправедливость, привилегіи, притѣсненія посредствомъ равенства, основаннаго на природѣ и посредствомъ естественныхъ правъ человѣка... Мы, восклицаетъ Энгельсъ, знаемъ теперь, что это царство разума въ концѣ концовъ было только царствомъ идеализпрованной буржуазіи»... *

Это не значитъ, чтобы научный соціализмъ заподозривалъ искренность людей первой революціи. Но дѣло въ томъ, что наши идеалы не имѣютъ ничего самостоятельнаго и составляютъ лишь конечное отраженіе потребностей пропзводства. Та свобода, которая нужна была собственно для пропзводства, переросшаго старыя узкія рамки, въ понятіяхъ людей абстрагировалась въ видѣ всего этого пышнаго идеализма свободы и естественныхъ правъ. Вотъ и все.

Если въ настоящее время соціализмъ становится не утопіей, не иллюзіей, а реальнымъ идеаломъ, то лишь потому, говоритъ теорія, что его требуютъ условія производства.

Но если всѣ наши соціальные и всѣ нравственные идеалы строго относительны, если

---

* Id. Стр. 10.

наши понятія о справедливости, правахъ и обязанностяхъ человѣка постоянно мѣняются, если, наконецъ, все въ исторіи въ *свое* время имѣло право на существованіе, было справедливо, а потомъ, съ измѣненіемъ условій, становится безсмыслицей и ложью, то не ожидаетъ ли такая же судьба и современные соціалистическіе идеалы? Соціализмъ объ этомъ благоразумно умалчиваетъ. Но отвѣтъ, по точному смыслу теоріи, ясенъ и несомнѣненъ. Конечно, настанутъ условія, при которыхъ современные толки соціалистовъ о свободѣ, равенствѣ, матеріальной справедливости могутъ оказаться неумѣстными, противорѣчащими условіямъ производства. И тогда эти идеалы должно будетъ признать ложными, тогда «передовые» люди выставятъ новые идеалы, можетъ быть идеалы деспотизма, приниженія личности, кастоваго раздѣленія и т. п. Все это должно будетъ признать опять же справедливымъ, возвышеннымъ, прогрессивнымъ...

Никогда еще ни одна философія, ни одна языческая религія не приводила человѣка къ такому безпрекословному подчиненію игрѣ матеріальныхъ силъ, къ такому полному уничтоженію *личности*, какъ духовно самостоятельной силы. Все духовное содержаніе личности опредѣляется безапелляціонно устрой-

ствомъ плуга и ткацкаго станка. Дальше идти дѣйствительно некуда.

Анархисты, ненавидящіе соціальную демократію за такое уничтоженіе личности, говорятъ, что это не соціалисты-революціонеры, а *соціалисты-реакціонеры.* Выраженіе мѣткое. Научный соціализмъ составляетъ движеніе, конечно, очень «передовое», какъ послѣднее слово матеріализма, но съ точки зрѣнія высоты и достоинства личности это ученіе и движеніе неслыханно реакціонное. Хотя соціальная демократія по привычкѣ, по старому разбѣгу, и говоритъ о свободѣ, развитіи личности и т. п., но все это не только не вытекаетъ изъ ея теоріи (какъ вытекало, напримѣръ, изъ «буржуазнаго» *Contrat Social*), а даже прямо съ нею несовмѣстимо.

IX.

Уничтоженіе свободы въ коммунизмѣ.

Что требованія *свободы личности* не вытекаютъ *прямо* изъ теоріи научнаго соціализма, это ясно само по себѣ. Сама *личность* въ этомъ ученіи есть явленіе второстепенное и подчиненное. Не ея запросами и требованіями опредѣляется общественный строй. Она долж-

на довольствоваться тѣмъ, что ей даютъ матеріальныя условія самодержавнаго производства, которое опредѣляетъ не только юридическія права личности, но самые ея внутреннія запросы, идеалы, мечты. Личность тутъ не есть основа, не есть начало, а послѣдствіе, результатъ. Свободы внутренней у нея нѣтъ по существу, а свободу внѣшнюю, юридическую, она получаетъ не потому, чтобъ этого сама хотѣла или не хотѣла, а сообразно съ тѣмъ—нужно это или не нужно по условіямъ производства.

Соціальная демократія, правда, очень много толкуетъ о свободѣ и обѣщаетъ дать ее *отрицательнымъ*, косвеннымъ: путемъ уничтоженія *государственности*.

«Пролетаріатъ, говоритъ Энгельсъ, рисуя исходъ соціальной революціи, овладѣваетъ государственною властью и превращаетъ средства производства *сперва* въ государственную собственность. Но тѣмъ самымъ онъ прекращаетъ свое существованіе, какъ пролетаріатъ, уничтожаетъ различіе классовъ и самое государство, какъ государство» *. Съ уничтоженіемъ государства, какъ резервуара при-

---

* *Развитіе научнаго соціализма*, русскій женевскій переводъ, стр. 43.

нудительной власти, свобода является сама собою, отрицательнымъ путемъ. Но это совершенно пустыя фразы. Рѣчь идетъ собственно о *словѣ*, объ опредѣленіи факта, а не о фактѣ. Государство, говоритъ научный соціализмъ, есть учрежденіе *классовое*, посредствомъ котораго одинъ классъ держитъ въ подчиненіи другой. «Когда не будетъ общественныхъ классовъ, тогда некого будетъ подавлять и сдерживать (будто бы совсѣмъ *некого?*)... Вмѣшательство государственной власти въ общественныя отношенія сдѣлается мало-помалу излишнимъ. Государство не будетъ «уничтожено»,—оно *умретъ*» *.

Передержка очевидна. Допустимъ, что классоваго государства не будетъ. Но государство, какъ организованная власть цѣлаго общества надъ частями этого общества и надъ личностью—во всякомъ случаѣ останется и разовьется. Принудительная власть, стало-быть, вовсе не уничтожается. Логическая эквилибристика мыслителей соціальной демократіи не доказываетъ ничего другаго, кромѣ того, какъ сильно они принуждены ухаживать за анархическимъ духомъ и убаюкивать его фразами, будто бы со временемъ все устроится,

* Ib. 44.

и свобода появится, и государство уничтожится, только потерпите пока въ сомкнутыхъ рядахъ соціальной демократіи.

На самомъ дѣлѣ «господа рабочіе» могутъ ждать отъ соціальной демократіи чего угодно, только не признанія своихъ правъ личности. Тутъ нарождается строй, въ которомъ общество—все, личность—ничто. Начиная съ теоріи, кончая практикой, соціальная демократія ни разу не измѣняетъ этому принципу. Обязательный трудъ, могучая власть, распредѣляющая трудъ и пользованіе его продуктами, власть, отъ которой никуда не скроешься, малѣйшее неповиновеніе которой въ лучшемъ случаѣ равносильно голодной смерти: а Энгельсъ еще утѣшаетъ, что не будетъ классоваго государства! Какъ будто крѣпостной крестьянинъ имѣлъ когда-нибудь надъ собою хотя тѣнь такой власти, какую имѣетъ это «безклассное» соціалистическое общество надъ своими «гражданами».

Логическія тенденціи соціалистическаго государства, конечно, не могутъ высказаться сразу. Но по его міросозерцанію «юридическія» и «философскія» понятія, а стало-быть и права личности, и ея требованія отъ жизни, и все ея содержаніе—опредѣляются *условіями производства*. Производство же «будущаго строя»—кол-

лективное, обобществленное, не только въ одной странѣ, а въ цѣломъ orbis terrarum socialisticus. Личной инищіативы здѣсь не требуется, конкурренціи нѣтъ. Для чего тутъ *экономически* нужна свобода или развитая личность? Нужна, напротивъ, личность смирная, покладистая, дисциплинированная, не рвущаяся ни къ чему *своеобразному*, способному нарушить гармонію установившагося муравейника. Если же свобода и личность не нужны *экономически*, то общественная мысль, политика и законодательство наслѣдниковъ Маркса и Энгельса станутъ работать въ направленіи постепеннаго сглаживанія личности, чтобы мало-по-малу вычеркнуть изъ самаго содержанія умовъ идеалы современной «развитой личности». Что такое «человѣкъ высокой нравственности», что такое «возвышенныя стремленія?» Съ точки зрѣнія «научнаго соціализма»,—это человѣкъ, это стремленія, наиболѣе приспособленныя къ потребностямъ экономическаго строя общества. Самостоятельнаго, вѣчнаго содержанія личность не имѣетъ, она можетъ быть передѣлана какъ угодно «условіями производства». Усилія Ликурговъ соціалистическаго строя направятся къ тому, чтобъ изгладить въ своихъ согражданахъ всѣ остатки «дикихъ» стремленій современной личности и привести

се къ идеалу умѣренности и аккуратности, къ возможно большему подавленію всего личнаго, возможно большему преклоненію предъ обществомъ, которое само является какъ бы воплощеніемъ силъ природы, послѣднею инстанціей всемогущихъ «условій производства», окруженныхъ ореоломъ почитанія, какимъ древнія языческія религіи окружали силы тяготѣющей надъ нами природы.

X.

Анархическая свобода.

Такимъ путемъ пошло одно теченіе демократіи, потерявшей духовное равновѣсіе. Другое теченіе приняло совершенно противуположное направленіе. Анархистъ, со страстью сумасшедшаго, знать ничего не хочетъ, кромѣ *личности*, и вѣруетъ въ эту личность съ безпримѣрнымъ фанатизмомъ.

Анархисты пріобрѣли себѣ репутацію какихъ-то полусумасшедшихъ, и многіе поэтому не придаютъ имъ большаго значенія. Это совершенно ошибочная оцѣнка, тѣмъ болѣе, что душевное состояніе современнаго цивилизованнаго человѣчества представляетъ множество и другихъ ненормальностей. Духовное

оскудѣніе соціальной демократіи тоже нельзя признать нормальнымъ человѣческимъ состояніемъ, а совершенно животное состояніе консервативныхъ «буржуазныхъ» слоевъ еще менѣе того. Читая описаніе какой-нибудь *Semaine Sanglante* — весьма затруднишься рѣшить, кто болѣе сумасшедшій въ этой озвѣрѣвшей массѣ убивающихъ и убиваемыхъ. Не даромъ Герценъ, свидѣтель 1849—51 годовъ, отъ одного этого зрѣлища пришелъ къ отрицанію будущаго европейской цивилизаціи.

Въ такую патологическую эпоху разложенія, воображающаго себя «развитіемъ», слово «сумасшедшій» ничего не опредѣляетъ. Предоставляя это слово въ распоряженіе желающихъ, гораздо полезнѣе постараться выяснить себѣ, въ чемъ собственно состоитъ *ненормальность*, такъ легко охватывающая цѣлыя массы, а въ томъ числѣ людей, несомнѣнно, очень умныхъ и талантливыхъ.

Тутъ само собою напрашивается странное сопоставленіе. Соціальная демократія исторически есть созданіе еврейско-протестантскихъ элементовъ современной культуры. Теорія (Марксъ) и практика (Лассаль) даны Евреями и поддержаны до сихъ поръ почти исключительно въ протестантскихъ странахъ. Анархизмъ, напротивъ, создается отщепенцами ка-

толпцизма и православія (Прудонъ, Бакунинъ, Кропоткинъ) и находитъ прозелитовъ по преимуществу въ странахъ католическихъ (Франція, Испанія, Италія). Самъ Вернеръ *)—единственный крупный анархистъ нѣмецкій, если не ошибаюсь, родомъ изъ Вѣны. Чрезвычайная наклонность русскаго «нигилизма» къ анархическимъ точкамъ зрѣнія достаточно общеизвѣстна, точно такъ же какъ слабое развитіе идей «научнаго соціализма» въ этой средѣ. Еслибъ у насъ религіозная жизнь рухнула въ достаточной степени (чего, благодаря Бога, какъ показываютъ обстоятельства, далеко нѣтъ) — то едва ли возможно сомнѣваться, что у насъ развилось бы *анархическое* движеніе, а не соціально-демократическое.

*) О которомъ стали часто говорить газеты.

Тамъ, гдѣ духовная жизнь получила болѣе глубокую *христіанскую* обработку (т. е. въ средѣ православной и римско-католической) человѣку чрезвычайно трудно отрѣшиться отъ *ощущенія* своей духовной природы, а стало-быть, отъ невольной вѣры въ самостоятельное значеніе личности. Когда у такого человѣка отнята *религія*, внутреннее сознаніе крпчитъ ему, что на свѣтѣ нѣтъ ничего выше его самого, ничего такого, чему онъ могъ бы подчиниться. Онъ остается самъ Богомъ. По богословскому

толкованію это есть тягчайшее паденіе духа, но такое паденіе, которому подвергается лишь духъ уже высоко выработанный. Анархизмъ— одна изъ формъ болѣзни, которая въ другихъ теченіяхъ мысли проявляется въ *религіи человѣчества*, также очень извѣстной у насъ въ рядѣ интеллигентскихъ сектъ *). Но понятно, что и въ странахъ протестантскихъ — подкладка души все же остается христіанскою, поэтому анархическія тенденціи въ революціонномъ мірѣ повсюду скорѣе дремлютъ, чѣмъ отсутствуютъ. Обстоятельство, которое со временемъ получитъ огромное значеніе.

Неспособный отрѣшаться отъ очевиднаго ощущенія своей свободной личности и видя столь же ясно несомнѣнное иго соціальныхъ законовъ, анархизмъ разрубаетъ Гордіевъ узелъ: если соціальные законы мѣшаютъ, нужно ихъ уничтожить. Нужно уничтожить *власть* и все, откуда эта власть можетъ проистекать. Нужно оставить личность свободною, на просторѣ, и пусть тогда общество слагается изъ свободнаго, добровольнаго соглашенія между личностями, которыя каждую секунду относятся другъ къ другу такъ, какъ

*) Достаточно вспомнить Маликова, Фрея (Гейнца) и графа Л. Толстого.

хотятъ. «Мы, говоритъ заявленіе 47 анархистовъ, поданное Ліонскому суду *),—мы требуемъ свободы абсолютной, ничего кромѣ свободы, свободу полностью. Мы требуемъ для каждаго человѣческаго существа права и способовъ дѣлать все, что̀ ему угодно, и не дѣлать ничего, что̀ ему не нравится».

Въ поясненіе замѣчу, что одинъ анархистъ, кажется Дюваль, уличенный парижскимъ судомъ не только въ поддѣлкѣ фальшивой монеты, но и въ противоестественныхъ порокахъ **), прямо заявилъ суду, что «c'est mon droit de satisfaire mes passions comme je le puis». Главный органъ анархизма, *Revolté*, сначала колебался признать этого господина добрымъ членомъ партіи, но общій голосъ анархическихъ compagnons ***) заставилъ органъ Кропоткина побѣдить свое отвращеніе, и осужденный былъ зачисленъ въ синодикъ партіи. Анархисты дѣйствительно послѣдовательны въ требованіи «свободы

*) Compte rendu du procès de Lion, Geneve, Imprimerie Jurassienne. 1883.

**) Я цитирую на память этотъ процессъ происходилъ въ Парижѣ въ мою бытность тамъ, но не помню точно года. Кажется, въ 1886.

***) Анархисты отбросили „буржуазное“ слово „citoyen“, и называютъ другъ друга *compagnons*.

абсолютной». Возвратимся къ декларацiи лiонскаго процесса.

«Мы, продолжаетъ онъ, хотимъ свободы, и считаемъ ея существованiе несовмѣстимымъ съ существованiемъ *какой бы то ни было* власти, каково бы ни было ея происхожденiе и форма, вдохновляется ли она правомъ божественнымъ или народнымъ, мiропомазанiемъ или всенароднымъ голосованiемъ. Всѣ правительства одинаковы и стóятъ одно другого. Лучшiя—хуже всѣхъ другихъ. Вся разница въ томъ, что у однихъ больше цинизма, у другихъ—лицемѣрiя. Зло—не въ той или иной формѣ власти, а въ самомъ *принципѣ власти*. Анархисты ставятъ задачей научить народъ обходиться безъ правительства, какъ уже онъ началъ научаться обходиться безъ Бога. Нашъ идеалъ—замѣнить административную и законную опеку и принудительную дисциплину *свободнымъ договоромъ, подлежащимъ постоянному пересмотру и отмѣнѣ*».

То-есть это договоръ, который каждый исполняетъ, пока хочетъ и сколько хочетъ, и уничтожаетъ, когда вздумается. Но это еще не все. «Мы, говоритъ декларацiя, считаемъ, что капиталъ долженъ быть предоставленъ въ распоряженiе всѣхъ, такъ чтобы никто не могъ быть исключенъ изъ пользованiя, и что-

бы также никто не могъ захватывать доли въ ущербъ другимъ».

И это—*безъ организаціи*! Анархисты не допускаютъ *никакой*, даже и своей собственной, революціонной. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я имѣлъ случай бесѣдовать съ самимъ Кропоткинымъ, также подписавшимся подъ приведенною декларацією. «Допустимъ, что произойдетъ соціальная революція. Что вы сдѣлаете?

«— Мы употребимъ всѣ усилія, чтобы народъ бралъ все, что ему угодно, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше, и чтобъ онъ не далъ организоваться какому бы то ни было правительству.

«Но коммуна не допустила грабежа?

«— Это была роковая ошибка, погубившая дѣло. Въ слѣдующій разъ ее уже не повторятъ.

«Но блапкисты, которые такіе же соціалисты, не замедлятъ организовать правительство. У нихъ уже и теперь чуть ли не распредѣлены всѣ будущія правительственныя должности.

«— Мы будемъ убивать блапкистовъ.—Они вреднѣе всякихъ буржуа».

Словомъ—стóитъ только не допускать никакого правительства, никакого принудитель-

наго порядка—все устроится само собою, въ свободной гармоніи. Анархисты находятъ, что это даже очень просто, и непонятно лишь для людей узкихъ—retrecis.

«Что касается практическаго дѣйствія анархіи—то нѣтъ ничего болѣе легкаго, говоритъ одинъ ихъ журналъ *). Движеніе безъ путъ и помѣхъ составляетъ *естественное назначеніе* человѣка. Авторитарный порядокъ — послѣдствіе предразсудковъ, суевѣрія и варварства, уничтожая всѣ личности, неспособныя ужиться подъ его скипетромъ, сформировалъ нынѣшнихъ людей, запечатлѣвъ ихъ своими отличительными чертами. Отсюда нѣкоторые близорукіе философы заключили, будто бы власть неизбѣжна для человѣчества». Остается только удивляться, что человѣчество умудрилось весь вѣкъ свой жить неестественно, и никогда не въ состояніи было жить такъ, какъ этого будто бы требуетъ его природа!

Это нелѣпо, конечно. Однако анархизмъ уже доказалъ свою огромную способность охватывать умы *). Это потому, что въ анархизмѣ говоритъ не глупость, а потеря духовнаго равно-

---

*) *L'autonomie individuelle,* 1887 г., № 5.

*) Проповѣдь гр. Л. Толстого и отношеніе къ ней со стороны слушателей дали новый примѣръ тому.

вѣсія. За потерей Бога—и слѣдовательно вообще духовной жизни — самоощущеніе человѣка становится уродливымъ. Потерявъ мѣру сравненія, не ощущая надъ собою никакого авторитета, онъ начинаетъ считать себя верхомъ совершенства и духовной самостоятельности.

Эта нелѣпость вполнѣ ясна только или человѣку религіозному или, наоборотъ, совершенно заглушившему свою духовную природу и оставшемуся съ однимъ полуживотнымъ «здравымъ смысломъ». Въ «христіанскомъ, отрекшемся отъ Христа» обществѣ и тѣхъ и другихъ людей немного.

XI.

Будущее коммунизма. — Матеріальная практичность соціальной демократіи.

Для болѣе точной обрисовки творческой силы соціализма позволительно и умѣстно задать себѣ вопросъ: что могутъ дать новѣйшія формы демократической идеи, еслибъ имъ суждено было хоть такое торжество и власть надъ міромъ, какіе либеральный демократизмъ получилъ съ 1789 года? Само собою, это разсужденіе чисто гипотетическое и имѣетъ цѣлью

показать не дѣйствительное будущее, а лишь *возможное* по внутренней логикѣ передовыхъ демократическихъ ученій.

Не предсказывая этого будущаго, мы не должны однако забывать, что оно дѣйствительно *возможно*. Общая тревога по всей Европѣ каждое 1 мая, рядъ революцій уже бывшихъ, несомнѣнный громадный ростъ революціонныхъ партій во Франціи и въ Англіи, ни на минуту не прекращающіеся успѣхи соціальнаго демократизма въ Германіи—длинный рядъ многозначительныхъ фактовъ показываютъ, что это движеніе *нарастающее*. Можно спорить о томъ, избѣжимо или неизбѣжно его торжество, но сомнѣваться въ его *возможности* было бы прямо легкомысленно.

Предположимъ, стало-быть, что теченіе слѣдуетъ своимъ современнымъ русломъ. Чего мы можемъ отъ него ожидать?

Несмотря на чрезвычайную распространенность анархическихъ идей, чистыхъ или смягченныхъ, едва ли возможно предположить, чтобы какой бы то ни было европейской странѣ анархизмъ угрожалъ серьезнымъ переворотомъ въ ближайшемъ будущемъ. Анархисты могутъ убивать, поджигать, взрывать, производить бунты, но они, по принципу, *не хотятъ* организоваться, а потому, конечно,

всегда будутъ подавляемы организованной силой, до тѣхъ поръ, пока идея общества не превратилась въ нѣчто возбуждающее всеобщій ужасъ и отвращеніе. Такой же моментъ можно себѣ представить развѣ только послѣ торжества соціальной демократіи. А до тѣхъ поръ, пока общество находится приблизительно въ современномъ состояніи, анархизмъ въ немъ будетъ составлять лишь хроническую разъѣдающую болѣзнь.

Настоящею опасностью, въ болѣе близкомъ будущемъ, на первой ступени, угрожаетъ не анархизмъ, а соціальный демократизмъ. Это движеніе разгромить вовсе не легко, и даже едва ли возможно иначе какъ нравственнымъ воздѣйствіемъ, потому что во всемъ, что̀ касается *силы*, оно можетъ посчитаться съ кѣмъ угодно.

Соціальный демократизмъ ставитъ себѣ цѣли, значительная часть которыхъ вполнѣ осуществима (именно въ области экономической). Въ дѣйствіи—онъ совершенно практиченъ. Конечно, есть и у него фразы, въ родѣ толковъ о будущемъ уничтоженіи государства, о свободѣ, равенствѣ и т. п. Но эти фразы ему нисколько не мѣшаютъ, а напротивъ помогаютъ. Безъ этихъ невинныхъ украшеній онъ могъ бы показаться черезчуръ грубымъ и от-

толкнуть отъ себя массы. Эти фразы льстятъ самолюбію рабочихъ и даютъ имъ возможность помечтать на возвышенныя темы. А между тѣмъ ничему практическому это не мѣшаетъ, потому что отодвигается въ отдаленное будущее. Въ ожиданіи же будущаго,—соціальная демократія складывается въ организацію, со своимъ начальствомъ, съ подчиненными, съ дисциплиной, которой позавидуетъ иная армія. Какого бы то ни было опаснаго, рискованнаго шага эта организація по принципу избѣгаетъ, усвоила тактику бить только навѣрняка, только имѣя превосходство силъ, и до поры до времени—по возможности легально. Успѣхи ея общеизвѣстны. Партія уже теперь организовала милліоны населенія.

Переворотъ, по системѣ соціальной демократіи, тѣмъ болѣе легокъ, что онъ не можетъ устрашать даже весьма значительнаго числа мало имущихъ «буржуа». Партія и теперь содержитъ массу людей на жалованьи, а въ будущемъ ставитъ планъ гигантской организаціи страны. При этомъ потребуется, очевидно, огромнѣйшее число всевозможныхъ «завѣдующихъ», «управляющихъ», «комиссаровъ» и т. п. Всякій ловкій человѣкъ въ правѣ ожидать себѣ здѣсь теплаго мѣстечка. Въ общей сложности соціальная демократія имѣетъ ум-

ныхъ вожаковъ и послушную массу, и если соціалистическій переворотъ намѣченъ въ судьбахъ человѣчества, то его произведетъ, конечно, эта партія.

XII.

Диктатура рабочаго класса.—Новое государство.—Сословность соціалистическаго строя.—Аристократія и крѣпостное сословіе соціализма.

Итакъ, допустимъ, что явился «1789 годъ» соціальной демократіи. Начинается «диктатура рабочаго класса» и постройка новаго общества.

Собственно организація національнаго производства не представляетъ ничего невозможнаго. Современный рабочій привыкъ къ труду, капитализмъ выработалъ массу превосходныхъ администраторовъ. Современное производство такъ концентрировано, что его совершенно возможно вести подъ управленіемъ государства. Организовать распредѣленіе продуктовъ посредствомъ системы государственныхъ складовъ также не представляетъ ничего немыслимаго для народовъ, которые и теперь умѣютъ кормить и одѣвать казеннымъ способомъ милліонныя арміи солдатъ. Для организаціи всего этого нужно только *правитель-*

ство, а соціальная демократія имѣетъ уже и теперь всѣ его кадры.

Эта сторона дѣла, конечно, худо ли, хорошо ли, пойдетъ нѣкоторое время, а средства, скопленныя современными обществами такъ громадны, что ихъ и при самомъ плохомъ распоряженіи хватитъ надолго. Но огромныя трудности предъ новымъ строемъ ставитъ самый общій типъ его, который долженъ совершенно задушить *личность*, а она едва ли уступитъ безъ самыхъ отчаянныхъ протестовъ.

Власть новаго государства надъ личностью будетъ по необходимости огромна. Водворяется новый строй (если это случится) путемъ желѣзной *классовой* диктатуры. Соціалъ-демократы сами говорятъ, что придется пережить періодъ диктатуры рабочаго класса. Стóитъ почитать Фольмара *) о способахъ приведенія частныхъ собственниковъ къ «добровольному соглашенію!» Крупныя владѣнія прямо

*) *Isolirte socialistische Stadt.* Эта работа напечатана въ органѣ партіи, самъ Фольмаръ одинъ изъ крупнѣйшихъ вождей соціальной демократіи; помянутая статья его встрѣтила возраженія въ соціалистическомъ мірѣ, но собственно въ томъ отношеніи, что „изолированнаго“ соціалистическаго государства нельзя создать при современныхъ условіяхъ, а необходимъ переворотъ единовременно въ рядѣ странъ.

конфискуются, мелкія же, гдѣ владѣльцевъ много, такъ что опасно доводить ихъ до бун та—должны быть, учитъ Фольмаръ, поставлены въ условія такого безправія, что въ сущности владѣльцу остается или съ голоду умереть или «добровольно» присоединиться къ братской семьѣ соціалистовъ. Государство принуждено будетъ сохранить функціи судебныя и административныя или рухнуть въ нѣсколько мѣсяцевъ. Но соціальная демократія такъ практична, что немыслимо даже предположить съ ея стороны подобной несообразности. Функціи новаго государства въ области народнаго просвѣщенія и «нравственнаго воздѣйствія» на общественное мнѣніе необходимо должны также возрасти. Національная организація труда и распредѣленія продуктовъ прибавляетъ государству новый безмѣрный источникъ власти, регламентаціи и репрессіи. Въ видѣ «временной», но безконечной фактической мѣры, оно, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть и силы вооруженныя, подъ какимъ-нибудь звучнымъ или скромнымъ названіемъ. Предъ этимъ всесильнымъ государствомъ, хотя бы оно и получило названіе «общества» или «народа» и т. п., личность оказывается ничтожною и безсильною пылинкой. Она зависитъ отъ общества вездѣ и во всемъ, вездѣ и во всемъ должна

находиться въ предписанныхъ рамкахъ. Уйти отъ нихъ некуда. Нельзя даже просто замкнуться въ своей семьѣ, въ своемъ независимомъ уголкѣ. Такіе уголки исчезнутъ. Всѣ на міру, на виду, на общемъ положеніи, подъ общимъ надзоромъ.

Это постоянное давленіе, эту вѣчную зависимость невыносимо испытывать даже въ томъ случаѣ, если человѣка подавляетъ однообразная народная масса взаимно сковывающихъ другъ друга «согражданъ», среди которыхъ нельзя остановить озлобленнаго вниманія на какомъ-либо спеціализированномъ подавляющемъ классѣ. Но въ дѣйствительности классы не исчезнутъ, и это обстоятельство, само по себѣ естественное, окажется чрезвычайно компрометтирующимъ для такого строя, который явился на свѣтъ съ формальнымъ обязательствомъ уничтожить дѣленіе общества на классы.

Образованіе *классовъ*, то-есть слоевъ, имѣющихъ нѣкоторую внутреннюю связь, вытекающую изъ единства соціальной роли ихъ членовъ, составляетъ постоянное явленіе во всѣхъ обществахъ. Послѣднимъ яркимъ образчикомъ этого была практика либеральнаго демократизма.

Но либеральный демократизмъ появился въ

видѣ движенія очень, сравнительно, стихійнаго, мало организованнаго, и его правящіе слои должны были складываться уже послѣ перваго торжества революціи. Соціалистическое государство, напротивъ, достигнетъ торжества уже съ почти сформированными сословіями. Соціальная демократія нашихъ дней обязана своею силой именно тому, что она уже фактически разслоилась по спеціальнымъ функціямъ и имѣетъ уже очень порядочный правящій классъ политикановъ. Эти готовые кадры новыхъ сословій соціалистическое государство посадитъ на самую благодарную почву, такъ какъ организація труда требуетъ многочисленныхъ руководителей, а необходимость считаться съ «волей» злополучнаго «самодержавнаго народа» поддержитъ тотъ многочисленный слой гипнотизаторовъ его и распространителей необходимыхъ для того ложныхъ свѣдѣній, который составляетъ различныя фракціи «интеллигенціи». Современный верхній слой правящаго класса въ настоящее время не можетъ вполнѣ укрѣпиться именно потому, что «воля народа» не распространила своего вліянія на экономическія функціи, и тутъ политиканствующему слою постоянно приходится наталкиваться на самостоятельную силу крупныхъ и мелкихъ собственниковъ

Въ соціалистическомъ государствѣ — политиканствующій слой получитъ полный просторъ дойти до окончательнаго развитія, распространивъ свое вліяніе на экономическую область жизни, подобно тому, какъ этимъ кончали всѣ правящіе классы въ исторіи, какимъ бы путемъ ни возникали они.

Соціальная демократія уже теперь, задолго до своего торжества, вырабатывается примѣнительно къ этой цѣли. Ея верхній слой, вожаковъ и учителей, воспитывается въ сознаніи того, что власть необходима, что массу народа нужно учить и направлять. Несмотря на остатки фразъ «идеализированной буржуазіи», этотъ слой искренне уважаетъ только матеріальныя условія, да «общество», въ смыслѣ цѣлой организаціи, но никакъ не человѣка, не личность, не свободу, не равенство и тому подобныя «мечгательныя» понятія. Масса же воспитывается въ духѣ замѣчательной дисциплины и умѣренности. Самое общее «научное» міросозерцаніе, замѣняющее въ этой массѣ религію, внушаетъ покорность матеріальнымъ условіямъ и пріучаетъ сознавать ничтожество своей личности. Во время окончательной борьбы за торжество, властвующій и подчиняющійся слои соціальной демократіи могутъ лишь еще болѣе обособиться и развиться. За-

тѣмъ начинается долгій періодъ «диктатуры», когда придется желѣзною рукой устраивать новые порядки, подавляя внутреннія смуты и по всей вѣроятности ведя внѣшнія войны. Нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, какимъ могущественнымъ сословіемъ выйдетъ изъ такой исторіи нынѣшняя соціалистическая интеллигенція.

XIII.

Всякій соціальный строй (точно такъ же, какъ всякая данная цивилизація и какъ всякая отдѣльная группа, ассоціація и т. п.) развивается въ направленіи тѣхъ силъ, которыя заключаются въ его *типѣ*, такъ, какъ онѣ сочетались въ немъ въ эпоху рожденія типа. Общій типъ соціально-демократическаго строя и всѣ условія рожденія его предсказываютъ новому обществу будущее насквозь пропитанное деспотизмомъ, дисциплиной и централизаціей. Но въ то же время, подобно всѣмъ обществамъ міра, оно будетъ *разслоено*, и вся громадная принудительная власть его будетъ *фактически* (на первое время) находиться въ рукахъ слоя правящаго, несравненно болѣе могущественнаго, чѣмъ политиканы

современной либеральной демократіи. Поэтому все ничтожество, вся подчиненность личности, которая *теоретически* предназначается ей собственно предъ обществомъ и предъ матеріальными условіями, *фактически* будетъ состоять въ ничтожествѣ предъ тѣмъ слоемъ, который руководитъ этими пресловутыми матеріальными условіями, а также управляетъ всѣми дѣлами, формируетъ общественное мнѣніе и т. д., и т. д. Великій вопросъ соціализма составляетъ то, вынесетъ ли масса кабалу или нѣтъ?

Если предположить, что вынесетъ, то новое общество дѣйствительно закончитъ періодъ революціи, начатой XVIII вѣкомъ. Оно уже не только «отречется отъ Христа», но задушитъ и свою «христіанскую душу». Это дастъ равновѣсіе и покой, но также кладетъ конецъ всей выработкѣ личности, достигнутой въ христіанскую эпоху, и дастъ начало «новой эрѣ», которая ведетъ къ чему-то очень старому. Разъ положивъ основаніе, никто уже не можетъ остановить хода органическаго, или, употребляя любимое выраженіе научнаго соціализма—діалектическаго развитія, которое властно царитъ надо всѣми живыми явленіями.

Завѣдываніе общественными дѣлами—источникъ огромной власти. Власть фактическая

переходить въ юридическую. Это вопросъ лишь времени. Профессоръ Ковалевскій разсказываетъ, какъ въ древней индійской общинѣ развился могущественный классъ собственниковъ — аристократія—изъ скромныхъ деревенскихъ «сотскихъ» и «десятскихъ», такъ сказать, назначавшихся общиной для надзора за ирригаціонными каналами. Можетъ-быть такіе факты очень радуютъ научный соціализмъ, какъ доказательство могущества «условій производства». Рисовыя плантаціи порождаютъ поземельную аристократію. Но соціалистическій строй весь сотканъ изъ такихъ «рисовыхъ плантацій». Для завѣдыванія ими пойдетъ конечно самая ловкая и честолюбивая часть населенія, и ихъ временная фактическая власть увѣковѣчивается тѣмъ легче, что сама политическая философія научнаго соціализма не признаетъ никакихъ абсолютныхъ и вѣчныхъ формъ общества. То, что въ отсталый XIX вѣкъ считалось прогрессивнымъ, можетъ быть объявлено реакціоннымъ въ XXI столѣтіи. Все зависитъ отъ условій производства. Съ точки зрѣнія производительности конечно окажется болѣе выгоднымъ существованіе *прочнаго* правящаго класса и спеціализація рабочихъ по различнымъ операціямъ производства и даже по природно раз-

личнымъ мѣстностямъ. Это же разслоеніе и нѣкоторое закрѣпощеніе трудящихся дѣлаетъ еще болѣе нужнымъ существованіе спеціальнаго правящаго класса, свободнаго отъ невольной узости остальныхъ трудящихся. Нѣкоторое препятствіе разслоенію на своего рода касты представляетъ конечно отсутствіе *семьи*. Но фактическое существованіе брака для желающихъ его никакими способами не можетъ быть уничтожено, и особенно въ верхнемъ, правящемъ слоѣ, люди котораго имѣютъ возможность и воспитать своихъ дѣтей болѣе тщательно и доставить имъ лучшее общественное положеніе. Серьезное паденіе брака въ массѣ населенія можетъ повести только къ тому, что верхній слой станетъ въ полномъ смыслѣ «благороднымъ», единственнымъ хранителемъ добраго воспитанія среди этой толпы непомнящихъ родства. Хранитель не одной стадной, но *личной* традиціи, которая дается семьей, онъ тѣмъ скорѣе выработается въ аристократію, въ сословіе дѣйствительно высшее и гордое сознаніемъ своей высоты.

И это сословіе *фактически* владѣетъ всѣмъ. Сначала коллективно, но потомъ—можно ли не видѣть этого?—конечно «завѣдываніе дѣлами» обособится по мѣстностямъ, по большимъ отдѣламъ производства или управленія.

Фактическій переходъ «управленія» и «владѣнія» по наслѣдству становится привычнымъ, закрѣпляется, возможность становится «правомъ», входитъ въ юридическія нормы. А что скажетъ «самодержавный народъ»? Самодержавный народъ привыкаетъ ко всему, да и дѣло не сразу дѣлается, а постепенно, при постепенномъ измѣненіи понятій, тѣмъ болѣе что народъ воспитывается на «діалектическомъ» пониманіи жизни. Вѣчной правды нѣтъ, вѣчныхъ правъ нѣтъ. Все зависитъ отъ «условій производства»... Да и совершенно вѣрно: если только наши права черезъ нашу личность не истекаютъ изъ абсолютнаго начала правды, то конечно все зависитъ отъ «условій», а «условія» сводятся къ выгодѣ и разсчету наиболѣе ловкихъ и сильныхъ людей.

Аристократическая республика съ разнообразно-закрѣпощенною массой населенія: это единственный исходъ соціально-демократическаго коммунизма, предполагая, что массы способны вынести гнетъ его.

XIV.

Анархическій бунтъ противъ коммунизма.

Предположеніе это однако совершенно немыслимо, потому что съ первыхъ же шаговъ

соціально демократическаго государства выступаетъ на сцену дѣйствія *анархическая* идея.

Даже теперь, когда соціальная демократія полна дутыхъ фразъ о свободѣ и развитіи личности, когда она, не имѣя власти, не можетъ проявить своихъ когтей, она возбуждаетъ отвращеніе и ненависть въ анархистахъ, какъ ученіе *реакціонное*. Въ настоящее время множество лицъ примыкаютъ къ соціальной демократіи или по недостатку чутья или изъза практическихъ соображеній: все-таки это движеніе разрушаетъ «буржуазный» строй и должно отдать въ руки народа капиталъ. Все это множество людей хранитъ въ различныхъ уголкахъ души чисто анархическія страсти, теперь только дремлющія. Но представимъ себѣ наступленіе *de la grande date*, этой чаемой *la Sociale*. Пришла *она* и все сокрушила. «Народъ» имѣетъ не только политическую власть, онъ «возвратилъ» себѣ «узурпированный» капиталъ. Все его и онъ—все... по крайней мѣрѣ въ теоріи, въ ожиданіи. На дѣлѣ же оказывается жесточайшая диктатура, ничего не смѣй сдѣлать не по указкѣ, не спросясь, не по правилу. *Своя* индивидуальная жизнь, дѣйствіе по собственному почину, вкусу, фантазіи наконецъ, стѣсняется тысячью путъ, незнакомыхъ даже послѣднему пролетарію не-

-навистнаго «буржуазнаго» прошлаго. Этого конечно ни за что̀ не стерпятъ. Если буржуазная свобода представлялась лицемѣрнымъ обманомъ, то какою безстыдною ложью покажется «свобода» соціалистическая! Никого не успокоитъ даже ссылка на то, что стѣсненіе производится «народомъ». Анархисты и теперь кричатъ: «мы знать не хотимъ никакого народа, мы сами народъ, и хотимъ жить по-своему!» Притомъ на практикѣ каждый стѣсняемый видитъ очень хорошо, что онъ уступаетъ не какому-то «народу», а совершенно опредѣленнымъ лицамъ или группамъ, захватившимъ хорошія мѣста. Будетъ ли деспотизмъ этихъ лицъ всегда безкорыстнымъ? Излишній вопросъ. На одного фанатика идеи всегда найдется сотня лицъ, обдѣлывающихъ лишь собственныя дѣлишки. А завистливое чувство не попавшихъ на хорошія мѣста усмотритъ корысть и эксплуатацію даже тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Безчисленные протесты съ ножомъ и динамитомъ въ рукахъ ожидаютъ организаторскія попытки соціальной демократіи, и особенно наиболѣе выдающихся, наиболѣе честныхъ, а стало-быть и непреклонныхъ ея дѣятелей. Безъ сомнѣнія, революціонное правительство съумѣетъ расправиться не разъ и не два съ бунтовщиками, но, на свое несчастіе,

оно не можетъ сдѣлать невозможнаго, не можетъ сдѣлать свои дѣйствительно «реакціонные» принципы сколько-нибудь сносными для личности современнаго человѣка. Подавляя бунтовщиковъ, оно только еще болѣе непривлекательно показываетъ деспотизмъ своей основной идеи. А между тѣмъ у правительства соціальной республики нѣтъ высшихъ санкцій, которыя окружали павшія короны и позволяли народу терпѣть и ждать. Если пала корона, удержится ли фригійскій колпакъ?

Какъ только соціальная демократія начнетъ организовать общество, анархическое движеніе въ немъ вспыхнетъ съ небывалою силой. Вся масса, которая теперь живетъ мечтой о будущемъ, увидитъ это будущее лицомъ къ лицу, и это будетъ первый разъ, когда анархическія идеи получатъ почву для покоренія себѣ народовъ, потому что тогда уже не во что будетъ больше вѣрить, кромѣ анархіи.

«Политиканы не понимаютъ, кричатъ уже теперь анархисты,—что *свобода* сама по себѣ не существуетъ, а есть лишь *отрицаніе власти*. Поэтому пока существуетъ малѣйшій отпрыскъ власти, до тѣхъ поръ не существуетъ и тѣни свободы». Дѣло не въ томъ, чтобъ имѣть «хорошіе» законы, или якобы «хорошую» власть. Ихъ нѣтъ. Это нелѣпыя выра-

женія. Дѣло въ томъ, чтобы не имѣть *никакихъ* законовъ и *никакой* власти.

Народъ слышитъ эти слова, и теперь они звучатъ для него какимъ-то бредомъ. Но когда настанутъ эти якобы «хорошіе» законы и якобы «рабочая» власть, когда будетъ испробована эта послѣдняя мыслимая форма власти, народъ увидитъ, что она дѣйствительно ему ничего не даетъ, а менѣе всего даетъ удовлетвореніе нравственное. Тогда *анархія* является послѣднимъ словомъ, которое еще остается признести въ этой «эволюціи разложенія».

Либеральная демократія погибаетъ не потому, чтобы при создаваемыхъ ею режимахъ было невозможно жить, а потому, что нравственно не удовлетворяетъ личность, потерявшую жизнь духовную и воображающую найти ее въ жизни политической и соціальной. Теперь личность обманываетъ себя мечтой, будто бы ея страданіе происходитъ отъ *недостаточнаго* расширенія области общественности, будто бы стóитъ эту общественность распространить еще больше—и счастье будетъ найдено. На самомъ дѣлѣ — страданіе происходитъ какъ разъ отъ обратныхъ причинъ. Когда соціалистическій строй явится и покажетъ, чего *общество* требуетъ отъ личности, отъ этого самозакланія безличному

Молоху отвернутся всѣ. Не нужно общества! Пусть живутъ *люди!* Это будетъ торжество анархіи, краснорѣчиво избравшей уже своимъ значкомъ *черный* флагъ и девизомъ *liquidation Sociale.*

XV.

Гипотезы.—Соціальные миражи. — Возвращеніе въ дикое состояніе.

Этотъ взрывъ анархическаго духа неизбѣженъ, а при немъ организаціонная работа соціальной демократіи станетъ невозможна. Всѣ и повсемѣстно будутъ ей противодѣйствовать—не созданіемъ чего-нибудь новаго, а разрушеніемъ всего созидаемаго. Не китайщина соціальной демократіи ждетъ «новое общество», а постепенное разложеніе. Еще разъ вспоминаю мое объясненіе съ Кропоткинымъ.

Я сказалъ ему, что вовсе не хочу кого-нибудь эксплуатировать, но желаю только, чтобы меня никто не притѣснялъ черезчуръ, и поэтому хочу, чтобы существовала общественная власть. Анархисты эту власть отрицаютъ. Какъ же мнѣ быть, гдѣ искать мнѣ защиты, если кто-нибудь станетъ меня притѣснять?

«— Но при анархіи, отвѣчалъ онъ,—если другіе могутъ обижать васъ, то и вы имѣете полную свободу защиты. Никто не мѣшаетъ вамъ защищаться.

«— А если я слабѣе? Да наконецъ я не желаю вовсе защищаться, не хочу никого ни бить, ни убивать, а хочу только, чтобы *меня* не трогали»...

Онъ недовольно пожалъ плечами.

— Какъ угодно. Не желаете, такъ не защищайтесь.»

Однакоже, серьезно, какъ жить, попавъ въ этакую перепалку «свободы?» Оставляя въ сторонѣ фантазіи, придется очевидно сплотиться съ нѣсколькими друзьями въ одну группу, захватить себѣ клочекъ земли или мастерскую и жить приблизительно такъ, какъ живутъ піоперы въ пустынѣ, держать часовыхъ и быть всегда готовымъ къ защитѣ, а также и къ нападенію... Какъ быть? Кто за себя поручится? Какъ положиться на «природную доброту» человѣка, «потребности котораго удовлетворены»?

«Потребности» слово до безконечности растяжимое. Всякая потребность способна вырастать въ страсть. Какъ ихъ удовлетворить до насыщенія, до усыпленія? Одному человѣку для этого иной разъ не хватитъ цѣлаго міра. При-

томъ, къ несчастью, предметомъ страсти служатъ не только вещи, но и люди. Тутъ уже никакъ не уладишься «гармонично». Если нѣтъ силы, способной пришибить узурпацію страсти, то все болѣе чистое и болѣе слабое неизбѣжно становится предметомъ эксплуатаціи даже въ области отношеній личностей. Но при анархіи—даже и сами матеріальныя потребности не могутъ быть удовлетворены благодаря дезорганизаціи производства. Для разгулявшейся страсти не хватитъ даже вещей, не только людей. Въ общей сложности — если бы духъ времени не допустилъ возстановленія государства, скомпрометтированнаго предыдущею эпохой коммунистическаго строя, то остается единственная форма жизни — распаденія на маленькія группы, сдерживаемыя чѣмъ-нибудь личнымъ вліяніемъ.

Картина совершенно первобытная! Человѣчество въ полномъ составѣ возвращается совершенно къ тому пункту, съ котораго начали павшіе потомки перваго человѣка. Не трудно было бы до мельчайшихъ подробностей прослѣдить послѣдствія этого распаденія общества. Каждая группа, конечно, постепенно, выработаетъ внутри себя духъ единства и взаимной привязанности членовъ, выработаетъ своего рода собственность, нѣкоторое

подобіе семьи, тѣмъ болѣе, что личность въ этой группѣ будетъ чувствовать себя сравнительно болѣе свободною и счастливою, нежели въ той страшной казармѣ коммунизма, изъ которой всѣ эти несчастные только-что выскочили. Но зато, въ отношеніи другихъ группъ, столь же естественно сформируется чувство безразличія, затѣмъ — отчужденія, затѣмъ — вражды. Съ другими группами приходится вступить въ столкновенія, отчасти по необходимости защищать себя, отчасти, чтобы выхватить у нихъ какую-нибудь кроху разсыпавшагося общественнаго достоянія. Всѣ впечатлѣнія, всѣ столкновенія ведутъ къ тому, чтобы возстановить старинную, намъ знакомую по исторіи, организацію родовую и племенную... Будутъ ли люди того времени знать, куда они возвратились? За это трудно поручиться. Въ своихъ соціальныхъ приключеніяхъ они къ тому времени, вѣроятно, растеряютъ всѣ знанія и будутъ представлять массу, весьма неподходящую къ современнымъ понятіямъ о цивилизованности.

XVI.

„Собачья старость“ цивилизаціи.

Безо всякаго сомнѣнія, и такой исходъ фактически невозможенъ. Люди очень «несовер-

шенны», но все же въ массѣ не сумасшедшіе и покидаютъ нелѣпую идею гораздо раньше, чѣмъ она успѣваетъ принести всѣ свои плоды полностью. Опытамъ соціалистическимъ и анархическимъ, если имъ суждено осуществиться, будетъ, конечно, данъ сравнительно ограниченный и кратковременный кругъ дѣйствія. Паденіе современнаго цивилизованнаго міра, если оно неизбѣжно, совершится не строго по соціально-демократическому или анархическому рецепту, а постепенною тратой силы нравственной и матеріальной въ безплодныхъ пробахъ, стоящихъ однако такъ дорого, имѣющихъ постояннымъ результатомъ гибель всѣхъ лучшихъ людей всѣхъ направленій и разложеніе всѣхъ основъ общества. *Такое* паденіе, «собачья старость»,—истрепанность, къ несчастью, въ высшей степени возможно: оно бывало въ исторіи и много признаковъ его мы видимъ уже въ настоящее время. Такое паденіе неизбѣжно, если цивилизованный міръ, порывомъ ли собственной жизненной силы или воздѣйствіемъ болѣе здоровыхъ народовъ, не будетъ вырванъ изъ заколдованнаго круга своихъ современныхъ идей.

Отказавшись отъ религіозной идеи, человѣчество отказалось отъ единственно вѣрнаго по-

нианія своего мѣста въ природѣ, своей свободы, своей зависимости, отъ единственнаго источника нормальной жизни своей. Оно пытается съ тѣхъ поръ то совершенно отрицать законы соціальной природы, то подчиниться имъ до степени невыносимой и невозможной для человѣка;оно пытается жить такъ какъ если-бы люди были дѣйствительно равны и одинаковы, и этимъ только подрывать возможность справедливыхъ между-человѣческихъ отношеній и учрежденій, которыя всемірнымъ опытомъ и религіознымъ авторитетомъ выработаны примѣнительно къ факту физическаго неравенства людей и одинаковой *возможности* духовнаго равенства.Разстройства жизни гражданской, соціальной и семейной, проистекающіе отъ этого, приводятъ только къ тому, что вмѣсто общаго равенства получается господство наиболѣе сильнаго и безсовѣстнаго, эксплуатація слабаго и добросовѣстнаго. Нигдѣ это разстройство не достигло такихъ угрожающихъ размѣровъ, какъ въ передовыхъ странахъ. Франція и Америка уже дошли до того, что ихъ населеніе едва возрастаетъ (естественнымъ приростомъ) и извѣстно, *какимъ путемъ* это происходитъ. Отношенія между мужчиной и женщиной становятся противуестественны и развратны. Это послѣдствіе

якобы равенства мужчины и женщины и ихъ воображаемой свободы дѣлать что угодно уже угрожаетъ вымираніемъ расы французской и чистокровныхъ Янки. Явленіе, совершенно напоминающее эпоху паденія Рима, которая въ матеріальномъ отношеніи блестѣла, какъ и наша.

Нравственное неудовлетвореніе, невозможность насытить душу дѣятельностью матеріальнаго міра—также повсюду душитъ современное человѣчество. Куда только не кидается человѣкъ, чтобы заглушить свою тоску, пустоту душевную! Сколько лихорадочной политической дѣятельности зависитъ отъ этого внутренняго безпокойства! Разсказываютъ, что Бенжаменъ Констанъ, когда политическія заботы дня кончались, — цѣлыя ночи проводилъ за картами, чтобы только не остаться одному съ мучившею его мыслью о смерти. Но этотъ еще сравнительно счастливъ. Постоянное возрастаніе числа умалишенныхъ и самоубійствъ показываетъ болѣе страшныя драмы. Показываютъ ихъ и революціи, въ которыя многіе впутываются вовсе не изъ-за какихъ-нибудь дѣйствительныхъ злоупотребленій, а съ тоски, чтобы доставить себѣ обманъ какого-то «великаго» событія, чтобъ испытать опьяненіе «поглощенія» себя чѣмъ-то общимъ, большимъ, высшимъ.

Собственно говоря, жалкое и печальное зрѣлище... Стыдно за человѣка, разумное существо, погрузившееся въ этотъ туманъ химеръ' въ какое-то полупьяное существованіе. Но оно въ то же время опасно и тягостно.

Тѣмъ не менѣе, серія соціальныхъ опытовъ подходитъ къ концу. Еще двѣ-три иллюзіи остается вытащить изъ волшебнаго ящика и тогда что? Замираніе или возвращеніе къ исходному пункту ошибки? Теперь происходитъ много любопытныхъ явленій, обѣщающихъ странныя картины въ слѣдующемъ фазисѣ исторической трагикомедіи. Возможность жить только соціальными иллюзіями видимо исчезается. Появляется уже исканіе какихъ-нибудь суррогатовъ духовной жизни, спиритизмъ, новыя формы суевѣрія, что-то подобное первобытнымъ формамъ религіи дикихъ народовъ. Возрожденіе ли это или окончательное паденіе? Какъ бы то ни было, ясно уже теперь одно, что нарушенное духовное равновѣсіе, создавшее «новую эру» XVIII вѣка, поставило людей на путь ложный, на путь безплодныхъ химеръ, которыя неосуществимы, а если-бы были осуществимы, то сулятъ человѣчеству либо невыносимо деспотическій строй, либо возвращеніе къ дикимъ временамъ.

Ясно, что на пути развитія *этой* идеи идти

некуда. Такъ или иначе человѣчеству нужно нѣчто *другое*, и знать это особенно важно для тѣхъ народовъ, которые, какъ нашъ, еще не охвачены фатальною логикой, не утратили историческихъ, опытомъ провѣренныхъ основъ соціальной и личной жизни, и могутъ сталобыть идти къ *развитію*, а не къ *разложенію*.

Если намъ суждено жить, мы должны искать иныхъ путей, съ сознаніемъ той великой истины, которая такъ ярко доказывается отрицательнымъ опытомъ «новой эры»: что правильное устройство соціальной жизни возможно лишь при сохраненіи духовнаго равновѣсія человѣка, а оно—для современнго, христіанствомъ выработаннаго человѣка дается только живою религіозною идеей.

ПАНАМА И ПАРЛАМЕНТАРИЗМЪ.*)

(ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ).

I.

Странное впечатлѣніе испытываешь, когда, читая въ газетахъ скандальныя сцены, въ которыхъ такую печальную роль играетъ Рувье, Флоке, Клемансо—вспоминаешь этихъ людей въ иной обстановкѣ, такъ немного лѣтъ тому назадъ.

Тогда они всѣ были спасителями отечества... Происходили другія скандальныя сцены. Другіе объявлялись ворами... А вѣдь еще немного лѣтъ передъ тѣмъ и эти другіе — Вильсоны, Греви тоже были «досточтимыми».

Вильсонъ оказывалъ отечеству важныя услуги. Греви былъ «честный, строгій республиканецъ»... Сколько этихъ превращеній отцовъ отечества въ измѣнниковъ за какія-нибудь 15 лѣтъ!

Я не засталъ лично паденія Гамбетты, и захватилъ только его торжественныя похоро-

*) Писано по поводу происходившихъ тогда „Панамскихъ скандаловъ".

ны. Такъ же торжественно похоронили бы генерала Буланже, еслибъ онъ догадался умереть немного пораньше. И еслибы Гамбетта не умеръ вовремя,—онъ, по всей вѣроятности, такъ же былъ бы объявленъ врагомъ отечества, какъ былъ объявленъ Буланже.

II.

Этотъ Palais Bourbon, видѣвшій столько превращеній спасителей отечества въ измѣнниковъ и воровъ,—мнѣ представляется живою эмблемой парламентарной Франціи. Величественное, монархическое зданіе, опирающееся на колонны, которыхъ, кажется, не сокрушатъ тысячелѣтія, важно и задумчиво смотритъ на Сену, на которой родилась великая Франція Бурбоновъ. Но Бурбоновъ уже нѣтъ и важное снаружи зданіе внутри измѣнило свой характеръ, это — что-то среднее между театромъ, биржей и какимъ-нибудь «универсальнымъ магазиномъ». Однако, тутъ рѣшаются судьбы націи, которая столѣтія даетъ камертонъ европейской мысли и жизни. Это твердо помнишь, впервые входя въ Palais Bourbon и невольно настраиваешь себя на высокій тонъ. Вспоминаются Римъ, «отцы отечества»,

великіе граждане. Не гармонируетъ съ этимъ высокимъ настроеніемъ сутолока лѣстницъ и коррридоровъ. Досадное чувство испытываешь видя суету и бѣгатню сотенъ двухъ всевозможныхъ репортеровъ и корреспондентовъ, отправляющихъ письма и телеграммы во всѣ концы свѣта. Если при этомъ изъ залы засѣданій донесется еще ревъ бурнаго скандала, то, приходя въ трибуну, скорѣе чувствуешь себя на пути въ Биржу. Но всѣ эти «нечестивыя» мысли новичекъ спѣшитъ подавить въ себѣ, и вотъ — онъ, наконецъ, подъ громаднымъ сводомъ залы, гдѣ великая нація собрала представителей своей мысли, своихъ желаній, своего генія.

Великолѣпнѣйшій амфитеатръ, которому позавидуетъ самое роскошное мѣсто зрѣлищъ. Сверху, сквозь матовый стеклянный потолокъ льется мягкій свѣтъ дня или электричества, такъ подражающаго солнцу, такъ искусно его смѣняющаго, что самъ не разберешь, въ полдень или въ полночь смотришь на развертытывающуюся внизу картину. Она красива, но производитъ странное впечатлѣніе. Аудиторія не аудиторія, театръ не театръ. Что-то смутное. Тройной рядъ ложъ наполненныхъ разряженными дамами, кавалерами, и шумный раекъ верхняго яруса всевозможныхъ «прессъ»

парижской, провинціальной, иностранной, все это больше переноситъ васъ въ театръ, нежели въ законодательное собраніе, спокойно независимо и глубоко разрабатывающее вопросы спасенія и благосостоянія страны. Правда, нынче публика по крайней мѣрѣ не аплодируетъ, но мнѣ приходилось слышать во времена бурныхъ буланжистскихъ сценъ, какъ люди публики безцеремонно кричатъ представителямъ націи: «О канальи, о куча дряни». Я помню, какъ въ самую торжественную минуту Версальскаго Конгресса изъ трибуны журналистовъ съ отчаяніемъ закричали предсѣдателю: «Громче, пожалуйста громче!» Его голосъ былъ дѣйствительно слабъ. И предсѣдатель ничего,—взглянулъ, вошелъ въ положеніе «прессы» и началъ говорить громче...

III.

Все это замѣчается не сразу, но когда походишь съ годъ въ эту роскошную залу, то краснѣющую обивающимъ ее сукномъ, то чернѣющую депутатскими сюртуками, потолкаешься въ «кулуарахъ», посидишь въ осадѣ бунтующей толпы, кричащей «въ воду депутатовъ», присмотришься какъ рѣшаются на-

сущные вопросы жизни націи—римскія иллюзіи отлетаютъ какъ дымъ. Этотъ важный Palais Bourbon, такой серіозный снаружи, начинаетъ казаться жалкимъ базаромъ житейской суеты. Всякое чувство уваженія къ представительству мысли и генія націи исчезаетъ безслѣдно, и подобно всѣмъ другимъ, входя въ лабораторію политической жизни великой націи, спрашиваешь только: «А что, сегодня будетъ интересное засѣданіе?»

«Интересное»—это значитъ—будетъ ли какой-нибудь скандалъ. Если не предвидишь скандала,—то пропадешь со скуки.

И это дѣйствительно правда. Засѣданія палаты вообще можно раздѣлить на двѣ категоріи. Есть вопросы дѣловые, тѣ, которые собственно и нужны странѣ. Нужно провести желѣзную дорогу, каналъ, установить налогъ, сдѣлать льготу рабочему или крестьянину, произвести улучшенія во флотѣ, арміи и т. д. Есть вопросы партійнаго интереса, которыми иногда являются и первые, но чаще—что-нибудь совсѣмъ ничтожное, какая-нибудь амнистія десятка анархистовъ или какая-нибудь мелочь, такъ или иначе задѣвающія личность министра, президента, того или иного chef'a партіи.

Какъ рѣшаютъ вопросы чисто дѣловые, для

страны жизненные? Зала пуста. Депутаты либо въ корридорѣ, либо вовсе отсутствуютъ. Вопросъ—«въ коммиссію!» Такихъ вопросовъ наберется штукъ 50, и затѣмъ они рѣшаются гуртомъ. Входятъ докладчики съ кипами бумагъ, спѣшно и сокращенно читаютъ доклады. Въ это время депутатскій амфитеатръ имѣетъ красноватый фонъ. Сюртуковъ мало, они не покрываютъ краснаго сукна креселъ.

«Рѣшено», «принято», «отвергнуто» — все это въ пять, шесть минутъ. За часъ-два — рѣшатъ вопросовъ 30—40.

Все скучно, тихо, невнимательно. Да и дѣйствительно не изъ-за чего быть оживленнымъ. Огромное большинство ничего не понимаетъ въ вопросѣ. Заинтересованы въ немъ немногіе. Депутатъ, которому по обязательствамъ передъ избирателями нужно, чтобы такая-то линія была построена, или попадетъ въ комиссію, или вообще похлопочетъ о дѣлѣ у вожаковъ партій. Обсуждать въ палатѣ—некому, да и вопросъ «не интересный».

IV.

Но зала сразу измѣняется, когда является нѣчто затрогивающее партійный интересъ, нѣчто способное скомпрометтировать противни-

ковъ, дать популярность своимъ, особенно очистить министерскія мѣста для новыхъ кандидатовъ. Тутъ зала вся черная, какъ уголь. Красныя полосы исчезаютъ. Всѣ въ сборѣ.

Лица оживленныя. Пренія бурныя. Всѣ способности напрягаются. Раздаются страстныя, демосѳеновскія рѣчи, перлы ораторскаго искусства. Общее электричество невольно сообщается и вамъ, уже скептичному, уже даже презирающему эту толпу якобы представителей національной мысли и генія. Увлекаешься, какъ въ театрѣ, невольно слѣдишь за искусными маневрами фехтовальщиковъ слова и голосованія, и когда какой-нибудь Клемансо, своею отрывистою, полною нервной силы рѣчью успѣваетъ до того одурманить толпу, что самые противники неожиданно для себя даютъ ему сотню голосовъ—невольно любуешься имъ. Молодецъ, ловкачъ! Вѣдь какъ обошелъ!

Жалкое зрѣлище, когда очнешься изъ гипнотическаго состоянія и, выходя на набережную, вспомнишь, какую однако нелѣпую вещь постановило собраніе представителей національнаго генія. Много такихъ сценъ перевидалъ я въ Palais Bourbon, въ то время, когда еще измѣнниками и ворами были не Рувье, не Флоке съ Клемансо, а другіе, ими тогда обличаемые и ниспровергаемые, тѣ, которые

тоже раньше обличали и ниспровергали другихъ своихъ предшественниковъ, тоже имѣли свою эпоху славы «спасителей отечества». Спасали ли они всѣ когда-нибудь отечество? были ли они когда-нибудь злодѣями и измѣнниками? Какой вздоръ! Ничего этого не было, былъ просто *парламентаризмъ*, какъ онъ есть, какъ онъ будетъ, до тѣхъ поръ пока наконецъ не исчезнетъ подъ напоромъ не общаго презрѣнія, давно уже достигшаго полной степени зрѣлости, а движенія, до сихъ поръ оказывающагося невозможнымъ по отсутствію личности, около которой могло бы оно сомкнуться.

V.

Теперь Деруледъ кричитъ въ палатѣ «Долой парламентаризмъ!» Этотъ крикъ, эта идея — несомнѣнно самая популярная, самая національная въ современной Франціи. Съ тѣхъ поръ какъ я знаю третью республику — это настоящая мысль націи.

Мы смотримъ со стороны, они переживаютъ. Это разница. Нашихъ свободолюбивыхъ Россіянъ теперь приводитъ въ сомнѣніе и недоумѣніе Панамское дѣло. А вѣдь у Французовъ такихъ «Панамъ» уже было не мало,

и свой парламентарпзмъ они знаютъ не изъ газетъ, а видятъ его вплотную, участвуютъ въ немъ. Нельзя же требовать отъ нихъ такого полпаго отсутствія здраваго смысла, чтобъ они не видали тѣхъ депутатовъ, которыхъ избираютъ, тѣхъ франковъ, которые получаютъ и раздаютъ на выборахъ, тѣхъ взаимныхъ подвоховъ, въ которые превратилось «правленіе» страны? Мы въ Панамскомъ дѣлѣ видимъ только колоссальныя злоупотребленія. А Французы не могутъ не видѣть гораздо худшаго: страшнаго пониженія не людей (это бы еще не бѣда), а самой правительственной идеи, той работы, которую всякій народъ ожидаетъ отъ правительства, и при неисполненіи которой приходится неизбѣжно задать себѣ анархическій вопросъ—«для чего же тогда правительство?»

Съ этой точки зрѣнія Панамскіе «скандалы» пріобрѣтаютъ самое поучительное значеніе.

VI.

Злоупотребленія людей политиканскаго слоя нигдѣ, а тѣмъ болѣе во Франціи, никогда особенно не могутъ удивить. Правда, въ данномъ случаѣ злоупотребленія поражаютъ даже

по размѣрамъ и потому что подозрѣнія захватываютъ незапятнанныя доселѣ имена. Но гораздо хуже пониженіе самой идеи правительства, до котораго довелъ парламентаризмъ, по даннымъ панамскаго скандала.

Злоупотребленія вездѣ возможны. Но правительство, конечно, обязано прежде всѣхъ усмотрѣть за этимъ само (ибо кому же ближе видѣть?) и само, по собственному сознанію долга, обязано принять мѣры къ прекращенію зла и наказанію виновныхъ. При такихъ условіяхъ злоупотребленіе лицъ не компрометтируетъ учрежденія. Въ данномъ случаѣ все вышло наоборотъ. Злоупотребленія гигантскихъ размѣровъ, совершавшіяся съ вѣдома правительства, открываются только тогда, когда уже карманы народа опустошены и банкротство спекуляторовъ становится совершившимся фактомъ. Подкупъ журналистовъ и депутатовъ открывается частными лицами и притомъ интригой. Тутъ только, когда уже вся страна кричитъ, правительство соглашается наконецъ принять мѣры «наказанія», очевидно не по желанію исполнить долгъ, а ради того чтобъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Объясненія правительственныхъ лицъ въ этомъ отношеніи изумительны.

Самое указаніе виновныхъ суду и обще-

ственному мнѣнію совершается способомъ, вызывающимъ недоумѣніе. Обличенія производятся людьми, которые, однако, прежде чѣмъ говорить, должны бы имѣть разрѣшеніе на открытіе профессіональной тайны. Это отчасти касается Андріэ и въ еще большей степени относится къ тому, кого общественное мнѣніе считаетъ закулисным подстрекателемъ всей кутерьмы. Констанъ, какъ бывшій министръ, можетъ, конечно, знать многое, чего открывать не имѣетъ права. И, однако, говорятъ, именно онъ вооружаетъ оппозицію своими секретными свѣдѣніями. Комментаріи прибавляютъ, что онъ при этомъ имѣетъ личные виды. Стремясь къ президентству, онъ будто бы желаетъ дискредитировать соперниковъ, то-есть всѣхъ видныхъ людей республики. Во всякомъ случаѣ, обличенія возникаютъ частнымъ, даже подпольнымъ путемъ. Правительство соглашается наказать виновныхъ, только будучи къ тому принуждено, оно какъ бы жертвуетъ ими. При этомъ оно объясняетъ самолично, что о злоупотребленіяхъ знало и, до тѣхъ поръ пока его не принудили, не считало нужнымъ принимать никакихъ мѣръ. Другими словами, это означаетъ, что правительство не видѣло въ этихъ фактахъ ничего необычайнаго, ненормальнаго, ничего такого, противъ чего должна вооружиться власть.

И на бѣду такія понятія о долгѣ парламентарнаго правительства раскрываются народу никѣмъ инымъ, какъ Флоке, безъ сомнѣнія лучшимъ представителемъ парламентарной идеи, человѣкомъ изъ тѣхъ, которые, по всѣмъ качествамъ своимъ, являются представителями строя въ глазахъ народа.

VII.

Флоке родился въ сорочкѣ. Онъ всѣмъ одаренъ для успѣха. Онъ уменъ, его репутація всегда была чиста. Онъ необычайно показной человѣкъ. Самая наружность его счастливая, соединяющая привѣтливость и величественность, напоминая нѣчто королевское и даже близкое народу французско-королевское, Бурбонское. Карьера безъ задоринки — если не считать юношескаго «Vive la Pologne», въ концѣ-концовъ для Француза очень извинительнаго. Рѣчь не глубокая, но блестящая, самоувѣренная; рѣдкая способность моментальныхъ ловкихъ возраженій. Работникъ неутомимый, не теряющій отъ труда ни веселости, ни бодрости, и при всѣхъ занятіяхъ находящій время для гостей и постояннаго упражненія въ фехтованіи; все это одинаково необходимо для парламентарнаго законодате-

ля: вчера словесно разбилъ генерала, сегодня утромъ долженъ съ нимъ драться, а къ 12 часамъ явиться на открытіе памятника Гамбетты. Онъ все успѣваетъ сдѣлать во время. Въ 10 часовъ пырнулъ шпагой въ горло Буланже, къ 12 во всемъ парадѣ, свѣжій и веселый — открываетъ памятникъ, словно онъ не на дуэли дрался, а мимоходомъ выпилъ рюмку коньяку. Не забылъ даже опоздать на 5 минутъ, чтобъ имѣть случай скромно извиниться: «занятъ былъ неотложнымъ дѣломъ». Его, конечно, встрѣчаютъ шумными аплодисментами. Никто не умѣетъ принять у себя такъ мило и «по-барски» (что ужасно цѣнится демократическою Франціей). Никто не даетъ лучшихъ винъ. Вообще — человѣкъ на всѣ руки. При этомъ—хотя радикалъ, но въ мѣру, и прежде всего—Французъ. Если республика имѣетъ не партійнаго, а государственнаго выразителя, то это, конечно, Флоке. Такъ думаетъ всякій. И вотъ, такой человѣкъ, защищаясь отъ обвиненій, открываетъ народу, что такое въ его лицѣ парламентское правительство. Онъ, какъ и его сотоварищъ Рувье, тоже министръ, далеко не изъ мелкихъ государственныхъ людей республики, совершенно не стѣсняясь сознаются, не подозрѣвая, что этимъ они пятнаютъ себя какъ правителей

страны, что они вполнѣ знали о подкупахъ. Правда, они говорятъ, что Панамская Компанія производила раздачу денегъ не депутатамъ, а журналистамъ, въ качествѣ publicité. Но объясненіе это совершенно равносильно признанію подкупа депутатовъ. Пресса и Palais Bourbon съ Люксембургомъ — связаны тѣсно, нераздѣлимо и открыто для всѣхъ. Нѣтъ вліятельнаго органа печати, который бы не имѣлъ если не директора, то главныхъ редакторовъ изъ депутатовъ, нѣтъ вліятельнаго вожака безъ газеты. Рувье говоритъ, что раздача происходила «общая», «не одной какой либо фракціи республиканскихъ газетъ», а всѣмъ. Это сознаніе громовое. Значитъ—Temps, République Francaise, Justice и т. д., по свѣдѣніямъ правительства, получали деньги. Но какъ же отдѣлить въ Клемансо, Рейнахѣ и т. д. директора газеты отъ депутата? Допустимъ, что Клемансо — журналистъ получалъ деньги въ качествѣ publicité, но что значатъ эти деньги для Клемансо—депутата? Только подкупъ и больше ничто. И это касается десятковъ наиболѣе вліятельныхъ депутатовъ, которые одновременно и журналисты, или прямо заинтересованы въ дѣлахъ газетъ. Въ самомъ дѣлѣ, Клемансо, какъ редакторъ Justice, и рядъ его товарищей. Мильеранъ. Пишонъ и

т. д.—не могутъ издавать газеты безъ денегъ финансиста Герца. Безъ Justice и вся фракція радикаловъ остается какъ безъ рукъ. Итакъ, они всѣ, какъ парламентская группа, нуждаются въ деньгахъ Герца, и получаютъ ихъ, по собственному сознанію... теперь, когда нельзя уже молчать. Прежде денежное участіе Герца, извѣстное въ средѣ политикановъ и журналистовъ, тщательно скрывалось отъ публики.

Прекрасно. Но стало-быть всѣ они, какъ парламентская группа, прямо заинтересованы въ томъ, чтобы финансистъ Герцъ не разорился, а преуспѣвалъ. Разорись Герцъ — Justice погибаетъ. Читателями ни одна политическая газета Франціи не существуетъ и не можетъ существовать. Кто же при такихъ условіяхъ повѣритъ чтобы радикалы не поддержали своими голосами въ парламентѣ такихъ предпріятій, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе Герца? Очевидно, это непремѣнно сдѣлаютъ, изъ партійнаго интереса, даже тѣ которые остаются лично честными.

Итакъ, признанія Флоке и Рувье въ открытой и общей раздачѣ Панамцами денегъ журналистикѣ есть прямое сознаніе въ подкупѣ депутатовъ. Правительство это знаетъ, но ему

даже въ голову не приходитъ принимать какія-либо мѣры для прекращенія зла.

VIII.

Флоке, положимъ, принималъ мѣры и заявляетъ объ этомъ съ нѣкоторою гордостью, съ убѣжденіемъ своей правительственной правоты. Но какія же это мѣры? Хуже чѣмъ никакія. Прекратилъ ли онъ «общую раздачу денегъ» газетамъ, имѣвшую очевидною цѣлью выманить изъ кармановъ милліоновъ семей милліарды ихъ кровныхъ сбереженій на сомнительное предпріятіе? Нѣтъ, заботы парламентскаго правительства не заходятъ такъ далеко. Прекратилъ ли онъ раздачу денегъ хотя тѣмъ газетамъ, въ которыхъ этими деньгами подкупались депутаты? Объ этомъ не является и мысли. Флоке подумалъ лишь объ «общественной безопасности», о господствѣ своей партіи, онъ «вмѣшался» только въ «распредѣленіе». Онъ лично «ничего не требовалъ и не получалъ», но какъ министръ считалъ долгомъ не допустить чтобы деньги раздаваемыя компаніей пошли исключительно на усиленіе оппозиціонныхъ газетъ. Стало-быть, онъ понималъ, что деньги назначенныя на publicité имѣютъ въ дѣйствительности и политиче-

ское значеніе. Да и какой ребенокъ этого не пойметъ?

Сопоставляя признанія двухъ министровъ, получаешь одинъ выводъ: благодаря вмѣшательству правительства, получилось «общее распредѣленіе», а не какое-либо «тенденціозное». Де-Берни имѣлъ право формулировать: значитъ Французы давали деньги на каналъ, а они пошли частью на развитіе буланжизма, частью на борьбу противъ него! Краски положены густо, но картина — не выдуманная. Такова широта «національныхъ» помышленій правительства.

Но этого мало. Флоке считалъ долгомъ, говорить онъ, «вмѣшаться» въ «распредѣленіе» денегъ. А Рувье разсказываетъ, что «для защиты республики» долженъ былъ брать деньги у частныхъ лицъ. Одинъ разъ «лично для себя», т.-е. взялъ «лично», однако не на свои потребности, а «на поддержаніе уличнаго порядка» (противъ буланжистской демонстраціи). Какъ частный человѣкъ, у частныхъ людей, онъ беретъ деньги для того чтобы въ качествѣ министра платить своимъ полицейскимъ, или можетъ-быть тѣмъ, кто долженъ былъ изображать «толпу» кричавшую противъ Буланже, точно также какъ сторонники генерала нанимали другую «толпу» для криковъ за Бу-

ланже. Въ концѣ-концовъ не разберешь, имѣлъ ли, однако, генералъ противъ себя правительство Франціи, шелъ ли онъ противъ правительства Франціи, или противъ такихъ же какъ и онъ частныхъ людей? Деньги «лично» занятыя на «охрану уличнаго порядка» министръ отдаетъ затѣмъ изъ секретнаго фонда. Другой разъ онъ занимаетъ суммы у частнаго человѣка, но уже «для правительства», и изъ-за этого возникаетъ какимъ-то мудренымъ способомъ личная сдѣлка двухъ финансистовъ. Гдѣ тутъ правительство, гдѣ биржа? Рувье заявляетъ республиканскимъ депутатамъ, отдающимъ его теперь на закланіе: «еслибы васъ не защищали, вы не сидѣли бы теперь на этихъ скамьяхъ». Это очень можетъ быть. Но Франція не можетъ не подумать: «Тутъ шла потасовка между какими-то партіями, группами, частными лицами... Но, господа, гдѣ же было *мое* правительство, правительство, которое охраняло мой интересъ, а не скамьи для той или иной фракціи депутатовъ?»

IX.

Этого «правительства Франціи» настолько не было, что самый вопросъ о немъ сталъ уже «бунтовскимъ», «возмутительнымъ». Гамбет-

та, единственный «великій человѣкъ» Третьей Республики, по первымъ же шагамъ ея почувствовалъ то, о чемъ черезъ 10 лѣтъ стала догадываться страна. Онъ хотѣлъ создать въ республикѣ «министерство Франціи» — и немедленно былъ низвергнутъ. Онъ могъ владычествовать какъ партійный вожакъ. Но какъ только вспомнилъ, что нужно правительство Франціи—всѣ парламентскія группы сплотились противъ него, не менѣе единодушно, нежели противъ «Катилины» Буланже. И однако — неужели это такъ преступно находить, что нація имѣетъ нужду въ правительствѣ, и даже что всякое другое правительство, кромѣ національнаго, есть узурпація?

Разказывая о своихъ «дѣлахъ», Рувье бросаетъ правой сторонѣ вызовъ: «вспомните исторію царствованій, столь близкихъ вашему сердцу, и вы найдете еще не такія дѣла». Это большая ошибка, которая обнаруживаетъ лишь, насколько у «парламентариста» исчезло уже пониманіе того, что такое правительство.

«Дѣла» могли быть. Могло быть нарушеніе долга, злоупотребленіе. Но не правда чтобы какой бы то ни было монархъ, даже Луи Филиппъ, эта «лучшая изъ республикъ», или Наполеонъ III — могли когда-либо забыть до такой степени свое значеніе національныхъ

правителей. Никогда ни одинъ монархъ не осмѣлился бы заявить публично что, предъ лицомъ гигантской спекуляціи охватившей карманы чуть не поголовно всѣхъ его подданныхъ, онъ подумалъ только о «равномѣрномъ» распредѣленіи суммъ назначенныхъ на обманъ народа или на подкупъ депутатовъ. Ни одинъ монархъ, какъ бы ни палъ онъ низко, не опустится до такого пониманія «общественной безопасности» до котораго дошелъ лучшій парламентарный дѣятель. Фактически никогда, даже при Лун Филиппѣ, не было столькихъ Madame Лимузенъ, Вильсоновъ и Панамъ. Но если нѣчто подобное являлось, по злоупотребленію, по личной безнравственности или слабости правителя, то идея правительственнаго долга все же соблюдалась хотя по наружности и оставалась не искаженною до воцаренія лучшаго правителя. Такъ бывало въ самихъ плохихъ случаяхъ, когда народъ обыкновенно приходилъ въ негодованіе и возмущался.

А парламентаризмъ, послѣ неслыханныхъ примѣровъ злоупотребленій, сверхъ того заявляетъ страхъ, что и самая идея долга національнаго правительства для него не существуетъ, что онъ понимаетъ только партійное правительство. Легко ли это переварить наро-

ду, особенно воспитанному въ понятіяхъ своего «самодержавія», своей «верховной воли?»

X.

Ж. Ж. Руссо, пророкъ демократіи, еще въ 1762 году предвидѣлъ то, чего нынѣшніе поборники демократіи не замѣчаютъ послѣ столѣтняго опыта.

Выясняя условія, необходимыя для проявленія народной воли, Руссо настойчиво предостерегаетъ противъ: 1) *представительства* (которое, по Руссо, въ самой идеѣ есть обманъ), 2) *существованія партій*, 3) *агитаціи* къ чему-либо склоняющей народъ. Эти три язвы онъ клеймитъ всею силой своего неподражаемаго негодованія, замѣчая, между прочимъ, что при господствѣ партій «народная воля болѣе не существуетъ и осуществляемое мнѣніе — есть *мнѣніе частное*».

Частный характеръ, налагаемый на государство парламентаризмомъ, дѣйствительно бьетъ въ глаза. Развитая парламентарная страна создаетъ строй какой-то своеобразной олигархіи, при которой raison d'Etat понижается до послѣдней степени и интересъ *лица* выростаетъ до степени напоминающей «прав-

леніе» разныхъ Орсини и Колонна, если не прямо средпеазіятскихъ хановъ.

Во многоразличныхъ эпизодахъ извѣстнаго дѣла Вильсона былъ, помню, любопытный случай съ депутатомъ Портелисомъ (редакторомъ *Девятнадцатаго Вѣка*). Положеніе было таково. Съ одной стороны, Вильсонъ, депутатъ и дѣлецъ, съ другой, Портелисъ, депутатъ и тоже не безъ «дѣлъ. Обвиненія противъ Вильсона, торговавшаго патентами на ордена Почетнаго Легіона, уже возникли, но еще не выросли до степени очевидности. Правительство, какъ нынѣ въ Панамскомъ дѣлѣ, вообще очень желало потушить возникающій скандалъ, но силы на это не имѣло. Въ такой-то моментъ, когда еще возможно было ожидать, что скандалъ какъ-нибудь затихнетъ, явился Портелисъ. Какіе у него были разсчеты, это все равно, но онъ взялъ на себя ту роль которая, въ нормальномъ правительственномъ строѣ, должна бы принадлежать полиціи и судебному слѣдователю. Его квартира, его редакція, превращаются въ какую-то канцелярію дознанія по дѣлу Вильсона. Портелисъ сосредоточиваетъ у себя множество свѣдѣній по продажѣ орденовъ, а еще больше кричитъ о своихъ свѣдѣніяхъ. *Девятнадцатый вѣкъ*, конечно, раскупается на расхватъ, а въ па-

латѣ дотолѣ незамѣтный Порталисъ становится персоной, по крайней мѣрѣ всѣ имъ интересуются, всѣ съ нимъ и о немъ говорятъ.

Что дѣлать съ этакимъ безпокойнымъ человѣкомъ? Самъ по себѣ Вильсонъ не важенъ, но онъ зять президента республики. И вотъ происходятъ совершенно невѣроятныя явленія.

Два раза подъ рядъ воры проникаютъ въ квартиру Порталиса, причемъ, оставляя безъ вниманія столовое серебро, роются исключительно *въ бумагахъ*, изъ которыхъ кое-что и похищаютъ. Порталисъ громко кричитъ, обвиняя въ воровствѣ правительство.

Надо замѣтить, что какъ ни подозрительно само по себѣ все происшествіе, изъ него *пока* еще не вытекаютъ неизбѣжно подозрѣнія противъ правительства. Парламентарный режимъ, при которомъ рядъ лицъ нуждается въ средствахъ подсидѣть другъ друга, скомпрометтировать врага—развилъ своего рода промышленность такъ-называемыхъ *petits papiers*. Письмо, записка, замѣтка вліятельнаго министра или депутата X. охотно будетъ куплена депутатомъ Y. Многіе накопляютъ у себя цѣлыя коллекціи такихъ документовъ, которыми и держатъ въ рукахъ противниковъ и при надобности подставляютъ имъ ножку. Это — политическій шантажъ, вполнѣ вошедшій въ

обиходъ партійной борьбы. Поэтому, воръ которому бы попались такого рода «полезные» *petits papier* можетъ за нихъ выручить пожалуй болѣе, нежели за серебро.

Но странно вотъ что: второй разъ слуги Порталиса, замѣтивъ подозрительныхъ людей и уже проученные первою попыткой, предупредили полицію, и... полиція *никакихъ мѣръ не приняла.* Итакъ Порталисъ имѣлъ право заподозрѣть правительство.

Особенно дорожилъ онъ однимъ Вильсоновскимъ чекомъ, котораго воры не нашли, и для вѣрности, на случай похищенія, принесъ въ палату, показывая его всѣмъ депутатамъ, чтобъ имѣть хоть свидѣтелей. Осторожные замѣчали ему: «Mais vous voulez vous faire assommer» (Вы хотите чтобы васъ убили). Порталисъ, видимо, еще не шелъ такъ далеко въ подозрительности и отправился домой безо всякихъ предосторожностей. На перекресткѣ двухъ улицъ онъ вдругъ слышитъ топотъ бѣгущаго за нимъ человѣка. Онъ не обращаетъ вниманія, какъ вдругъ получаетъ оглушительный ударъ въ затылокъ. Чѣмъ? Это осталось, помнится невыясненнымъ. Какъ бы то ни было, преступникъ поскользнулся, ударъ пришелся невѣрно и оглушенный Порталисъ устоялъ на ногахъ. Преступникъ, видя что

придется бороться, моментально бросается бѣжать, однако Портальсъ имѣлъ силы закричать, подоспѣли прохожіе. Все дѣло было испорчено.

Преступникъ сначала упорно скрывавшій имя, оказался нѣкоимъ Зюльфа, профессіональнымъ жуликомъ. Дознаніе, которое какъ ни какъ принуждены были произвести, выяснило что какой-то хорошо одѣтый господинъ зашелъ въ одинъ кабацкій вертепъ, гдѣ находился Зюльфа и далъ ему хорошія деньги (не помню сколько, но давалъ раза два, кажется) съ тѣмъ чтобы напасть на Портальса. Господинъ этотъ остался не розысканнымъ, мотивы найма разбойника остались въ туманѣ, и все дѣло погашено было въ громкихъ скандалахъ, быстро набѣжавшихъ тогда на «политическую» жизнь Франціи.

Разбирательство дѣла уже возбуждало мало вниманія. Однако въ первые дни послѣ покушенія общее мнѣніе, раздѣляемое и Андріэ, было таково, что это дѣло *полиціи*. Андріэ, по разказу Портальса, объяснялъ ему это, и хотя опровергъ потомъ публично, но въ такихъ неясныхъ выраженіяхъ, что читая его «опроверженіе», всякій получаетъ изъ него скорѣе «подтвержденіе». Да и конечно: *не зная* личностей «преступнаго Парижа» — какъ

адресоваться къ неизвѣстному оборванцу съ такимъ опаснымъ предложеніемъ? А какой же «хорошо одѣтый господинъ» знаетъ «Paris coupe gorge» такъ близко, такъ лично? Только предполагая полицейскій *совѣтъ и указаніе* можно объяснить себѣ эту темную исторію. Да и Зюльфа видимо запирался и заметалъ слѣды своего нанимателя.

Вотъ какія средневѣковыя дѣлишки возсоздаетъ парламентарное государство XIX вѣка.

XI.

Возьму другой случай, менѣе важный, но, пожалуй, еще болѣе, такъ-сказать, *приватный*.

Рѣшаясь на такую мѣру какъ устраненіе *военныхъ* отъ завѣдыванія Военнымъ Министерствомъ, правительство Республики, въ 1888 году, имѣло лишь одного человѣка, назначеніе котораго Военнымъ Министромъ сколько-нибудь примиряло армію и Францію съ неслыханнымъ рискомъ, которому интересъ «республики» подвергаетъ въ этомъ случаѣ интересы *Франціи*. Этотъ человѣкъ — Фрейсине, не военный, но имѣющій репутацію свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ. Однако способность «статскаго» кандидата къ военному дѣлу была

заподозрѣна депутатомъ, графомъ де Мартемпрэ, который доказывалъ, что сраженіе при Божанси, 8 декабря 1870 года, было потеряно благодаря распоряженіямъ Фрейсине. Генералъ Камо, по разъясненію графа де-Мартемпрэ, намѣревался, согласно распоряженію генерала Шанзи, защитить Божанси, но Фрейсине формально приказалъ очистить мѣстность, отчего и воспослѣдовала потеря битвы.

Фрейсине всходитъ на трибуну и заявляетъ, что ничего подобнаго не было.

Въ это время Шанзи уже умеръ. Но генералъ Камо еще оставался живъ. Заинтересованный вопросомъ, г. Альфредъ Дюке вступаетъ въ переписку съ генераломъ, узнаетъ, что у него есть депеша Фрейсине 1870 года, вслѣдствіе которой генералъ очистилъ Божанси, проситъ показать ему эту депешу. Генералъ Камо отправляетъ документъ *заказнымъ письмо*, и письмо—увы и ахъ — неизвѣстно гдѣ пропадаетъ. Документъ исчезъ.

По поводу этого страннаго исчезновенія, конечно, въ палатѣ былъ запросъ, министръ отвѣчалъ, что это до него не касается. Онъ стоитъ выше подобныхъ подозрѣній. Если же почта затеряла заказное письмо — генералъ Камо можетъ представить квитанцію и законно требовать вознагражденія. Ужъ не знаю, тре-

бовалъ ли онъ свои законные 25 франковъ за пропажу письма, но во всякомъ случаѣ документъ изчезъ для исторіи и для противниковъ статскаго министра военныхъ дѣлъ.

Я вовсе не хочу придираться къ парламентскому строю. Вполнѣ понятно, что всякое правительство можетъ имѣть *государственную* надобность заставить замолчать частнаго человѣка. Но въ строѣ серіозномъ, когда правительство дѣйствительно есть выраженіе власти націи, оно облечено *правомъ* открытымъ, откровеннымъ, не принужденнымъ унижаться до частнаго подвоха. Здѣсь же у правительства такого права нѣтъ и быть не можетъ, потому что при безпрерывной смѣнѣ господствующихъ партій невозможно давать *ихъ* правительствамъ подобныхъ правъ. Тогда дѣйствительно въ странѣ житья не будетъ, если каждая партія поочередно начнетъ практиковать власть «націи» другъ надъ другомъ, одни противники надъ другими.

А въ то же время, какъ бы ни было эфемерно и безправно партійное правительство, ему нужно существовать свои немногіе дни власти. Оно и пользуется *фактическою* силой для дѣйствія *частнаго*, подпольнаго. Нельзя заставить Портальса или Кямо уважать «государственный интересъ» Вильсона и Фрей-

сине, да и какой же это «государственный интересъ?» Поперхнешься самымъ словомъ. Но можно фактически подыскать Зюльфа, можно слѣдить за Камо и перехватить его письмо, что и дѣлается. Плоскость наклонная, внизу которой такъ и чуется ядъ и кинжалъ олигархій. Общественное мнѣніе едва ли было бы удивлено появленіемъ этихъ орудій «политической борьбы» и уже подозрѣваетъ *отравленіе* въ неожиданной смерти Рейнака. Допустимъ, что подозрѣнія фантастичны, но онѣ рисуютъ настроеніе народа и его оцѣнку того «самодержавія» которое ему даетъ парламентаризмъ.

У насъ плохо понимаютъ все это, потому что мало знаютъ *практику* парламентарнаго механизма, въ которой все это является совершенно логично, шагъ за шагомъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе основнаго принципа.

XII.

Въ Palais de Justice происходитъ «панамская» переборка. Въ Palais Bourbon новое министерство. Необходимо, говорятъ, взять новыхъ людей, чтобы до власти, какъ до жены Цезаря, не могло коснуться и подозрѣніе. А

старые люди, какъ маятникъ, качаются между Palais Bourbon и Palais de Justice. Флоке утромъ сдалъ должность, а въ полдень уже приглашенъ въ камеру судебнаго слѣдователя. Комедія судебъ парламентарныхъ! И эти люди хотятъ чтобы до власти, какъ до жены Цезаря, не смѣла коснуться самая клевета?

Но гдѣ же найти такихъ удобныхъ гражданъ, которые бы не сообразили, что если Флоке приглашается въ камеру судебнаго слѣдователя, то чрезъ годъ туда могутъ быть приглашены и нынѣшніе незапятнанные «новые люди?»

Обновленіе этимъ не кончается. Палатѣ осталось жить всего нѣсколько мѣсяцевъ, наступятъ выборы, и націи будетъ предоставлено вручить свои судьбы еще болѣе новымъ людямъ, еще болѣе незапятнаннымъ, ужъ хотя бы по одному тому, что они отъ роду никогда ничего не дѣлали.

Общая чистота будетъ сверкать бѣлизной все время... до ближайшей вильсоновщины или Панамы.

Но не проще ли было бы просто прекратить нынѣшнюю Панаму, объявить ее даже патріотическимъ дѣломъ, а «пострадавшихъ» невинною жертвой клеветы? Такой оборотъ былъ бы менѣе хлопотливъ, а для націи и

республики отъ него не больше вреда, чѣмъ отъ назначенія новыхъ, незапятнанныхъ людей, потому что нынѣшніе люди, право, ничѣмъ не хуже будущихъ.

Бѣда вовсе не въ людяхъ, а въ тѣхъ условіяхъ, которыя отнимаютъ у парламентарнаго правительства характеръ національный и дѣлаютъ его правительствомъ партій, давая тѣмъ чрезмѣрно широкій ходъ всѣмъ частнымъ интересамъ, а стало-быть и злоупотребленіямъ.

Продолжимъ разборъ этихъ условій.

VIII.

Собственно говоря, принципъ народной воли требуетъ *прямаго народнаго правленія.* Принципъ и при этомъ условіи не давалъ бы никакихъ хорошихъ результатовъ. Въ Швейцаріи есть право аппелляціи къ народному голосованію (referendum) и предоставленіе утвержденія основныхъ законовъ *прямому* всенародному голосованію. Никакихъ полезныхъ послѣдствій отъ этого для разумности закона не происходитъ, да и практиковать такую роскошь демократизма возможно лишь при большихъ оказіяхъ. Въ сущности это принципное «баловство», а не серіозный рессурсъ законодательнаго устроенія.

Но самое главное, что это за «народная воля?» гдѣ, въ чемъ она *реально* существуетъ? Народъ твердо хочетъ одного — *чтобы дѣла страны шли хорошо.* Народъ, исторически жившій, составляющій нѣчто сплоченное, отличное отъ сосѣдей, еще не разбившійся на непреодолимо враждебныя группы, имѣетъ еще другую волю: чтобы дѣла страны шли въ *извѣстномъ духѣ*, къ которому онъ исторически привыкъ и которому довѣряетъ.

А за симъ въ безчисленныхъ частныхъ случаяхъ, изъ рѣшенія которыхъ слагается правленіе страны, народъ не имѣетъ никакой воли, развѣ по экстреннымъ случаямъ—въ родѣ мира или войны, или — вученія своего спасенія такому-то популярному лицу. Немногими подобными случаями все и исчерпывается. Но собственно въ текущихъ вопросахъ правленія—народной воли *нѣтъ.* Какъ имѣть волю въ отношеніи того, о чемъ я не имѣю и понятія? Въ каждомъ вопросѣ — немногіе смыслятъ хорошо, немногіе кое-что, а $^{99}/_{100}$ ровно ничего. Комбинаціи знающихъ и незнающихъ мѣняются. По одному вопросу понимаетъ Иванъ, а Ѳедоръ нѣтъ, по другому Ѳедоръ смыслитъ, а Иванъ нѣтъ. Но въ каждомъ случаѣ имѣется громаднѣйшее большинство, которое ничего не понимаетъ и никакой другой

воли не имѣетъ, кромѣ того, чтобы все было хорошо.

Отъ этого-то большинства требуютъ, чтобъ оно высказало свое мнѣніе и свою волю! Но вѣдь это просто комедія, и притомъ вредная. Понимающихъ данный вопросъ, положимъ, сто человѣкъ, а не понимающихъ нѣсколько милліоновъ. Требовать рѣшенія большинства — значитъ лишь утопить сто знающихъ голосовъ въ сотняхъ тысячъ ничего не смыслящихъ!

Народъ, говорятъ, можетъ послушать знающихъ; вѣдь онъ хочетъ себѣ добра. Конечно. Но знающіе люди—это люди, во-первыхъ, занятые дѣломъ, почему именно и знакомы съ вопросомъ; во-вторыхъ, они упражняютъ свои способности вовсе не въ краснорѣчіи, не въ техникѣ агитаціи. По части искусства одурачивать толпу, льстить ей, угрожать, увлекать ее, по части этого гибельнаго, ядовитаго искусства агитаціи люди дѣла *всегда* будутъ побиты тѣми, кто спеціально посвятилъ себя политиканству. Въ политиканы подбираются люди спеціально, по природнымъ способностямъ, пригодные именно къ этому ремеслу, — свои способности они затѣмъ упражняютъ, наконецъ, они сбиты въ *партію*, дружно дѣйствующую. Какъ же противъ нихъ бороться человѣку дѣла? Это невозможнѣйшая вещь,

и въ дѣйствительности народъ, поставленный въ такое положеніе, *всегда* идетъ не за знающими, а за искусными въ политиканствѣ. Онъ играетъ преглупую роль, и не можетъ изъ нея выйти, хотя бы даже вполнѣ созналъ свое глупое положеніе. Я, напримѣръ, вполнѣ понимаю роль политикановъ, и презираю ее, но если бы меня заставили подавать голосъ за мѣры, которыхъ я лично неспособенъ *самъ* взвѣсить, — конечно, нимало не сомнѣваюсь, что былъ бы одураченъ, и люди *ловкіе* заслонили бы отъ меня людей *знающихъ* и *честныхъ*.

Такова *дѣйствительность* народной воли. Она есть игрушка ловкихъ людей даже въ томъ случаѣ, если мы имѣемъ *непосредственное* правленіе народа. Но непосредственное правленіе народа сверхъ того практически невозможно. Нельзя его собрать, нельзя и превратить весь народъ въ законодателей. Надо же кому-нибудь и хлѣбъ сѣять и на фабрикахъ работать. Наконецъ, у каждаго есть своя личная жизнь, которая ему дороже политики. Вообще приходится прибѣгнуть *къ представительству*.

Теоретически это — безсмыслица. Передавать свое *право* гражданина можно. Но передавать *воли* своей нельзя. Вѣдь я передаю ее на будущее время, для будущихъ рѣшеній, по во-

просамъ, которыхъ еще нѣтъ. Стало-быть, выбирая депутата, я ему даю право выражать ту мою волю, которой и самъ еще не знаю. Выборъ представителей имѣлъ бы осуществимый смыслъ только въ томъ случаѣ, еслибъ я передавалъ свое право гражданина, то-есть просто бы говорилъ, что данной личности довѣряю вести мои политическія дѣла, и въ чемъ онъ законно поступитъ—спорить и пререкословить не буду до конца срока полномочій. Но такая передача самаго права самодержавія народа — есть идея *цезаризма*, а не *парламентаризма*. Парламентаризмъ требуетъ отъ страны *представителей ея воли, мнѣнія, желанія*, то-есть вещи невозможной, явнаго обмана. Посылая своихъ депутатовъ, страна отъ своей воли на срокъ ихъ полномочій не отказывается. Если, напримѣръ, нашъ депутатъ, хотя Феррп, по глубокому убѣжденію считаетъ нужной Тонкинскую экспедицію, а мы, избиратели, ея не желаемъ, то, по смыслу теоріи, Феррп долженъ отказаться отъ депутатства. Если президентъ республики полагаетъ, что его палата не выражаетъ воли страны, онъ ее распускаетъ и требуетъ отъ страны новыхъ представителей. Требуетъ выражать именно *волю* страны!..

Итакъ, предлагается странѣ сдѣлать выборы. Кого же она пошлетъ?

XIV.

Прежде всего, еще вопросъ, кто *захочетъ* пойти?

Въ экстренныхъ случаяхъ, когда требуется спасеніе отечества, въ 1612 году въ Россіи, въ 1789 году во Франціи, въ 1871 году тамъ же, вообще въ случаяхъ экстренныхъ, требующихъ временнаго и притомъ очень необходимаго подвига, самопожертвованія, конечно, захотятъ пойти *лучшіе* люди, представители не той *воли*, какой требуетъ демократическая теорія, а *духа и способностей* страны, ея *генія*, — на помощь отечества явится цвѣтъ націи. Онъ выразитъ *духъ* націи, максимумъ ея способностей; поэтому толпа въ подобныхъ рѣшеніяхъ признаетъ не свою *волю*, а свой *идеалъ*, не то, чего она можетъ хотѣть собственнымъ бѣднымъ разсужденіемъ, а чего она хотѣла бы, если бы была умна. Этотъ умъ она оцѣниваетъ (ибо онъ въ ея духѣ), признаетъ рѣшенія, поддерживаетъ ихъ. Но это— *торжественные* моменты исторіи.

Въ время простаго *правленія*, веденія дѣлъ— ничего подобнаго не происходитъ и не можетъ происходить. Цвѣтъ націи, дѣйствительные представители ея гепія, ея величія, за-

няты *своимъ дѣломъ*: ученый, медикъ, техникъ, фабрикантъ, земледѣлецъ—всѣ находятся при своемъ дѣлѣ, и его не бросятъ, потому что любятъ его, вкладываютъ въ него всю душу. Они только потому и *лучшіе люди*, что имѣютъ это чувство. Въ обычное время представители генія націи не пойдутъ въ депутаты, особенно парламентарные. *Парламентскій* депутатъ обязанъ выражать *чужую* волю. Для человѣка со *своими идеями* это вовсе не соблазнительно, даже противно. Онъ пойдетъ въ *Учредительное Собраніе*, но не въ парламентъ. Онъ лучше останется при своемъ дѣлѣ и при своихъ идеяхъ. Сверхъ того, для представительства воли націи нужно *много* людей. Депутатовъ должна имѣть каждая мѣстность, и ихъ набирается много сотенъ. Если ихъ труды оплачивать по высшей мѣркѣ, какую зарабатываетъ *выдающійся* человѣкъ страны, это будетъ страшно дорого для нея, да и непопулярно, потому что массы любятъ дешевое правительство. Итакъ приходится платить, какъ во Франціи, очень среднюю сумму—депутату палаты 20 фр. въ день, сенатору 25 франковъ. Итого депутатъ заработаетъ 7,000 фр. въ годъ. Работа его для всякаго способнаго человѣка, имѣющаго свои любимыя идеи, крайне непріятна. Вознагражденіе же собственно ничтож-

ное. Какой же порядочный медикъ, художникъ, фабрикантъ не заработаетъ на *любимомъ* дѣлѣ 10,000 франковъ и болѣе? Порядочный прикащикъ заработаетъ тѣ же 7,000 фр., да еще не отрываясь отъ дѣла, которое растетъ, и къ старости подготовляетъ ему и его семьѣ можетъ быть даже богатство. Составить *каррьеру* на депутатствѣ, конечно, можно, но или нечестными средствами, или во всякомъ случаѣ немногимъ лицамъ. Министерскія мѣста за десять лѣтъ занимаютъ какихъ-нибудь сотни двѣ человѣкъ, поперемѣнно, остальнымъ тысячамъ депутатовъ—нечего и мечтать о министерствѣ. Въ общей сложности для человѣка способнаго пробить себѣ дорогу на чемъ-нибудь болѣе полезномъ,—*значеніе* депутата не соблазнительно. Прп томъ оно требуетъ такихъ *внѣшнихъ* способностей, которыхъ у большинства лучшихъ людей не бываетъ. Нужна бойкость рѣчи, пронырливость, способность къ интригѣ, неглубокія убѣжденія. Такіе люди и подбираются на ремесло представительства.

На выборахъ они легче всего пройдутъ, даже *въ первый разъ*, когда еще нѣтъ сплоченныхъ партій. Но партіи эти уже давнымъ давно сложились — тоже по необходимости. Такъ какъ общей народной воли по текущимъ дѣламъ правленія *нѣтъ*, то приходится ее со-

чинять для народа, убѣждать его, а это легче и удобнѣе дѣлать, разложивъ всю сложную національную жизнь по отдѣльнымъ элементамъ, принципамъ, и затѣмъ изъ каждаго, логическимъ выводомъ, построить *программу*. Сложное цѣлое трудно понять избирателю, который, какъ средній человѣкъ, не очень обширнаго ума и знаній. Когда же ему представятъ упрощенную, партійную программу—она его осѣняетъ и заставляетъ думать, будто онъ все понялъ. Конкурренція же искателей депутатства заставляетъ выдумывать такія программы, для которыхъ даже и основаній нѣтъ въ дѣйствительной жизни. Иначе, почему же я буду рекомендовать народу выбрать именно меня, а не моего конкуррента? Нужно представить что-нибудь особенное, что бы меня отличало отъ другихъ.

Партіи, программы такимъ образомъ обязательно возникнутъ, сочинятся, хотя бы національная жизнь еще была *цѣла*. Политиканы непремѣнно расчленятъ ее сперва въ программахъ, а потомъ—ихъ же дѣятельностью расчлененіе національной цѣлостности жизни будетъ по мѣрѣ силъ укореняться уже и въ дѣйствительности.

Въ настоящее время во Франціи эти партіи уже имѣютъ столѣтнюю исторію. Онѣ сило-

чены, дѣйствуютъ дружно. При этомъ условіи *не партійному* человѣку, человѣку изъ народа, самому по себѣ, даже немыслимо баллотироваться. Этого просто нельзя вообразить. Если меня не выдвинетъ какой-либо избирательный комитетъ, о моей кандидатурѣ народъ и не узнаетъ. Какъ я ему это заявлю? Сверхъ того, еслибъ, имѣя большія средства, я началъ самъ за себя агитировать, то всѣ партіи дружно меня задушатъ, даже не серіозно, а просто засмѣютъ. Такія шутки какъ внѣпартійная кандидатура позволяютъ себѣ иногда анархисты, но конечно не серьезно а такъ себѣ—отъ нечего дѣлать, для забавы. А вообще—претендуя на депутатство, я долженъ примкнуть къ какой-нибудь партіи. Меня проводитъ не народъ, а моя партія. Ей я всѣмъ обязанъ, отъ нея завишу, съ нею долженъ сообразоваться. Народъ—для избирающагося — послѣднее дѣло. Его нужно *побудить* подать голосъ, а вовсе не *узнать*, какой у него голосъ. Избирательная компанія — это *охота за голосами*, а ничуть не опросъ народа. Зайца не спрашиваютъ, желаетъ ли онъ попасть ко мнѣ на столъ, а ловятъ; его собственными желаніями интересуются лишь для уясненія—*какъ* именно его можно наилучше поймать. Такъ точно интересуются и народомъ на выборахъ.

И вотъ кандидаты выдвинуты. Шумъ, трескъ, стѣны, оклеенныя прокламаціями и именами, разъѣзды, конференціи, ложные слухи, взаимныя клеветы, громкія слова, обѣщанія корыстныя, обѣщанія сознательно ложныя, подкупы и т. д. Народъ шалѣетъ: и раньше онъ мало понималъ, а теперь уже и вовсе ничего не соображаетъ. Величайшее искусство этой охоты не въ *предварительномъ* подготовленіи народа, а въ какомъ-нибудь заключительномъ *surprise*, который срываетъ голоса въ послѣднюю минуту, не давая уже времени передумать. Наконецъ, торжественная минута настала, голоса отобраны, подсчитаны, «народная воля» «сказала свое слово», и *представители* націи собираются въ Palais Bourbon.

XV.

Что происходитъ дальше? Во время выборовъ съ избирателями приходилось все-таки считаться. Но получивъ голоса и собравшись въ палатѣ, представители народа могутъ совершенно позабыть о немъ вплоть до приближенія слѣдующихъ выборовъ. За все это время они живутъ исключительно своею партійною жизнью, развивая всѣ качества кружковщины.

Дѣйствительныя обязанности депутатъ, въ теоріи представляющій волю избирателей, имѣетъ только въ отношеніи своей партіи. Бываютъ случаи, что избиратели, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь вакантныхъ политикановъ, претендентовъ на будущія мѣста, забушуютъ. Тогда для вліятельнаго депутата оказывается нужнымъ, какъ говорится, дать отчетъ избирателямъ. Это непріятная трата времени, которой подчиняются со всѣми безцеремонными пріемами избирательной борьбы. Клемансо, выбранный Парижемъ, при мнѣ разъ давалъ такой отчетъ. Избиратели—не помню, кажется, Монмартра, или вообще одного изъ подобныхъ буйныхъ округовъ, были настолько возбуждены противъ Клемансо, что скандальныя сцены были неизбѣжны. Что же дѣлаетъ депутатъ? Онъ избираетъ для своего объясненія день годовщины Коммуны, когда весь революціонный Парижъ, во всемъ парадѣ красныхъ знаменъ, вѣнковъ и зажигательныхъ рѣчей, стекается на кладбище Перъ Лашезъ, къ mûre des federés, мѣсту массоваго избіенія коммунаровъ. Само собою разумѣется, въ залъ объясненій Клемансо собрались только мирные элементы. Все обошлось чинно, благородно, и радикальный вождь съ гордо поднятою головой явился на слѣдующій день въ Палату!

Бѣдный Гамбетта, вѣрившій въ народъ, въ аналогичныхъ обстоятельствахъ пытался, въ томъ же помпитея округѣ, *честно* объясниться и былъ встрѣченъ такимъ скандаломъ, что съ трудомъ былъ выведенъ заднимъ ходомъ, недоступнымъ для неистовства толпы. «Laches esclavos. подлые рабы», крикнулъ онъ въ лицо «гражданамъ», которыхъ «волю» представлялъ. А въ сущности право «подлые рабы» ничуть не виноваты. Вольно же теоріи требовать невозможнаго, и отдавая толпу на жертву агитаторамъ, ожидать отъ нея проницательности и спокойствія мудреца!

Эти маленькіе эпизоды «отчетовъ» не составляютъ ничего существеннаго въ жизни парламентариста. Для опытнаго политикана, который вмѣстѣ съ Рошфоромъ говоритъ: «мы знаемъ какъ дѣлаютъ народную волю» — эти объясненія не представляютъ ничего опаснаго и ни на волосъ не отвлекутъ его отъ настоящей, дѣйствительной его политики—въ залѣ засѣданій, коррндорахъ палаты, въ своей редакціи или клубѣ. Настоящая жизнь депутата—тамъ. Тамъ его сердце, обязанности, надежды. Партія держится дружно. Покинуть ее по какимъ бы то ни было причинамъ — прямая подлость. Выйти изъ партійной дисциплины—измѣна, весьма рискованная. Партія сво-

ихъ людей вездѣ и во всемъ поддержитъ. У нея свои журналы, собранія, вожаки. Все что внѣ ея — разсматривается какъ чуждое, враждебное. Этою своею внутреннею жизнію она живетъ безъ сравненія болѣе уединенно отъ какихъ бы то ни было народныхъ вліяній, нежели чиновникъ или всякій обыкновенный человѣкъ, не ищущій народныхъ вліяній и не обязанный представлять волю народа.

При такихъ условіяхъ партійные *вожаки*— получаютъ значеніе какихъ-то своеобразныхъ владѣтельныхъ князьковъ или, точнѣе, олигарховъ. Гласное, *официальное*, правительство страны ничто въ сравненіи съ этими негласными владыками, создающими и испровергающими правительства официальныя.

Это обстоятельство особенно важное и особенно плохо понимаемое. Депутаты, по теоріи, представляютъ *народъ*. Поэтому и правительство назначаетъ уже не народъ, а они. Такимъ образомъ правительство никакого *прямаго* отношенія къ націи не имѣетъ и даже не смѣетъ, не должно имѣть. Въ Америкѣ нація, по теоріи, сохраняетъ *за собою* по крайней мѣрѣ право назначать главу правительства, президента республики. Конечно, фактически это право только на бумагѣ, но можно допустить, въ какихъ-либо особыхъ чрезвы-

чайныхъ обстоятельствахъ, что президентъ республики, обязанный (въ теоріи) представлять именно волю націи и отвѣтственный предъ націей, найдетъ въ себѣ силы и рѣшимость положить предѣлъ узурпаціи партій. Во Франціи страхъ предъ цезаризмомъ заставилъ гораздо послѣдовательнѣе провести идею парламентарную. Здѣсь уже *нація* не имѣетъ даже и президента республики. Президентъ выбирается просто соединеннымъ засѣданіемъ сената и палаты (для большей красоты слога это называется конгрессомъ). Президентъ республики есть довѣренное лицо не націи, а соединенныхъ сената и палаты, то-есть наличнаго состава ихъ, другими словами—тѣхъ же вожаковъ, тѣхъ же партій, которые назначаютъ и министровъ. Такимъ образомъ, *нація* никакого прямаго представительства въ официальномъ правительствѣ страны не имѣетъ и официальное правительство страны въ свою очередь никакого прямаго отношенія къ странѣ не имѣетъ. Оно — знаетъ свой сенатъ, свою палату, ихъ волю, съ ними обязано сообразоваться и ни съ кѣмъ больше даже не имѣетъ права сообразоваться.

Сверхъ того, президентъ республики, созданной французскимъ парламентаризмомъ, сохранилъ въ качествѣ нѣкотораго невиннаго

орнамента, въ видѣ уступки историческимъ привычкамъ націи, а также — для иностранныхъ державъ. Всякое дѣйствительное значеніе у него отнято, особенно способомъ избранія, благодаря которому президентъ республики, потерявъ поддержку сената и палаты — остается вовсе безъ почвы подъ ногами, безо всякихъ корней въ націи и можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что нація его не знаетъ и никакой поддержки именно *ему* не дастъ, даже въ такую минуту, когда захочетъ диктатора.

Дѣйствительное правительство — это министръ-президентъ съ товарищами. Если президентъ республики сохранилъ какъ тѣнь національныхъ привычекъ имѣть своего главу, главу *Франціи*, то министерство, наоборотъ, даже и въ идеѣ не представляетъ Франціи, Министерство представляетъ *только* палату, а косвенно считается съ сенатомъ. Націи — оно вовсе не касается.

Еще недавно (что и считалось логичною парламентарною идеей) министерство должно было быть правительствомъ какой-либо *господствующей партіи*. Это — коммиссары своей партіи, обязанные исполнять только ея волю, а даже не волю цѣлой палаты. Еслибы министерство убѣдилось, что *страна* не хочетъ его политики, тогда какъ партія продолжаетъ господ-

ствовать въ палатѣ и сенатѣ, то оно все таки *обязано* оставаться на своемъ посту и бороться противъ воли страны. Впрочемъ, о волѣ страны оно даже не смѣетъ и думать — иначе какъ въ частныхъ совѣщаніяхъ своей партіи. Поступить иначе — со стороны министерства было бы узурпаціей и измѣной.

Это чисто партійное одноцвѣтное правительство въ современной Франціи стало все больше замѣняться *смѣшаннымъ* партійнымъ правительствомъ. Чрезвычайная раздробленность палаты не даетъ такого господства *одной* партіи, при которомъ возможно это «идеальное» министерство. Каждая партія видитъ, что ея людямъ не дождаться исключительнаго господства, и потому соглашается хоть на небольшое участіе во власти. Составляются министерства смѣшанныя, съ основой, напримѣръ, оппортунисткою, но со введеніемъ одного или двухъ радикаловъ, одного или двухъ замаскированныхъ монархистовъ. Этотъ компромиссъ между партіями окончательно убиваетъ офиціальное правительство. При одноцвѣтномъ партійномъ правительствѣ, дѣятельность его идетъ, по крайней мѣрѣ, систематически, и, сверхъ того, *вожаки партіи*, получившей господство, становятся главами *офиціальнаго правительства*. Власть дѣйстви-

тельная и власть офиціальная сливаются. При смѣшанномъ партійномъ правительствѣ главы партій въ члены его не вступаютъ. Во-первыхъ, ихъ и не пускаютъ противники, а, во-вторыхъ, имъ самимъ не выгодно принять отвѣтственность за дѣла министерства смѣшаннаго, осужденнаго, стало-быть на непослѣдовательность, безцвѣтность, простое влаченіе дѣлъ. Такимъ образомъ, Ферри— въ министры уже не пдетъ, а проводитъ какого-нибудь маленькаго члена своей партіи побезцвѣтнѣе, потому что виднаго члена жалко компрометтировать и выгоднѣе приберечь для *своего* министерства. Точно также Клемансо не пустятъ въ министры, и самъ онъ по тѣмъ же соображеніямъ не пойдетъ. Такъ министерство составляется изъ подручныхъ людей, невліятельныхъ въ своихъ партіяхъ. Дѣйствительные же *главы*, вожаки, собственники «голосовъ», остаются внѣ правительства, но его господами. При такихъ условіяхъ положеніе министровъ по истинѣ прискорбно. Между собою они не солидарны и другъ другу связываютъ руки. Ни одинъ изъ нихъ не самостоятеленъ и обязанъ волей-неволей слушаться настоящаго господина своей партіи. Задачей правительства становится простое *существованіе*, и эта задача такъ трудна, что въ сред-

немъ вѣкъ жизни каждаго правительства не составитъ одиннадцати мѣсяцевъ. Каждая изъ вступившихъ въ компромиссъ партій не складываетъ оружія и ждетъ только удобнаго случая достичь новой комбинаціи министровъ, болѣе выгодной. Министрамъ приходится не дѣлами заниматься, а балансированіемъ между президентомъ республики, своими товарищами по портфелю, своими партіями и ихъ назойливыми, претенціозными вожаками. Чуть не каждый день запросы въ палатѣ, подвохи, обвиненія. Идя въ палату, ни одинъ министръ не увѣренъ, что не возвратится домой простымъ депутатомъ. Какая же тутъ возможна система правленія? Министръ не успѣваетъ ознакомиться даже съ дѣлами, а ужь тѣмъ болѣе съ персоналомъ своихъ служащихъ. Отсюда проистекаетъ то, что дѣйствительное занятіе *дѣлами* предоставляется чиновникамъ, начальникамъ частей. Изъ нихъ иной переживетъ десять, пятнадцать министровъ, и всѣ они у него по необходимости въ рукахъ. Бюрократія становится огромною силой, а контроль ея дѣятельности сводится чуть не къ нулю.

XVI.

Такимъ образомъ парламентаризмъ приводитъ официальное правительство страны къ неслыханному доселѣ ничтожеству и безсилію. Въ области высшей политики оно находится въ порабощеніи у негласныхъ олигарховъ, вожаковъ партій. Въ области администраціи оно перестаетъ быть начальствомъ для своихъ чиновниковъ, которые пріобрѣтаютъ самую вредную независимость и безконтрольность своихъ дѣйствій. *Страна*, нація, остается безъ высшаго органа правленія, контроля, руководства.

И въ какое время парламентаризмъ производитъ это обезглавленіе націи? Въ то время когда общее развитіе жизни, умственной, промышленной, всѣхъ ея отраслей, создаетъ гигантскія *частныя* силы, способныя подчинить своему вліянію, доброму или злому, сотни тысячъ и милліоны людей—одновременно на всемъ пространствѣ страны. Одна промышленная компанія способна имѣть надъ десятками тысячъ рабочихъ и сотнями тысячъ населенія власть, какой не имѣлъ и феодальный сеньоръ. Одна газета можетъ пріобрѣтать вліяніе, какого въ старыя времена не имѣла цѣлая ученая корпорація. Жизнь повсюду

централизуется, всѣ интересы связываются. И въ такое-то время, когда *общіе* интересы доходятъ до высшей степени сложности, требуютъ высшей степени ума, знанія и энергіи въ центрѣ правленія страной, злополучная нація остается, строго говоря, вовсе безъ правительства.

И послѣ этого хотятъ негодовать на злоупотребленія, воображаютъ очистить, обновить правительство. Но если это не лицемѣріе, то это колоссальнѣйшее недомысліе, такая степень человѣческаго безумія, которую воображеніе отказывается себѣ представить. Вѣдь тутъ злоупотребленіямъ *нельзя не быть*. Это такой строй, при которомъ человѣкъ по уму и честности стоящій выше злоупотребленія, вопервыхъ, не попадетъ въ правительство, а вовторыхъ, и попавъ—ничѣмъ не можетъ помѣшать злоупотребленіямъ, никакихъ способовъ помочь отечеству не имѣетъ и ему остается только отрясти прахъ отъ ногъ и удалиться въ частную жизнь или мечтать о томъ или иномъ переворотѣ.

Потому-то и кричатъ: «долой парламентаризмъ!» Масса народа не умѣетъ разсуждать теоретически, но когда факты однообразно долбятъ въ голову десять, и двадцать, и сто лѣтъ, она не можетъ *не чувствовать* смутно

ихъ смысла. Было время, когда у Французовъ вѣрили въ «обновленіе», въ «очищеніе», «новые выборы» и т. п. Это время—прошлое. Конечно, будутъ выборы, будутъ фразы, можетъ-быть «новые люди» (хотя я и этому не вѣрю, и убѣжденъ что большинство нынѣшнихъ людей сумѣетъ выплыть на новыхъ выборахъ). Но *довѣрія* у французской массы уже давно нѣтъ, и если «республика внѣ опасности», что̀ весьма возможно, то по той же приблизительно причинѣ, по какой въ сказкѣ стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ: не знаетъ еще, на какую ей сторону уклать.

КОММУНИЗМЪ И ПАРТИКУЛЯРИЗМЪ.

I.

Почтп два вѣка уже лучшія умственныя сплы Европы направлены на разработку ученія *объ обществѣ*, науку соціальную. Эти же два вѣка составляютъ классическую эпоху разложелія всѣхъ связей, соединяющихъ людей въ общество. Случайно ли такое совпаденіе? Въ выше помѣщаемомъ очеркѣ «Соціальные миражи» я старался показать, какъ утрата правильнаго понятія о *человѣкѣ*, а стало-быть искаженіе личной жизни, личныхъ заботъ и помышленій — отзывается на соціальной жизни, которая начинаетъ себѣ ставить не реальные, необходимые и осуществимые идеалы, а гонится за невозможными миражами. На такомъ общемъ фонѣ нечего ждать развитія, а возможно лишь *вырожденіе*. Это мы видимъ и въ мысли *соціальной*, которая еще недавно, въ такъ-называемомъ, утопическомъ соціализмѣ, хотя и безплодно

но смѣло стремилась охватить всю полноту человѣческой жизни, а съ теченіемъ времени все болѣе ниспадаетъ, съ одной стороны, въ грубый *коммунизмъ*, съ другой—въ *партикуляризмъ*.

Взрывъ анархическихъ убійствъ и покушеній, столь выдвинувшій ничтожное имя Равашоля, вызвалъ въ Парижѣ образованіе «Общества развитія личной инпціативы и распространенія соціальныхъ знаній» для борьбы съ соціализмомъ. Этимъ обществомъ, между прочимъ, было организовано 21 мая 1892 г. въ залѣ Географическаго Общества, въ Парижѣ, крайне интересное собесѣдованіе между двумя представителями столь противоположныхъ міросозерцаній, какъ *коммунизмъ и партикуляризмъ*. Съ одной стороны выступилъ Поль Лафаргъ, самъ отрекомендовавшій себя коммунистомъ, съ другой—г. Эдмонъ Демоленъ, который хотя вообще представляетъ соціальную школу Ле-Пле, но въ политической экономіи заявляетъ себя чистокровнымъ партикуляристомъ. Оба противника хорошо выбраны. Г. Эдмонъ Демоленъ, редакторъ *La Science Sociale*, извѣстенъ своими учеными познаніями. Поль Лафаргъ, конечно, самый образованный изъ французскихъ соціалистовъ, видный вожакъ своей партіи, а на то время состоялъ—членомъ

палаты депутатовъ. Оба очень хорошо и обстоятельно изложили свои взгляды. Но тѣмъ ярче выступаетъ на видъ разложеніе современной соціальной мысли Европы. Оба противника продолжаютъ еще носить на себѣ ярлыкъ «соціальнаго». Но именно «соціальнаго» сознанія и нельзя уже подмѣтить въ нихъ. Оба оторвались отъ чего-то центральнаго, связующаго различныя части массовой человѣческой жизни въ нѣчто «соціальное». Оба видятъ только одну сторону ея. И потому-то Лафаргъ, не отрекаясь отъ популярной клички «соціалистъ», самъ предпочитаетъ называть себя для точности *коммунистомъ* (какъ назвалъ себя и его учитель К. Марксъ въ Манифестѣ *коммунистической* партіи). Г. Эдмонъ Демоленъ, наоборотъ, несомнѣнно оказывается *партикуляристомъ*. Какъ ни односторонне само по себѣ направленіе, заключающее человѣка въ рамки исключительно *соціальнаго* элемента, и то уже оказывается черезчуръ широкимъ для современниковъ. Европейская мысль выбивается изъ него въ еще большую односторонность съ одной стороны безличнаго *коммунизма*, съ другой того безъобщественнаго *партикуляризма*, который стоитъ на самомъ порогѣ болѣе смѣлой анархіи. Вотъ важный и любопытный фактъ, несомнѣнно устанавливаемый

этимъ такъ хорошо задуманнымъ и выполненнымъ споромъ.

II.

Дѣйствительно—вчитываясь въ мастерски составленную рѣчь г. Лафарга излагающаго идеи К. Маркса, *)—мы видимъ, что люди его направленія утратили уже всякое понятіе о *личности* какъ началѣ сколько-нибудь самостоятельномъ. Человѣкъ для нихъ —не причина, а *послѣдствіе*, неизбѣжное и роковое. Слово о творчествѣ человѣка иногда употребляется, но не болѣе какъ простой оборотъ рѣчи. Человѣка, говоритъ Лафаргъ, не измѣнишь проповѣдями. «Чтобъ его измѣнить, нужно передѣлать *среду*, а съ измѣненіемъ среды тотчасъ (du coup) вы измѣните нравы, привычки, *страсти*(!) и *чувства*(?!) людей». Чтобы вполнѣ понять всю степень уничтоженія личности въ этомъ міросозерцаніи, нужно замѣтить, что неопредѣленное слово *среда* для Лафарга заключаетъ вполнѣ опредѣленное понятіе *экономическихъ условій*. Отъ нихъ зави-

---

*) Объ рѣчи и послѣдовавшія возраженія рефератовъ напечатаны La Science Sociale въ 1892 г. т. XIII, кн. 6 и т. XIV, кн. 1.

сить все, даже, говоритъ онъ, идеи философскія и религіозныя. Такъ напр. на извѣстной ступени производства—неизбѣжно рабство, и тогда оно оправдывается философами и объявляется учрежденіемъ божественнымъ. Но «извѣстное измѣненіе рабочихъ инструментовъ (outillage de production) *неизбѣжно* влечетъ уничтоженіе рабства». *) Тогда оно объявляется безнравственнымъ и противнымъ религіи. **)

---

*) Я не вхожу въ оцѣнку этихъ положеній съ точки зрѣнія исторической достовѣрности. Историческая мотивировка ученія К. Маркса вообще *сплошная подтасовка* и натяжка фактовъ, полная произвола чисто адвокатскаго. Лафаргъ—только повторяетъ слова учителя. Впрочемъ, главная вина въ этомъ случаѣ падаетъ не на К. Маркса, а на то легкомысліе, съ которымъ ученые изслѣдователи первобытныхъ учрежденій пользуются такъ-называемымъ „сравнительно историческимъ методомъ". Этотъ въ основѣ плодотворный методъ нынче превратился въ какой-то методъ „отысканія аналогій" съ полнымъ невниманіемъ къ *дѣйствительному* изученію развитія учрежденій, и съ заранѣе предрѣшеннымъ итогомъ „изслѣдованія". Настоящее Прокрустово ложе соціальнаго знанія.

**) Исторически—все это совершенно вздорныя слова. Рабство повсюду пало—въ результатѣ повышенія *личности* и расширенія понятія о личности. Христіанство подорвало древнее рабство безо всякихъ измѣненій въ способахъ производства; послѣдніе же слѣды рабства въ нашихъ обществахъ—составляло рабство *негровъ*, расы наименѣе развитой и труднѣе всего подходившей подъ наши понятія о личности.

Человѣкъ есть то, чѣмъ дѣлаетъ его общество, общество есть то, чѣмъ дѣлаетъ его способъ производства. Такова исходная точка, съ какой Лафаргъ подходитъ къ вопросу о направленіи современной эволюціи общества. Собственно вопросъ о томъ, куда *должны* мы идти, что должны *стараться* сдѣлать—для него не существуетъ. Хотимъ мы или не хотимъ, но мы будемъ тѣмъ, чѣмъ насъ дѣлаетъ производство, и пойдемъ туда, куда оно насъ *ведетъ*.

Ведетъ же оно насъ, утверждаетъ онъ, къ *коммунизму*.

Какимъ образомъ? Потому что это есть послѣдствіе самаго характера орудій современнаго труда. Нынче всѣмъ овладѣла *машина*. А приложеніе машины превращаетъ каждое производство, какъ выражается Лафаргъ, въ «коммунистическое». Терминъ произвольный и неточный. Нужно было бы сказать не «коммунистическое», а «коллективное». Это большая разница. Но послѣдуемъ за рефереитомъ. Прежде, говоритъ онъ, каждая семья занималась ткаиьемъ. Нынче ткачество централизовалось на фабрикѣ, объединивъ на одномъ дѣлѣ цѣлую массу рабочихъ. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ сказать, что произведенный продуктъ создалъ *имъ*. Это прежде са-

пожинкъ дѣлалъ цѣлый сапогъ, а теперь, на фабрикѣ, каждый дѣлаетъ лишь какую-нибудь часть сапога; цѣлый сапогъ является продуктомъ «коммунистическаго» (то-есть собственно коллективнаго) труда. Личности производителя тутъ нельзя выдѣлить. Эта «коммунистическая» эволюція происходитъ во всѣхъ отрасляхъ труда. То же происходитъ въ торговлѣ. Прежде каждая лавочка имѣла свою спеціальность. *) Нынче являются огромные «универсальные» магазины (какъ Лувръ, Bon Marché и т. д.), соединяющіе всевозможныя спеціальности подъ управленіемъ одного капитала. Торговля дѣлается «коммунистическою». Тотъ же процессъ коммунизаціи замѣчается будто бы въ земледѣліи. Здѣсь аргументація Лафарга (какъ и вообще его школы) становится особенно слабою и натянутою.

Ему нужно, по теоріи, доказать, будто бы естественный процессъ ведетъ, вопервыхъ, къ централизаціи земельной собственности въ немногихъ рукахъ. Надъ выкладками этого рода когда-то много трудился нашъ Н. Чернышевскій, тоже ровно ничего не доказавши. *)

*) Совершенно наоборотъ.

*) По ложности самаго метода, такъ какъ онъ принялъ въ своихъ вычисленіяхъ во вниманіе только *насѣкомое* (то-есть элементъ, иногда наиболѣе слабый въ фактѣ распредѣленія земли).

Но Чернышевскій и по складу, и по выработкѣ ума все же гораздо выше своихъ европейскихъ собратьевъ. Его доказательства—верхъ научности въ сравненіи съ аргументаціей Лафарга. Лафаргъ ограничивается двумятремя банальными указаніями и сравненіями величинъ, изъ которыхъ одна мало извѣстна, а другая вовсе неизвѣстна, такъ что объ отношеніи между ними можно одинаково безплодно говорить что угодно. Такъ Лафаргъ утверждаетъ, будто во Франціи земля скопляется все болѣе въ однѣхъ рукахъ, на томъ основаніи что $^{45}/_{100}$ земли нынѣ находятся въ рукахъ 142.000 собственниковъ. Но, вопервыхъ, остальные $^{55}/_{100}$ находятся въ рукахъ нѣсколькихъ милліоновъ, а, вовторыхъ, неизвѣстно, можетъ-быть прежде въ рукахъ крупныхъ собственниковъ было не $^{45}/_{100}$ земель, а $^{0}/_{100}$. Въ Средніе Вѣка, напримѣръ, феодальная собственность была громадна и несомнѣнно охватывала многое, что нынѣ раздѣлено между крестьянами. Лафаргъ не считаетъ нужнымъ заглядывать такъ глубоко, и прибѣгаетъ къ столь выгодному при отсутствіи фактовъ методу «аналогіи». «Если, говоритъ онъ, хотите знать конечный исходъ этой централизаціи, взгляните на Англію, гдѣ вся земля уже скопилась въ рукахъ нѣсколь-

кихъ тысячъ человѣкъ». Онъ забываетъ, что въ Англіи еще во времена Вильгельма Нормандскаго земля была раздѣлена между какими-нибудь 60.000 завоевателями. Этими ничтожными примѣрами Лафаргъ однако совершенно довольствуется. «Если же, говоритъ онъ, феодальная собственность и была обширна, то обработка земли все же оставалась *индивидуальною*». Теперь, напротивъ, всюду развивается крупная обработка, соединяющая множество рабочихъ. И опять обычный припѣвъ: если хотите знать конечный результатъ этой тенденціи, то посмотрите, только уже не на Англію, а на дальній Западъ Америки, гдѣ возникаютъ «экономіи» величиною чуть не въ цѣлое княжество. На Англію, съ ея системой фермерства, конечно, сослаться неудобно! Нельзя сослаться и на кореняую Америку. Апологетъ коммунизма выѣзжаетъ поэтому на «дальнемъ Западѣ», гдѣ именно никогда не было мелкой собственности и потому никакого процесса ея «централизаціи» во всякомъ случаѣ не происходило.

Пришлось бы потратить слишкомъ много мѣста и слишкомъ удалиться отъ непосредственной темы, еслибъ я сталъ опровергать всѣ неточности Лафарга, потому что это значило бы ловить его почти на каждомъ словѣ. Но о

громадныхъ экономіяхъ „дальняго Запада» Америки нельзя не упомянуть. Въ дѣйствительности именно онѣ-то и составляютъ аргументъ противъ чрезмѣрнаго расширенія *одного* хозяйства, потому что оказываются національно невыгодными. Каждый акръ земли въ нихъ приноситъ *меньше*, нежели въ рукахъ мелкаго фермера, и это объясняютъ именно тѣмъ, что растеніе требуетъ нѣкотораго *индивидуальнаго* ухода, за отсутствіемъ котораго растеніе какъ бы приближается къ дикому состоянію. Примѣръ Лафарга, стало-быть, и съ этой стороны крайне неудаченъ. Коммунистическій референтъ довольствуется, однако, своимъ «анализомъ» экономической эволюціи и переходитъ къ слѣдующему фазису ея.

Итакъ—производство будто бы «коммунизируется» и централизуется. Хозяевъ становится меньше, рабочихъ больше. Но этого мало. Въ такомъ „коммунизированномъ“ предпріятіи хозяинъ становится будто бы *излишнимъ* и даже совсѣмъ стирается. Примѣръ этого даютъ акціонерныя компаніи. Гдѣ собственники въ нынѣшнихъ громадныхъ рудникахъ, акціонерныхъ заводахъ, желѣзныхъ дорогахъ? Они *въ дѣлѣ* отсутствуютъ. Они только получаютъ барыши, но для дѣла вполнѣ безразлично, существуютъ ли они или переселились на луну. Суть

уже производство стало чисто «коммунистическимъ» и только распредѣленіе еще остается индивидуальнымъ. Тутъ наступаетъ полное *противорѣчіе* между способомъ производства и способомъ распредѣленія, противорѣчіе, которое неизбѣжно должно кончиться экспропріаціей этихъ ненужныхъ и невидимыхъ собственниковъ.

Мы сейчасъ увидимъ, какъ это должно, по Лафаргу, произойти. Но предварительно слѣдуетъ отмѣтить возраженія г. Демолена и *La Science Sociale*.

III.

Возраженія эти въ частностяхъ весьма сильны, и если они не разбиваютъ противника въ конецъ, то лишь потому, что *партикуляристскія* тенденціи г. Эдмона Демолена мѣшаютъ ему стать на чисто общественную, соціальную почву.

Г. Эдм. Демоленъ совершенно правильно возражаетъ, что Лафаргъ вовсе не кстати прилагаетъ терминъ «коммунизма». Если всякая совмѣстная работа есть работа коммунистическая, то придется признать широкое развитіе коммунизма на феодальной барщинѣ. Современное крупное производство ничуть не

коммунистично. Напротивъ, это высшая форма *патронажа* гдѣ роль *хозяина* важнѣе чѣмъ когда бы то ни было.

Лафаргъ не видитъ личнаго присутствія капиталиста въ крупномъ производствѣ. Да, въ зданіи фабрики можетъ быть его нѣтъ. Тамъ—управляющій. Но капиталистъ присутствуетъ чрезвычайно реально и активно—въ другихъ болѣе важныхъ мѣстахъ: тамъ, гдѣ предпріятіе обдумывается, ставится на ноги, организуется. Его роль организатора такъ велика, какъ никогда, и еслибъ эти люди, которыхъ Лафаргъ не видитъ въ мастерской, исчезли, переселились на луну, то все бы дѣло стало. Мы опять здѣсь видимъ усиленіе, а не ослабленіе личнаго, индивидуальнаго элемента. Личность въ мелкой промышленности значитъ гораздо меньше, нежели въ крупной. Въ мелкой—всѣ хозяева, всѣ организаторы. Въ крупной—роль организатора спеціализировалась, отдѣлились отъ чисто рабочей силы, и потому рабочая сила гораздо менѣе можетъ обойтись безъ спеціалиста-организатора, нежели прежде. Хозяинъ именно *нуженъ*. Въ пониманіи акціонерныхъ обществъ, говоритъ Эдм. Демоленъ, г. Лафаргъ также, совершенно ошибается. Эти общества складываютъ въ одно вовсе не *людей* и не *работу*, а только

капиталы. Больше ничего. Какъ мало коммунистическаго въ акціонерныхъ обществахъ видно уже изъ того, что они дѣйствуютъ успѣшно лишь постольку, поскольку изгоняютъ собственно изъ производства всякое участіе «коммунистическаго» элемента, въ видѣ акціонеровъ. Акціонеры ни въ одномъ порядочномъ предпріятіи не участвуютъ собственно въ веденіи дѣла. Ихъ созываютъ разъ въ годъ.. для формы, и они не протестуютъ, прекрасно понимая, что при ихъ активномъ вмѣшательствѣ дѣло неизбѣжно погибнетъ. Вмѣсто «коммунистическаго» веденія дѣла, акціонерныя компаніи спѣшатъ возможно болѣе приблизиться къ хозяйственному. Онѣ пріискиваютъ способнаго *директора*, облекаютъ его огромною властью, и *производство* ведется на тѣхъ же началахъ какъ чисто личное, собственническое. Акціонерныя компаніи даютъ такимъ образомъ доказательство противъ коммунистическихъ идей, такъ какъ «коммунистическаго» производства не возникаетъ даже здѣсь, гдѣ на одномъ дѣлѣ объединились, «коммунизпровались» капиталы. Всѣ эти возраженія Эдмона Демолена—частично очень сильны. Но гдѣ у него *общество?* У Лафарга общества нѣтъ, потому что нѣтъ живого человѣка, а есть техническій процессъ природы, въ которомъ

вкраплены безвольные люди не съ бо̀льшимъ значеніемъ, нежели собаки и лошади, принадлежащія «націи». Что же болѣе сильнаго даетъ Демоленъ? У него мы видимъ патрона (хозяина) и рабочаго. видимъ мастерскую. но *общества* нѣтъ. Понятіе о коллективности не дается ни одной изъ спорящихъ сторонъ. Потому-то г. Демоленъ не нашелъ въ своемъ міросозерцаніи достаточно сильнаго опроверженія коммунистической фразеологіи Лафарга.

Дѣло въ томъ, что Лафаргъ, дѣйствительно, невѣрно прилагаетъ названіе «коммунизмъ» къ современной формѣ производства, но ошибка его болѣе глубока, чѣмъ простое непониманіе роли патрона. Лафаргъ не умѣетъ отличить производства *коммунистическаго* отъ *коллективнаго*. Вотъ корень его ошибки. Коммунистическое производство есть такое, при которомъ доля участія и характеръ участія работающихъ въ созданіи продукта равны и одинаковы. Собственно говоря, коммунистическаго производства, въ чистомъ видѣ, никогда не было и быть не можетъ. Это понятіе вполнѣ отвлеченное, теоретическое. По фактически—къ нему болѣе подходятъ формы прежняго однообразнаго, неразвитаго труда, почему лучшими достигнутыми формами коммунистическаго общежитія были старинныя

семейныя общества. Современное производство, напротивъ, высоко *коллективно*, но не коммунистично. Оно построено на *совмѣстномъ* трудѣ, но въ то же время очень сложномъ, расчлененномъ, спеціализированномъ. Оно объединяетъ огромныя массы работниковъ, но не въ одномъ и томъ же положеніи, не на одной и той же отрасли общаго труда, а въ положеніяхъ и спеціальностяхъ самыхъ разнообразныхъ. Современные соціалисты, а отчасти и вообще экономисты, давно покинувшіе научныя привычки изслѣдованія, давно усвоившіе манеру не подчиняться наблюденію, а подчинять его своей теоріи, воображаютъ, будто бы господство машины упростило трудъ и облегчило переходъ рабочаго отъ одной отрасли труда къ другой. Мы, Русскіе, легче всего можемъ еще видѣть ошибочность этого мнѣнія. Нашъ рабочій, воспитанникъ стараго, неразвитаго, ручнаго труда—несравненно разностороннѣе европейскаго рабочаго, воспитанника машиннаго производства. Ни въ одной отрасли труда нашъ рабочій не можетъ конкуррировать съ европейскимъ. Онъ все будетъ дѣлать медленнѣе и хуже. Но зато его можно посадить, сравнительно говоря, почти за любую работу, и всякую онъ кое-какъ схватитъ, кое-какъ на авось да небось сдѣ-

лаетъ. Европейскій рабочій несравнимъ въ своей *спеціальности*, но сравнительно съ нашимъ, почти неспособенъ изъ нея выйти. Это потому, что развитое, машинное производство не упрощаетъ, а усложняетъ трудъ, уменьшаетъ количество труда, не требующаго долгаго навыка, и увеличиваетъ количество чисто спеціальнаго. Общественное вліяніе машины состоитъ въ томъ, что она развиваетъ привычки труда *коллективнаго*, но ничуть его не коммунизируетъ. На современной громадной фабрикѣ неразрывно соединены люди существенно *различнаго* труда. Ихъ участіе въ созданіи продукта въ высшей степени *неодинаково* и количественно, и качественно. Это относится какъ къ отдѣльной фабрикѣ, такъ и къ цѣлому національному производству и обмѣну. Его различныя отрасли переплелись такъ же тѣсно, какъ отдѣльныя спеціальности на фабрикѣ, и тонко испытываютъ вліяніе другъ друга; прекрасно поставленная фабрика можетъ рухнуть только изъ-за того, что плохо пошли дѣла какой-нибудь другой, находящейся отъ нея за тысячи верстъ. *Все* производство переплетается между собою милліонами нитей связи и зависимости. Оно становится все болѣе *коллективнымъ* и все менѣе *коммунистическимъ*. Ни люди, ни фабрики не

участвуютъ въ обще-національномъ производствѣ одинаково и равно, ни люди, ни фабрики неспособны легко замѣняться одни другими. Рабочій, которому цѣны нѣтъ на одной фабрикѣ, никуда не годится на другой. Безцѣнный маклеръ не стоитъ гроша, какъ рабочій, или какъ надзиратель. Прекрасный химикъ или механикъ погубитъ все дѣло, если получитъ завѣдываніе коммерческою его стороной и т. д. Повсюду растетъ требованіе на спеціальность и индивидуальность, въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ и съ самымъ различнымъ значеніемъ вставляемыя въ одно коллективное дѣло.

Отсюда очень сложный ростъ *общества* въ производственномъ отношеніи. Отсюда все болѣе растущее вмѣшательство *общественной власти* въ дѣло регуляціи національнаго производства. Обстоятельство это совершенно ускользаетъ изъ партикуляристскаго кругозора г. Демолена. а также, видимо, выходитъ изъ рамокъ грубаго, упрощеннаго коммунизма Лафарга, который въ нѣсколько мѣсяцевъ убилъ бы все производство страны, еслибы получилъ власть его «устраивать».

IV.

Возвратимся однако къ схемѣ г. Лафарга. Итакъ, онъ полагаетъ будто бы производство нынѣ коммунизируется, и значеніе въ немъ каждой отдѣльной личности уравнивается. Значеніе хозяина исчезаетъ, онъ будто бы становится *не нуженъ*. Онъ только собираетъ барыши, ничему не помогая. Количество собственниковъ уменьшается, количество рабочихъ возрастаетъ. Лишенные собственности эти рабочіе отвыкаютъ отъ понятія о ней. Въ нихъ развиваются понятія коммунистическія. Они уже заявляютъ требованіе на принадлежность имъ, «націи», всей собственности капиталистовъ. Уменьшающееся число собственниковъ все менѣе способно противиться рабочимъ. Ясно, что это должно кончиться захватомъ власти со стороны рабочихъ, которые и произведутъ «переходъ частной собственности класса капиталистовъ въ общую собственность цѣлой націи».

Допустимъ, но что́ же дальше? Вопросъ, замѣчаетъ г. Демолень, вовсе не въ возможности захватить власть, а въ томъ, будетъ ли умно или нелѣпо такое ея употребленіе? Не ясно ли, что водвореніе коммунистическаго строя до послѣдней степени ослабляетъ всякую частную

инціативу, всякое стараніе и усиліе въ трудѣ и передаетъ на попеченіе государства заботу кормить, одѣвать и чуть не умывать весь народъ, который не только увольняется отъ необходимости самостоятельно заботиться о себѣ, но даже, съ уничтоженіемъ личной собственности, теряетъ къ этому возможность. Что же можетъ получиться, кромѣ общаго упадка?

Но Лафаргъ сіяетъ оптимизмомъ. Все будетъ превосходно. Упрекъ въ уродливомъ расширеніи власти государства и чиновничества при коммунистическомъ строѣ—говоритъ онъ—вполнѣ несправедливъ. Напротивъ, у коммунистовъ *совсѣмъ не будетъ* ни государства, ни чиновниковъ. Это опъ доказываетъ тою игрой словъ, которая сочинена К. Марксомъ, вѣроятно, просто для одурачиванія рабочихъ. Такой умный человѣкъ, какъ К. Марксъ, не могъ не понимать, что это только игра словъ. Лафаргъ, повидимому, принимаетъ ее искренно. Но все равно. Дѣло ставится такъ. «Государство есть организація репрессивныхъ силъ какого-либо привилегированнаго класса.» Но «въ коммунистическомъ обществѣ привилегированныхъ классовъ не будетъ», слѣдовательно, не будетъ и государства. Что же однако будетъ? «Нація», говоритъ Лафаргъ, передастъ завѣдываніе фабриками *рабочимъ синдикатамъ*...

«Кого однако тутъ обманываютъ», восклицаетъ г. Демоленъ? Развѣ не все равно, какъ назвать управителя и распорядители? Дѣйствительно, на этомъ пунктѣ соціалистическая мысль обнаруживаетъ замѣчательную слабость. Сущность государства состоитъ въ *принудительной власти* цѣлаго надъ частями. Попадаетъ ли эта власть въ руки какого-либо привилегированнаго сословія или не попадаетъ,—это частность, рисующая только *характеръ* даннаго государственнаго строя. Но пока существуетъ принудительная власть цѣлаго, до тѣхъ поръ существуетъ *государство*. Въ коммунистическомъ строѣ, по описанію самого Лафарга, принудительная власть «націи» существуетъ, стало-быть, ясно—существуетъ и государство, хотя бы его назвали не l'etat, а какъ-нибудь иначе. То же самое относится и къ чиновнику. Чиновникъ есть лицо, поставленное властью для обязательнаго выполненія какой-либо функціи и облеченное для того соотвѣтственными полномочіями. Такія лица есть и въ рабочихъ синдикатахъ, есть въ синдикатахъ и канцеляріи, и все, что́ угодно. «Нація», передающая свои права синдикатамъ, также является въ видѣ извѣстныхъ назначенныхъ для того лицъ, т. е. по современной терминологіи въ видѣ «начальства». Все это

можно *переименовать*, какъ Наполеонъ переименовалъ рекрутовъ въ конскрипты. Но если для удовлетворенія желаній соціалистовъ достаточно перемѣнить названія, то это съ охотой и безъ труда сдѣлаетъ любая «буржуазная» палата, и незачѣмъ прибѣгать къ соціальной революціи!

Для уясненія вопроса, успѣлъ ли государство и чиновничество въ коммунистическомъ обществѣ Лафарга, слѣдуетъ, оставивъ слова, смотрѣть на функціи. «Въ новомъ обществѣ», говоритъ онъ, «будетъ опредѣлено количество труда, необходимаго для широкаго удовлетворенія всѣхъ потребностей. Теперь умѣютъ же опредѣлять, сколько хлѣба нужно для страны. Еще легче опредѣлить, какое количество сапогъ необходимо произвести, чтобъ обуть всѣ французскія ноги.» Опредѣлить, конечно, можно, но дѣлать это будутъ, очевидно, спеціально назначенные «чиновники», вооруженные всѣми способами освѣдомленія. Далѣе, опредѣливши количество необходимыхъ продуктовъ, сообразно съ этимъ установятъ количество *обязательнаго труда*, который непремѣнно долженъ быть исполненъ «націей». Засимъ «on partagera» обязательное количество труда между всѣми гражданами и опредѣлятъ количество рабочихъ часовъ, которые

каждый долженъ отбыть для полученія права на «свободное пользованіе» всѣми богатствами, созданными общимъ трудомъ. Кто же эти таинственные «они», которые будутъ опредѣлять отбытіе обязательной повинности труда? Будетъ ли это особый «синдикатъ», «делегація» — во всякомъ случаѣ, власть это страшная. Отказаться отъ отбытія повинности — немыслимо, потому что самостоятельно работать — негдѣ, все принадлежитъ «націи»; нигдѣ, помимо «націи» и ея синдикальныхъ чиновниковъ, не достанешь куска хлѣба. Лафаргъ, однако, находитъ, что жизнь предстоитъ райская. Человѣкъ, мечтаетъ онъ, тутъ впервые станетъ *свободнымъ*, можетъ путешествовать, и по своему усмотрѣнію постоянно мѣняетъ форму труда, поочереди пройдя, если угодно, всѣ ремесла. Хорошъ, очевидно, будетъ работникъ! Лафаргъ не объясняетъ, кто будетъ слѣдить за этою массой путешествующихъ и отмѣчать отбытіе ими рабочей повинности сегодня въ одномъ городѣ, завтра въ другомъ. Вѣроятно, будетъ какой-нибудь «синдикатъ» рабочей полиціи.

V.

Едва ли нужно доказывать, что не свобода, а жесточайшій деспотизмъ ждетъ послѣдова-

телей Лафарга въ его коммунистическомъ строѣ. Допустивъ дѣйствительно свободное передвиженіе и произвольную перемѣну занятій, мы бы получили совершенно невозможный хаосъ. Обществу нужно не просто, скажемъ, 100 милліоновъ часовъ рабочаго труда, а именно, положимъ, 50 милліоновъ труда земледѣльческаго, 30 милліоновъ промышленаго, 20 милліоновъ нынѣшнихъ свободныхъ профессій и административнаго труда. Эти крупныя рубрики распадаются на множество мелкихъ. Такъ, въ первой нужно столько-то милліоновъ часовъ труда по производству *хлѣба*, столько-то милліоновъ часовъ для *овощей*, для *сѣна*, для *винограда* и т. д. Вторая рубрика распадается на нѣсколько десятковъ тысячъ подраздѣленій, для каждаго изъ которыхъ нужно именно такое, а не иное число часовъ. Такъ если нужно имѣть пять милліоновъ паръ сапогъ, то нельзя допустить, чтобъ ихъ произвели 10 милліоновъ или только одинъ милліонъ. Поэтому свободная перемѣна занятій, особенно съ путешествіями, немыслима. Свободная перемѣна сдѣлала бы то, что на каждую отрасль труда явилось бы не надлежащее число рабочихъ. На одной больше, на другой меньше, чѣмъ нужно. Этакъ спутается всякій разсчетъ центральна-

го правительства. Путешествія въ мало-мальски большихъ размѣрахъ спутали бы разсчеты еще болѣе. Что касается третьей рубрики, то свободное принятіе на себя ея обязанностей—уже вовсе немыслимо, такъ какъ, напримѣръ, въ учителя математики нельзя же принять добровольца, незнающаго твердо таблицы умноженія? Въ администрацію также нельзя брать людей только по ихъ собственному требованію. Итакъ, вообще свободный выборъ занятій есть обѣщаніе ложное. «Нація» или погибнетъ съ голоду въ 2—3 мѣсяца, или сдѣлаетъ для каждаго обязательнымъ трудъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ *ей* нужно, и въ той отрасли, какая ей необходима. Если ей нужно 20.000 сапожниковъ, то она (въ лицѣ своего правительства) и прикажетъ 20.000 человѣкамъ шить сапоги, а не красить заборы и не путешествовать. Это ясно какъ день. Чтобы поступить иначе—управляющіе синдикаты должны состоять даже не изъ сумасшедшихъ, а изъ измѣнниковъ, нарочно подготовляющихъ немедленную гибель новаго строя.

Но, дѣйствуя въ здравомъ умѣ и сообразно своимъ обязанностямъ, т. е. распредѣляя обязательный трудъ не только вообще, а и въ частности, по его отраслямъ, по отдѣльнымъ городамъ, по членамъ отдѣльныхъ ассоціацій—

соціалистическое управленіе совершаетъ не что́ иное, какъ громадную организацію *принудительнаго труда*. Никакой «свободы» тутъ быть не можетъ, трудъ обязательно закрѣпощается. Нельзя также допустить и вполнѣ свободныхъ перемѣнъ мѣста жительства. Въ Парижѣ, напр., у «націи» есть громадныя фабрики на милліонъ рабочихъ часовъ. Въ мелкихъ провинціальныхъ пунктахъ небольшія фабрики, способныя занять по 300, 400 человѣкъ. Очевидно, что если лѣнивцы или любители деревенской тишины отхлынутъ изъ Парижа, то фабрики «націи» не произведутъ декретированнаго количества продуктовъ. Между тѣмъ, скопившись по 1000 человѣкъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть орудія труда лишь на 400—500 рукъ путешественники отбудутъ свои рабочіе часы чисто формально, безъ пользы, а за это всетаки получатъ право на невозбранное потребленіе чего угодно и сколько угодно. Вести дѣла такимъ образомъ невозможно. Мѣсто отбытія труда, а стало быть и жительства приходится *закрѣпить*. Вообще, приходится создать порядокъ очень стѣснительный. Необходимымъ послѣдствіемъ этого является—созданіе силы, наблюдающей за исполненіемъ предписаннаго и заставляющей нарушителей подчиниться порядку. Но эконо-

мпческія послѣдствія этого чпсто крѣпостпаго порядка, тѣмъ не менѣе должны быть крайне неудовлетворительны. При всемъ деспотизмѣ своемъ «нація» можетъ вынудить у «гражданъ» только извѣстное количество *часовъ* работы. Но вѣдь какъ работать! Плохая работа въ 6 часовъ не произведетъ того, что старательная дастъ въ 1 часъ. А возбудить *старанія*—нечѣмъ. Оно ничѣмъ не вознаграждается, не поощряется. Лѣность тоже ничѣмъ не подавляется. Старательно ли отбылъ „гражданинъ-рабочій“ свои 5 часовъ или кое-какъ—онъ все равно одинаково получаетъ право потреблять что угодно и сколько угодно. Изъ-за чего же стараться? Свободный выборъ занятія, конечно, *нѣсколько* (хотя вовсе не много) способенъ поднять энергію работы. Но я уже доказывалъ, что обѣщаніе этой свободы невыполнимо. Въ общей сложности мы можемъ ожидать отъ коммунизма только строя крайне деспотическаго, и въ то же время со слабою продукціей; можемъ увидѣть лишь «націю» рабскую и бѣдную.

VI.

Что же противопоставляетъ этому строю г. Эдмонъ Демолень? Его частныя возраженія очень удачны. Но собственный идеалъ чрез-

вычайно односторонепъ, а исторпческія концепціи отличаются неполнотой и даже произвольностью.

Аргументація его вкратцѣ такова. Вообще, въ цѣломъ, развитіе человѣчества идетъ не къ коммунизму, а, наоборотъ, начинаясь съ первобытнаго коммунизма, все болѣе отъ него отходитъ, личность все менѣе зависитъ отъ общины, все болѣе предоставляется собственнымъ силамъ. Въ современную эпоху замѣчается возрожденіе коммунистическихъ идей, но это вовсе не зависитъ отъ особенностей современнаго производства. Это зависитъ отъ ненормальнаго усиленія государственности и централизаціи. Но, допуская на минуту такое объясненіе, мы не можемъ не спросить г. Демолена, отчего же стала развиваться идея государственности и централизаціи? Отвѣтъ получается крайне странный. Г. Демоленъ возлагаетъ вину этого на Людовика XIV (какъ въ одной статьѣ такую же вину возлагалъ въ Германіи на Фридриха Великаго). Это онъ развратилъ дворянство, оторвалъ его отъ земледѣлія и пріучилъ жить службой, т.-е. «на счетъ общества». Это существованіе «на счетъ общества», такъ сказать, «коммунистическое» произвело на дворянство дѣйствіе, какое всегда производитъ коммунизмъ, т.-е.

сдѣлало его безпечнымъ, лѣнивымъ и неподвижнымъ. Поэтому оно было низвергнуто третьимъ сословіемъ. Но захвативъ власть дворянства, буржуазія пошла по слѣдамъ его въ любви къ жизни на счетъ государства, развила чиновничество, и не устаетъ создавать новыя мѣста, чтобы жить на жалованье. Эта «коммунистическая» жизнь деморализируетъ буржуазію еще шире, нежели дворянство; она выпускаетъ изъ рукъ роль руководителя и теперь оказывается передъ четвертымъ сословіемъ въ томъ же положеніи, въ какомъ 100—150 лѣтъ назадъ было дворянство предъ нею самой. Четвертое сословіе является съ претензіей на власть, но уже распространяетъ; на весь народъ идею проживанія на счетъ государства. Вотъ источникъ современнаго коммунизма. Вотъ *болѣзнь*, отъ которой нужно лѣчить Францію... но не весь культурный міръ, такъ какъ нѣкоторыя части его, а именно страны англо-саксонской расы, ею не заражены.

Ставя такой діагнозъ, г. Демоленъ относится къ государству съ чрезвычайною враждой. Въ одной статьѣ своей (внѣ собесѣдованія 21 мая) онъ даже признаетъ *здоровыми* анархическія идеи свободы и отрицанія государства (порицая анархистовъ только за со-

ціалистическія тенденціи). Человѣкъ долженъ надѣяться только на самого себя, долженъ жить своимъ трудомъ, искусствомъ, усиліями если ему нужно сотрудничество другихъ людей, пусть складывается свободная ассоціація, точнѣе *союзъ*, опирающійся опять же только на свои собственныя силы. О государствѣ г. Демоленъ не можетъ вспомнить безъ желчи и раздраженія. У него не проскальзываетъ ни тѣни допущенія, чтобы государство было на что-нибудь нужно, для чего-нибудь полезно. Буржуазная школа политической экономіи отводитъ государству, по крайней мѣрѣ, полицейскую роль охранителя свободы договора, свободы труда и неприкосновенности собственности. Г. Демоленъ не упоминаетъ даже и о такой роли государства. Его *партикуляризмъ*, его идеалъ полной обособленности отдѣльныхъ лицъ и ихъ свободныхъ союзовъ доходитъ до какой-то анархической утопичности...

Можно ли однако быть столь близорукимъ? Ну, допустимъ, что есть эти милліоны энергичныхъ, иниціативныхъ, «здоровыхъ» лицъ и группъ... Гдѣ же, однако, *общество*? Чѣмъ связываются эти лица и группы, чѣмъ ставятся границы ихъ взаимной борьбѣ? Оставаясь на почвѣ политической экономіи, мы спра-

шиваемъ: развѣ нынче связь между отдѣльными отраслями производства, между отдѣльными фабриками много меньше, нежели между различными отдѣленіями одной и той же фабрики? Отдѣльная фабрика функціонируетъ подъ управленіемъ умнаго *патрона*, хозяина. Прекрасно. Но какъ же оставить безъ патрона, безъ нѣкотораго *хозяина*, совокупность этихъ фабрикъ? Партикуляризмъ не просто ошибоченъ, а утопиченъ тѣмъ, что не принимаетъ въ разсчетъ дѣйствительности. Онъ требуетъ обособленности и независимости того, что въ дѣйствительности вовсе не обособлено, а связано тысячей нитей. Онъ понимаетъ необходимость *разума*, и именно единаго разума, для одной фабрики. Но какъ не понимать, что такой же объединяющій и согласующій *разумъ* не менѣе нуженъ и на пунктѣ соприкосновенія, содѣйствія или борьбы десятковъ тысячъ отдѣльныхъ производственныхъ ячеекъ?

VII.

Экономическіе идеалы, выставленные г. Деменомъ, столько разъ и такъ разносторонне критиковались единомышленниками г. Лафарга, что мнѣ нѣтъ надобности на нихъ останавливаться. Свобода, какъ неприкосно-

венная основа производства, не только не можетъ подорвать идей коммунизма, но отчасти способствовала ихъ развитію. Достаточно видѣть бѣдствія промышленнаго кризиса, чтобы понять безсиліе свободы какъ регулятора производства. А рабочіе *переживаютъ* ихъ. И откуда налетаетъ бѣда? Гдѣ-нибудь за десятки тысячъ верстъ, въ Китаѣ, произошло возмущеніе, или въ Америкѣ не уродился хлопокъ, а въ Парижѣ или Лондонѣ сотня тысячъ человѣкъ оказывается выброшенною на улицу! Что могутъ тутъ сдѣлать наиболѣе искусные и энергическіе хозяева? Хорошо говорить о предусмотрительности, но не всегда она помогаетъ. Что касается классовой самопомощи, рабочихъ союзовъ и прочихъ средствъ свободной дѣятельности, то вѣдь именно это и производитъ разложеніе общества на противные лагери. Добившись ихъ появленія, нельзя проповѣдями г. Демолена помѣшать междуусобной борьбѣ.

Современная промышленная жизнь, именно построенная на началахъ преувеличенной свободы, сама ведетъ къ соціальной революціи. Несомнѣнно, что необходимъ нѣкоторый общій, національный,—а выражаясь конкретно—просто на просто *государственный* разумъ, упорядочивающій производство. Промышлен-

ная анархія по своимъ послѣдствіямъ не лучше коммунизма.

Между тѣмъ, какъ видимъ, европейская мысль только и способна колебаться между этими двумя полюсами. Собесѣдованіе 21 мая тѣмъ особенно поучительно, что не выставило ничего новаго. Парижъ, Франція, Европа взволнована признаками противуобщественнаго разложенія. И вотъ являются два представителя «соціальной науки» и въ тысяча первый разъ излагаютъ, только въ нѣсколько обострившемся видѣ, то же, на чемъ уже добрыя полстолѣтія застряла европейская мысль. Оба прекрасно критикуютъ другъ друга, оба, переходя къ положительному, излагаютъ невозможности. Это вполнѣ картина европейской соціальной мысли.

Чѣмъ же кончится такое положеніе?

Или, можетъ-быть, двѣ противоположности практически даютъ нѣчто среднее? Къ сожалѣнію, тутъ средняго нѣтъ, развѣ нуль, какъ между плюсомъ и минусомъ. Г. Демоленъ все строитъ на обособленномъ *патронѣ*, а г. Лафаргъ бунтуетъ рабочихъ этого патрона и приводитъ въ прахъ всѣ его начинанія. Г. Демоленъ пытается убѣдить рабочаго, что все спасеніе въ трудѣ, починѣ, самодѣятельности. А отсутствіе государственнаго устроенія про-

мышленности въ тѣхъ ея пунктахъ которые находятся внѣ всякаго вліянія *обособленныхъ* патроновъ, ежедневно пускаетъ прахомъ всѣ плоды труда рабочаго. Государство же гг. Демоленъ и Лафаргъ подрываютъ совмѣстно, съ усердіемъ достойнымъ лучшаго дѣла. Ничего «средняго» въ созидательномъ смыслѣ не получается и не можетъ получиться.

Гдѣ же выходъ однако? Да еще есть ли онъ?

Соціальная жизнь, какъ здоровье человѣка, выдерживаетъ разстройство только до поры до времени, до извѣстныхъ предѣловъ. Перейдя ихъ, не всегда можно исправить испорченное. Самое же главное: въ этихъ односторонностяхъ мы имѣемъ предъ собою не частичную ошибку экономической или политической доктрины, а проявленіе несравненно болѣе глубокаго разстройства въ мысляхъ, чувствахъ и стремленіяхъ людей. Исправленіе при этомъ крайне затрудняется, такъ какъ для борьбы съ ложью не находится здороваго опорнаго пункта. Противъ одной лжи выступаетъ другая, и кто бы ни побѣдилъ—хорошаго ничего не получается. Безвыходность такого положенія особенно важно понять тѣмъ, кто еще не совсѣмъ вошелъ въ него. Мы еще имѣемъ *общенародныя* начала, на которыхъ способны столко-

ваться люди самыхъ различныхъ сословій, имѣемъ и *власть*, внѣ всякихъ партій, власть, способную проникаться всею широтой народной мысли. Заговоритъ ли эта мысль, наконецъ? Разработаемъ ли мы наконецъ *сознательно* тѣ основы, какіе надломаны въ Европѣ, съумѣемъ ли дать имъ сознательное употребленіе для избѣжанія роковыхъ «соціальныхъ противорѣчій» Европы?

19

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Начала и концы, Москва, 1890 г., (въ продажѣ нѣтъ).

Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи, Москва, 1893 г., изд. 2, ц. 20 к.

Конституціоналисты въ эпоху 1881 года. Москва, 1895 г. изд. 3 ц. 40 к.

Борьба вѣка, Москва, 1896 г. изд 2., цѣн. 40 к.

Почему я пересталъ быть резолюціонеромъ, Москва, 1896 г. ц. 40 коп.

2007098122